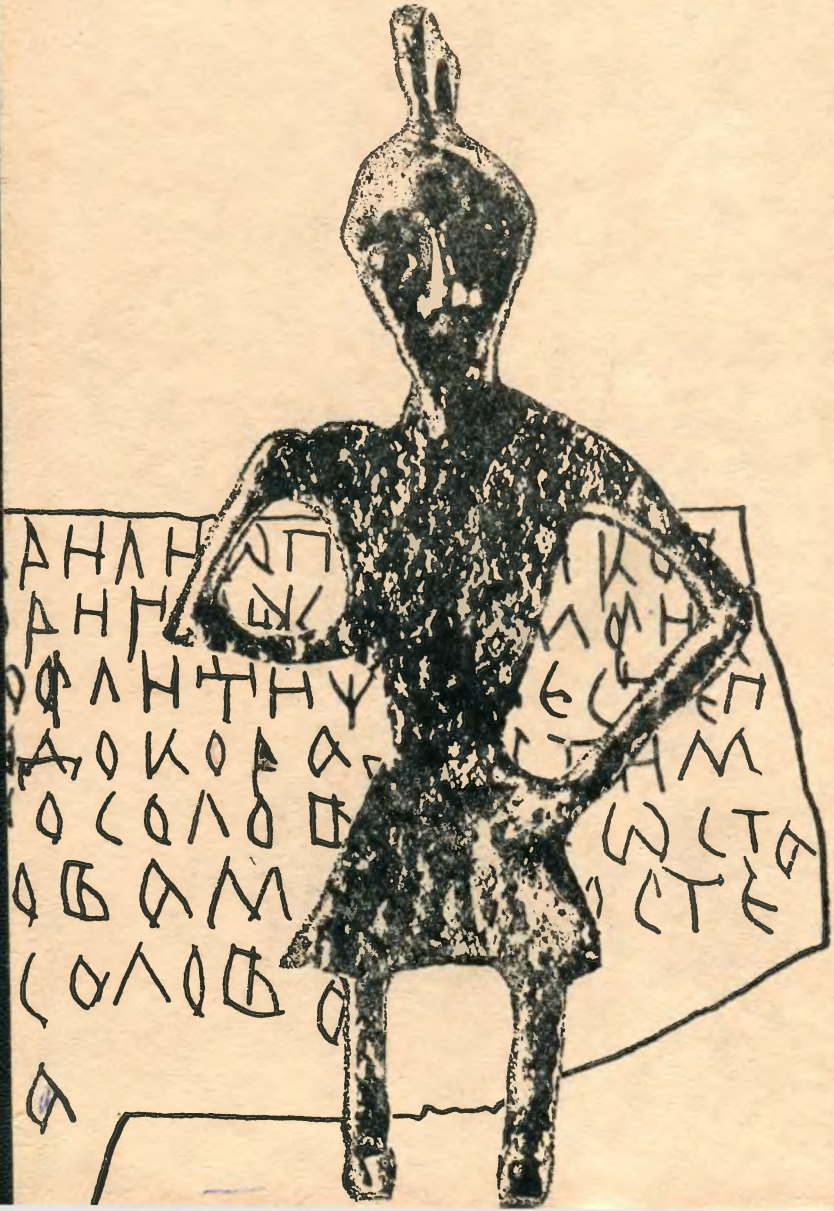
ПУТЕШЕСТВИЯ В ДРЕВНОСТЬ



ПУТЕШЕСТВИЯ В ДРЕВНОСТЬ

Под редакцией
чл.-кор. АН СССР
В.Л.ЯНИНА

Издательство
Московского университета
1983

БИБЛИОТЕКА

Путешествия в древность. М., Изд-во Моск. ун-та, 1983, 272 с., ил.

Научно-художественные очерки посвящены важнейшим открытиям археологических экспедиций Московского университета за 40 лет: истории изучения древнерусских городов (раскопки Новгорода, Смоленска, Гнёздова), золотоордынских, тувинских и хакасских находок, исследованию античных памятников Крыма, берестяных грамот и комплексов новгородских древностей. В книге рассказывается также об успешном применении естественнонаучных методов к анализу археологических предметов.

Издание хорошо иллюстрировано.

Для широкого круга читателей, интересующихся далеким прошлым нашей Родины, историей и археологией.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты:

доктор исторических наук *Е. Н. Черных,*
кандидат исторических наук *А. С. Хорошев*

П $\frac{0505000000-137}{077(02)-83}$ 35—83

© Издательство Московского университета, 1983 г.

Светлой памяти
Михаила Никаноровича
Кислова

В предлагаемом читателю сборнике рассказывается об археологических исследованиях, которые проводятся кафедрой археологии исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Эта кафедра была создана в 1939 году. Ее первым руководителем, определившим главные направления научной деятельности коллектива университетских археологов, был Артемий Владимирович Арциховский (1902—1978). В основе разработанной им научной программы лежит несколько важных обстоятельств.

Во-первых, университетская археология в силу самой специфики высшего учебного заведения сочетает сравнительно небольшой коллектив преподавателей-исследователей с громадным числом студентов, для которых участие в археологических экспедициях является частью их обязательной учебной программы. Это позволяет организовывать исследовательские работы на наиболее значительных памятниках, требующих участия большого количества сотрудников.

Во-вторых, сама организация летней практики, связанной с обучением десятков студентов, требует определенной стационарности работ, создания постоянно действующих баз, а это в свою очередь ведет и к более глубокому изучению раскапываемых памятников. Их раскопки планируются с учетом того, что они будут вестись много лет, охватывая все новые и новые аспекты связанной с ними археологической и исторической проблематики.

В-третьих, коль скоро в поле зрения кафедры должны в соответствии с требованиями учебной программы войти памятники возможно широкого хронологического спектра, сами исследования ведутся на далеко друг от друга отстоящих, как территориально, так и хронологически, объектах. Сам А. В. Арциховский был основателем и до своей кончины бессменным руководителем раскопок в Новгороде, где работы ведутся с 1932 г. В первые послевоенные годы была создана также непрерывно действующая Смоленская археологическая экспедиция (руководитель — профессор Д. А. Авдусин), работающая в самом древнем городе и расположенном рядом с ним крупнейшем курганном комплексе X в. Гнёздове. В Нижнем Поволжье работает многолетняя экспедиция по исследованию знаменитых золотоордынских столиц (руководитель — профессор Г. А. Федоров-Давыдов). Систематические исследования памятников скифского и античного времени кафедра традиционно вела на Украине; здесь на протяжении долгого времени стационарной базой университетских исследований является городище Чайка в Евпатории (руководитель — доцент И. В. Яценко). Крупнейшие исследования ведутся в Туве и Хакасии (руководитель — профессор Л. Р. Кызласов); на их основе, в частности, впервые создана история Тувы древнейшего и средневекового времени. В последние годы возродилась экспедиция по изучению древностей каменного века (руководитель — научный сотрудник Н. Б. Леонова), а также активизировались работы на трипольских поселениях эпохи энеолита (руководитель — доцент Н. В. Рындина). Многолетний цикл работ был осуществлен на раннеславянских городищах Тульской области (руководитель — научный сотрудник С. А. Изюмова). Особое направление работ кафедры археологии составляет активное использование новейших методов естественных наук в специальной лаборатории при кафедре (научные сотрудники Ю. Л. Щапова, Н. В. Рындина).

В-четвертых, изобилие археологических материалов, добываемых в этих экспедициях, многообразие проблематики и участие в экспедиционных работах студентов и аспирантов кафедры археологии позволяют широко использовать экспедиционные материалы в курсовых, дипломных работах, а также в диссертациях. Особенно

отрадным является постоянное участие студентов в научных разработках, ведущихся под руководством начальников экспедиций. Кафедра за 45 лет своего существования опубликовала десятки книг и сотни научных статей; студенческий вклад в этих изданиях чрезвычайно велик и очень ценен.

В последнее время организация экспедиционных работ на кафедре археологии Московского университета немыслима без опоры на «Закон об охране и использовании памятников истории и культуры». Этот важнейший государственный документ сделал заботу о сохранении древностей почетной обязанностью каждого советского человека. Тем более очевиден долг самих исследователей осуществлять и пропагандировать меры охраны археологических памятников.

Памятник археологии не вечен. Он разрушается в процессе исследования и сохраняется для будущей науки лишь в фотографиях, кинодокументах, на чертежах и в полевых описях, в коллекциях извлеченных из него древностей. Поэтому программа археологического исследования должна быть построена так, чтобы раскапывать в первую очередь те памятники, которым угрожает разрушение в результате хозяйственной деятельности. Памятники, находящиеся под охраной закона, могут подождать и будущих исследователей. Гибнущие памятники ждать не могут. Такое направление археологической работы, на первый взгляд, кажется противоречивым. Археолог сам привык выбирать место раскопок, зная, где его работы могут быть наиболее результативными. Охранная задача как бы сковывает его инициативу, отдавая выбор места раскопок в руки неспециалистов. Однако это только кажущееся противоречие. Опыт кафедральных исследований показал, что, решая в первую очередь охранную задачу, экспедиция приобретает свободу маневра, вовлекая в круг исследования сравнительные материалы более широкого диапазона. Естественно, что новый модус работы требует перестройки научных программ, но он придает этим научным программам и более глубокое содержание.

Объем сборника не позволяет коснуться всех направлений научной деятельности кафедры археологии. Авторы его статей стремились рассказать о главном. Многое из того, о чем говорится в этих статьях, хорошо известно специалистам, но в меньшей степени стало

достоянием широкого круга интересующихся прошлым нашей страны читателей, которым в первую очередь адресован наш сборник. Поэтому мы избрали доступную форму изложения, далекую в то же время от упрощения тех научных проблем, ради решения которых каждый год в начале лета в разные концы нашей страны отправляются кафедральные экспедиции, чтобы осенью вернуться с новым запасом сведений, находок, чертежей, фотографий, с новыми замыслами. Кто знает, возможно, осуществлять эти замыслы доведется и тем, для кого знакомство с археологией впервые состоится во время чтения этой книги.

Член-корреспондент АН СССР,
заведующий кафедрой археологии
исторического факультета МГУ
профессор В. Л. Янин

Л. Р. Кызласов

ОБРЕТЕНИЕ ПУТИ В НАУКУ

(Воспоминания о Московском университете, относящиеся ко времени .., когда автор в нем еще не был)

I

Московский университет — мощный светоч знаний и культуры. И это далеко не тривиальная фраза. Она наполнена значительным и глубоким содержанием. Московский университет — это в то же время «магический магнит» огромной притягательной силы. Сколько молодых (да и не только молодых!) людей со всех концов света ежегодно собираются у его стен.

Правдивый рассказ о начале моей жизни сможет, вероятно, до некоторой степени помочь раскрытию механизма воздействия на человека этого концентрированного разума, рассылающего вокруг себя светлые лучи-импульсы, уходящие в бескрайние дали.

Но начинать придется издалека. В начале 70-х годов прошлого века в Московском университете завершал свое образование студент Николай Михайлович Мартьянов (1844—1904). Молодой человек живо интересовался естественными науками, слушал лекции по фармацевтике, зоологии, геологии и минералогии, в свободное время увлеченно работал в университетском ботаническом саду. Студента Мартьянова интересовали, однако, не только пышное царство растений и красочный мир минералов, но жизнь и судьба простого человека. Получая естественнонаучные знания, он прежде всего думал о том, как следует употребить их с

пользой для многочисленных непросвещенных и в большинстве своем обездоленных соотечественников.

Университет сформировал его как ученого и как практика, научил «сеять разумное, доброе, вечное». По окончании курса он был выпущен в жизнь провизором. Н. М. Мартьянов полагал, что, став фармацевтом и работая в аптеке, он наилучшим образом сможет помочь страждущим людям, непосредственно участвуя в облегчении их физических страданий и излечении недугов. В то же время он будет собирать лечебные травы, гербарий растений и минералогические коллекции, изучая окружающую природу и принося тем самым пользу науке. Но этого мало. Уже в студенческие годы Мартьянов осознал, что наилучшим способом распространения в народе научных знаний является повсеместное создание общеобразовательных краеведческих музеев. И он взял себе за правило, всюду, где возможно, собирать различные естественнонаучные коллекции.

Чтобы труд всей его жизни оказался наиболее эффективным, Николай Михайлович по окончании университета постарался избрать для своей деятельности место, не только мало изученное в научном отношении, но и отдаленнное от центров цивилизации. Никогда до того не переезжавший Уральский хребет Мартьянов решился добровольно поехать в страшный по тем временам край каторги и ссылки — в Сибирь, в далекую Енисейскую губернию.

Так, в 1874 г. выпускник Московского университета стал аптекарем в глухом и пыльном мещанско-купеческом уездном городке Минусинске. А в 1877 г. им был открыт основанный на частные пожертвования первый в Сибири краеведческий музей, сыгравший исключительную роль в распространении среди сибиряков начатков культуры и просвещения. Верным помощником Мартьянова в создании «Минусинского публичного местного музея» стал сын декабриста М. А. Крюкова, преподаватель Минусинского училища Т. А. Сайлотов (1846—1918), также учившийся в начале 60-х годов в Московском университете.

Так, в далеком «медвежьем» углу тогдашней Российской империи, где прозябали полуневежественные обыватели и мелкие купчишки, где трудились темные неграмотные крестьяне и забитые «инородцы» — хакасы, где томились в ссылке лучшие люди революцион-

ной России (начиная с декабристов), появилось первое просветительское учреждение демократического направления.

Питомцы Московского университета Н. М. Мартьянов и Т. А. Сайлотов создали не только музей, но и научную библиотеку при нем. Постепенно они сплотили вокруг себя политических ссыльных Минусинска, многие из которых, став активными сотрудниками или корреспондентами музея, создали ряд значительных трудов по истории, археологии, этнографии, экономике и краеведению Южной Сибири. Некоторые затем стали крупными учеными и общественными деятелями. Среди них были социал-демократы (впоследствии большевики) Ф. Я. Кон и В. А. Ватин; народовольцы Д. А. Клеменц и И. П. Белоконский; студент Московского университета П. А. Аргунов, сосланный за переводы и распространение трудов К. Маркса и Ф. Энгельса; член «Социально-революционной партии Народного права» Е. К. Яковлев и другие.

С Н. М. Мартьяновым познакомился и общался в период своей ссылки в Минусинский уезд Владимир Ильич Ленин, приезжавший из села Шушенского для работы в библиотеку музея.

В 1977 г. был торжественно отмечен 100-летний юбилей известного всей стране Минусинского музея, ныне достойно носящего имя своего основателя Н. М. Мартьянова.

2

Для жителей Минусинска, Абакана, Черногорска, окружающих деревень и хакасских улусов знакомство с Минусинским музеем начинается с детства. Одиннадцати лет от роду с ним познакомился и я. Это было в давно прошедшем 1935 году. Несмотря на юный возраст, мне, родившемуся в отдаленном хакасском улусе, удалось все же повидать к тому времени немало первоклассных музеев. В 1930—1934 гг. родители учились в Ленинграде. За эти четыре года не было почти ни одного воскресного дня, когда бы наша семья не посещала дворцов и музеев Ленинграда, Детского Села, Павловска, Петергофа, Гатчины и других близлежащих городов.

Но именно Минусинский музей, начиная с первого его посещения, произвел особенное, неизгладимое впе-

чатление и оставил значительный след в моей жизни. Дело в том, что в просторном светлом зале большого здания из темно-красного старинного кирпича я тогда увидел неожиданный и удивительный мир невероятно древних вещей, уводивших воображение в легендарные, почти сказочные времена раннего детства той части человечества, которая обитала на берегах моего родного Енисея!

Оказалось, что люди, создавшие эти, теперь музейные, предметы тысячу, пять или даже двадцать пять тысяч лет тому назад, были не только нашими далекими предками, но и нашими земляками. Они жили здесь же — в бассейнах рек Енисея, Абакана и Чулыма — на нашей, как выясняется, очень древней хакасско-минусинской земле.

Древние люди охотились и ловили рыбу, обрабатывали землю и пасли скот, добывали руду в горах и строили свои селения. Они творили и развивались, по крупицам собирали знания и опыт, чтобы передать их последующим поколениям, а значит, и нам. Они умирали и оставляли в родных степях свои загадочные теперь могилы — земляные бугры, обставленные огромными каменными плитами. В народе их считают сооружениями не людей, а великанов или богатырей.

Вот каменный топор. Его изготовил и им работал мой далекий предок и предшественник. В той витрине выставлены уже бронзовые орудия. А дальше — железные сошники, серпы, мечи, удила и стремена. Посмотрите на эти каменные плиты с вырезанными на них непонятными теперь древними письменами. Оказывается, это самобытная енисейская письменность наших предков — древних хакасов...

Хотя все эти мысли сформировались не сразу, но отчетливо помню свое детское впечатление — такого музея мне еще видеть не приходилось. Этот удивительно близкий нам, сибирякам, краеведческий музей наглядно и зримо раскрывает всю историю родной южносибирской земли. А какие, казалось мне, работают в музее совершенно особые и очень ученые люди! Откуда они?

Тогда мне, конечно, не было известно, что в Минусинском музее благодаря великолепным плодам разума и рук бывших питомцев Московского университета, и в первую очередь Николая Михайловича Мартьянова,

я впервые как бы встретился с самим Московским университетом, с первым его призывом к ознакомлению с бесконечно разнообразным миром человеческих знаний.

3

В возрасте 14 лет, едва окончив семилетнюю неполную среднюю школу в г. Абакане, я встретился с замечательным ученым Варварой Павловной Левашевой (1901—1974), работавшей археологом в том же самом мартьяновском музее. Это была истинная подвижница науки, великий бескорыстный ее труженик. Окончив курс Московского университета в 1925 г., молодая москвичка, ученица известного русского археолога профессора В. А. Городцова, с энтузиазмом поехала в неведомую для нее тогда Сибирь, чтобы вложить свой труд в познание неизвестных древних культур сибирских аборигенов. 20 лет проработала она в музеях Омска (в 1926—1930 гг.) и Минусинска (в 1930—1946 гг.), прежде чем вернулась назад в Москву, где до конца жизни трудилась в Государственном Историческом музее.

Варвару Павловну я считаю своей первой учительницей в области сибирской археологии, ибо она смело доверила мне, подростку, не только лопату, но нож и кисть для расчистки древних захоронений, раскопки которых она производила в 1938 г. в черте г. Абакана. И мы с товарищем, волнуясь от нетерпения, сбежали с уроков, потому что Варвара Павловна оказала нам неслыханное доверие — позволила участвовать в научных открытиях! Нами овладело совершенно незнакомое до той поры чувство. Это волшебное ощущение приходит тогда, когда ты сам с помощью совка, ножа и кисточки открываешь древние бронзовые топорики, кинжалы, ножи, глиняные горшки, костяные гребни, стеклянные бусы и другие предметы, захороненные в землю около двух с половиной тысяч лет назад! С тех пор они оставались никому не известными, забытыми, а теперь попадали в наши руки.

О великое, прекрасное чувство первооткрывательства! Подозреваю, что и оно сыграло не последнюю роль в том, что я выбрал профессию археолога. В 1939 г. в Минусинском музее довелось купить интереснейшую

научно-популярную книгу В. П. Левашевой «Из далекого прошлого южной части Красноярского края». В ней все археологические материалы музея приведены в стройную систему.

И тогда я еще не знал, что произошла моя вторая встреча с Московским университетом, достойным посланцем и воспитанницей которого была В. П. Левашева. А зов Московского университета и притяжение его становились все сильнее.

4

В предвоенном 1940 г., шестнадцати лет, мне удалось впервые увидеть в Абакане профессора кафедры археологии Московского университета Сергея Владимировича Киселева (1905—1962). Я никогда не был в Москве и не представлял себе, как должен выглядеть настоящий профессор. Каким образом он появился в нашем степном городишке?

Как-то летом я увидел афишу, в которой сообщалось, что в Зеленом театре городского сада известный историк и археолог профессор Московского университета С. В. Киселев прочтет лекцию «История хакасского народа». Задолго до назначенного времени я прибежал в городской сад.

Профессор поразил меня своим необычным выразительным лицом, большой внутренней силой и энергией, прорывающейся в его манере говорить и жестикулировать. Отчетливо понял — это необыкновенный человек. Не знал я тогда, что встретил своего Большого учителя. Не подумал даже, что именно он выведет меня на широкую дорогу жизни, сделает ученым. Но до этого было еще далеко. Учиться к нему я приду после тяжелых лет войны, после долгих фронтовых дорог, каждый метр которых приходилось брать с боем. Таким был путь юношей моего поколения в университетскую науку.

Летом 1940 г., сидя на первой в своей жизни лекции университетского профессора, я еще ничего этого не знал. Профессор, глубокий знаток истории Южной Сибири, говорил увлеченно и быстро. Его рокочущий сильный бас разносился далеко за пределы Зеленого театра. Я сидел взволнованный и оробевший. Признаться, многое из того, что он говорил, было мне тогда

непонятно. Осознал только, что надо еще многому учиться, что наука сложна и загадочна. Помню, после лекции уходил с чувством большой гордости от приобщения к настоящей науке.

Такой была моя третья встреча с Московским университетом, который, если можно так сказать, сам пришел ко мне, в Абакан, в лице одного из своих многоуважаемых профессоров. Тогда я впервые задумался о том, что же это такое Московский университет, в котором учились и преподавали такие достойные люди? А главное, я осознал, что В. П. Левашева и С. В. Киселев занимаются именно тем самым, что так сильно интересует и увлекает меня самого, — историей родного хакасского народа.

5

Как уже говорилось, много тяжелейших препятствий оказалось на моем пути в Московский университет, но иногда он и сам как бы приближался ко мне.

В 1941 г. грянула Великая Отечественная война. Я только что окончил среднюю школу. В 17 лет добровольцем в армию меня не взяли. Сказали: «Пока учись дальше!» А где? В июле бомбили Ленинград и Москву. Проезд на запад был закрыт. Тогда я уехал и поступил на историко-филологический факультет Томского университета, где была объявлена специализация студентов по археологии. В ту тяжелую первую военную зиму в Томске оказалось много эвакуированных с запада заводов, учреждений и людей. Приехал и разместился «Всесоюзный комитет по делам высшей школы СССР» (ВКВШ), как тогда называлось современное Министерство высшего и среднего специального образования СССР. Приехали многие профессора и преподаватели высших учебных заведений, в том числе и часть профессоров Московского университета. И еще не видя стен Московского университета, я получил счастливую возможность учиться непосредственно у его профессоров и доцентов. Так Московский университет снова пришел ко мне.

Огромное влияние на меня оказали замечательные лекции по истории средневековой Европы, которые, сцепив перед собой руки, улыбаясь и слегка покачиваясь, читал нам превосходный знаток древних герман-

цев и блестящий лектор, профессор Александр Иосифович Неусыхин. В его семинаре по раннему феодализму я работал с особым интересом. И, может быть, не случайно, впоследствии став археологом, специалистом по истории и археологии Сибири и Центральной Азии, я все же наибольшее влечение испытываю к средневековому периоду и средневековой культуре.

Исключительное значение для моего культурного роста имели блестящие по форме и глубине содержания лекции, посвященные античной, средневековой и новой западноевропейской литературе, которые читал нам доцент Роман Михайлович Самарин, впоследствии профессор и многолетний декан филологического факультета Московского университета. Москвичами были и некоторые другие преподаватели филологии и древних языков.

Так произошла моя четвертая встреча с Московским университетом, которая в далеком Томске, в суровую голодную зиму 1941/42 г., наполнила все мое существо великой и непоборимой жаждой познания научной истины, радостью духовного взлета, раскрыла светлые и безбрежные горизонты.

Несмотря на все невзгоды и трудности военного времени, дух мой закалился, появилась и окрепла решимость после исполнения своего гражданского долга — участия в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками на фронтах Отечественной войны — прийти в Московский университет к своим любимым профессорам и вновь стать студентом.

После окончания первого курса мне исполнилось 18 лет и я ушел в армию, гордясь тем, что уже имею незаконченное высшее образование, что еще на одну ступень приблизился к Московскому университету. А пока пора было догонять своих воюющих на фронтах школьных друзей.

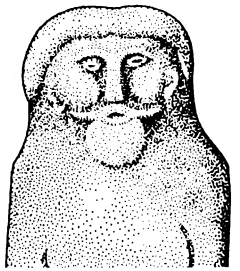
6

В 1942—1945 гг. юный студент-гуманитарий был танкистом, механиком-водителем грозной боевой машины — танка «Т-34». Совершалось возмездие над фашизмом. Советские войска шли на запад, освобождая Украину, Польшу и Чехословакию. Легкое ранение в Карпатах, но путь продолжался дальше — через Одер

в Германию. Тяжелое ранение и ожоги получены в начавшейся ожесточенной битве за Берлин. Госпиталь, инвалидность. Немой вопрос: смогу ли я, безрукий инвалид, стать археологом? И вот он, счастливейший день, 26 июля 1945 года. Я сошел на перроне Курского вокзала в Москве. Где он, Университет? Как проехать к нему? В солдатском обмундировании, с дорожным мешком за спиной и с протезом вместо левой руки я стою у решетки Александровского сада и смотрю через Манежную площадь, туда, где впереди, на Моховой улице, возвышается строгое монументальное здание университета. Бывалый солдат двадцати одного года от роду, прошедший с трудными боями тысячи верст по дорогам Европы, я испытывал во время первой встречи огромную робость и волнение. Слезы застилали глаза.

«Здравствуй, мой университет! Долго же ты ждал меня. А как долго и трудно я шел к тебе. Наконец-то наша встреча свершилась!»

...С тех пор я с Московским университетом не расстаюсь. Вот уже 38 лет.



Л. Р. Кызласов

В СИБИРИЮ НЕВЕДОМУЮ ЗА ПИСЬМЕНАМИ ТАИНСТВЕННЫМИ

Какой мы ни возьмем язык и век, —
Всегда стремился к знанью человек,
А мудрые, чтоб каждый услыхал их,
Хваленья знанью высекли на скалах.

Рудаки. X век.

Начало открытий

Возок на полозьях с кожаным растрескавшимся от времени верхом и плетеным из прутьев кузовом, ныряя в выбоины дорожной колеи, скрытые под пухлым свежим снегом, выбирался за восточную заставу Тобольска. Две заиндевевшие на морозе мохнатые лошадки, хрупая крепкими копытцами по плохо накатанному насту, легко втащили возок на холм, с которого еще можно было видеть тобольскую окраину, желтевшую сквозь сизую утреннюю дымку новосрубленными избами.

На холме дорогу перегораживало толстое бревно, висевшее на железной цепи из больших круглых колец. Рядом стояла низкая избушка с подслеповатым окошком и деревянной дымящейся трубой на плоской, выложенной дерном и побеленной снегом крыше. Кучер, мужичок в некрашеном овчинном тулупе, перехваченном витой кумачевой опояской, с мохнатой шапкой на голове, остановил лошадей.

Из возка высунулся человек в шерстяном капюшоне, обрамлявшем обветренное усатое лицо, огляделся по сторонам и хриплым голосом сказал кому-то в глубину экипажа по-немецки: «Это последний пост!» Кучер, приподнявшись с козел, крикнул: «Эй, служивый!»

Скрипнула дощатая дверь избушки и наружу выбрался солдат-инвалид в треуголке и мундире с белой перевязью через плечо. Припадая на левую ногу, он молча подошел к шлагбауму. Загрохотала цепь, и бревно медленно поползло вверх. Возок тронулся, и вскоре он уже был далеко под холмом, похожий на переваливавшуюся с боку на бок черную коробочку, постепенно уменьшавшуюся на поблескивающей ленточке белой дороги, извивающейся между серебристыми купами березовых рощиц. За передним возком с холма скатились еще две параконные кошевы с сундуками и зарывшимися в сено закутанными людьми.

Это было 1 марта 1721 года... Так началось длительное путешествие первой русской научной экспедиции по окраинным, недавно присоединившимся к России, не исследованным сибирским землям.

* * *

Руководил экспедицией тридцатидвухлетний доктор наук Даниил Готлиб Мессершмидт (1685—1735). Он был специально приглашен в 1717 г. из Данцига царем Петром I и отправлен 1 марта 1719 г. сначала в Москву, а затем в Тобольск со свитой ехавшего в Китай русского посла Л. В. Измайлова. Указ о сибирской экспедиции под руководством Д. Г. Мессершмидта был издан Петром 15 ноября 1718 г. В нем было сказано, что экспедиция посылается «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей» с тем, чтобы все найденное присылать «в Санктпитербурх в Главнейшую аптеку».

Д. Г. Мессершмидт был врачом, географом и натуралистом, знавшим и восточные языки. Именно такого рода специалист лучше всего мог заняться в то время «страноведением» Сибири: изучать ее природу и коренное население, исследовать археологические памятники и собирать факты древней истории.

По заключенному между ним и русским правительством контракту Мессершмидт должен был получать от

БИБЛИОТЕКА

правительства всего 500 руб. в год и за это должен был возглавить многолетнюю экспедицию. Ученому вменялось в обязанность заниматься изучением сибирских эпидемических заболеваний и выявлением лекарственных растений Сибири, географией страны с изучением ее флоры и фауны, но главное — он должен был составить описание сибирских народов, их языков, их древних памятников и собрать сведения о любых достопримечательностях и небывалых явлениях. В письме коменданту Томской приказной палаты В. Е. Козлову от 18 апреля 1721 г. Мессершмидт сам так определил задачи экспедиции: «По указу царского величества велено мне в Сибирской губернии и во всех городах приискивать потребных трав, и цветов коренья, и всякой птицы и проч... також могилных всяких древних вещей шейтаны медные и железные, и литые образцы человеческие и звериные и калмыцкие глухие зеркала подписмом и велено о том в городех и в уездех публиковать в народ указом, и буде кто такие травы и коренья и цветы и древние вещи могильные и все выше объявленное чтоб приносили и объявляли мне, и буде из тех вещей явитца что потребное и за те могильные вещи дана будет плата немалая».

Шесть лет (с июня 1720 г. по март 1726 г.) в трудных условиях путешествовал Мессершмидт по Сибири и, несмотря на скромные средства, блестяще выполнил все возложенные на него разнообразные поручения. Будучи настоящим ученым, он не чурался черновой работы и, не имея хороших помощников, почти все делал сам: составлял и перечерчивал карты, собирал гербарий, набивал чучела птиц и зверей, рисовал, собирал древние вещи из числа случайных находок, сутками работал в первых сибирских архивах, а также занимался раскопками древних могил. Он проехал Сибирь от Урала до Байкала и от Саян до Нижней Оби. Кроме того, им была совершена поездка через Даурию на озеро Далай-нор в Северной Маньчжурии.

По возвращении в марте 1727 г. в Санкт-Петербург Мессершмидт сдал в только что образованную Российскую Академию наук 23 тома своих трудов, написанных в глубинах Сибири (из них 5 томов занимает тщательно составленный дневник путешествия), громадный гербарий, карты, атлас рисунков (36 таблиц) и собранную им большую коллекцию древних предметов.

Но в 1725 г. умер царь Петр, а его преемникам, погрязшим в бесконечных дворцовых интригах, было не до Мессершмидта, не до его драгоценнейших, первых в русской науке обширных материалов, характеризующих «незнаемую» Сибирь. Мессершмидт так и не успел ничего опубликовать. Написанные преимущественно по латыни рукописи его трудов 235 лет хранились в архиве, несправедливо оставаясь неопубликованными и мало использованными наукой. Только в наше время была опубликована часть описания его путешествия.

Сам Мессершмидт — ученый, открывший для науки неведомые дотоле памятники письменности средневековых хакасов, памятники так называемой енисейской письменности, — хотя и стал членом Российской Академии наук, был забыт и скончался в нищете в Петербурге в 1735 г.

Указы Петра Великого

Итак, март 1721 года...

При Петре I Русское государство крепло и развивалось. Только что было закончено начатое еще в XVI в. присоединение огромной, сказочно богатой, но далеко еще не освоенной и в значительной степени неведомой страны — Сибири, и кипучая энергия Петра, его страстное стремление к созданию могучего русского царства, широкий кругозор крупного государственного деятеля позволили ему обратить внимание и на такие вопросы, которые даже не пытались ставить в те времена другие правительства государств Западной Европы.

Таковыми необычными для своего времени правительственными распоряжениями были указы Петра I о централизованном сборе редких, случайно находимых в земле при разного рода работах древних предметов, которые остались от неизвестных, некогда живших на территории Российского государства народов.

Эти предметы быта, орудия труда, культа и искусства древних и средневековых племен и народностей являются важнейшими источниками для воссоздания исторического прошлого народов нашей страны и изучаются ныне особой наукой — археологией. Археология — одна из важных отраслей исторической науки, ибо с ее помощью мы получаем представление не толь-

ко о древнейшем прошлом человечества, но и в значительной мере о периоде средневековья, в особенности об истории тех племен и народов, которые не имели своей письменности, как, например, многие народы, издревле населявшие Сибирь.

Но даже и там, где сохранились письменные источники, многие стороны прошлой жизни могут быть восстановлены только с помощью вещественных материалов, и потому археологические памятники представляют огромную ценность.

Уже в начале 1717 г. в Тобольск «губернатору Сибирии» князю М. П. Гагарину послан был царский указ, в котором требовалось, чтобы «древние золотые и серебряные вещи, которые находят в земле древних поклаш, всяких чинов людем велено объявлять в Тоболску и велено у них брать те вещи в казну великого государя, а отдавать им за те взятые вещи ис казны деньги».

Намного предвосхищая заботу нашего государства сегодня о сохранении памятников старины, в одном из указов Петра I от 1718 г. говорилось: «...Ежели кто найдет в земле, или в воде какие старые вещи, а именно: каменья необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбьи или птичьи, не такие, какие у нас ныне есть, или и такие, да зело велики или малы перед обыкновенными; так же какие **старые подписи на каменьях**, железе или меди, или, какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно — такожъ бы приносили, за что давана будет довольная дача, смотря по вещи, понеже не видав, положить нельзя цены...»

В особенности важно, что в другом указе было приказано не только собирать «протчие вещи» и «камни с потписью», но и «где найдутся, такие всему делать чертежи, как что найдут». Вот текст, собственноручно написанный Петром: «За денги и протчие вещи, кои с потписью, вдвое [платить] чего оне стоят. За камни с потписью по разсуждению. Один гроб с костми привесть не трогая. Где найдутся, такие всему делать чертежи, как что найдут».

По сути, в этих указах была дана настоящая археологическая программа, которая даже требовала графически фиксировать обнаруженные исторические памятники, снимать планы, копии и рисунки со старинных надписей и предметов.

В ответ на запрос 1720 г. сибирского губернатора князя А. М. Черкасского о том, покупать ли для царя добываемые из древних курганов золотые вещи, последовал правительственный указ 1721 г.: «Куриозныя вещи, которыя находятся в Сибири, покупать Сибирскому губернатору, или кому где надлежит, настоящею ценою и, не переплавливая, присылать в Берг и Мануфактур Коллегию», а затем представлять самому царю.

Петровские указы способствовали не только сбору сибирских древних «антиквитетов и куриозных вещей», но и исследованию новой, тогда еще в значительной степени малоизвестной страны, присоединение которой только заканчивалось в начале XVIII в. Распоряжения царя были вызваны целым рядом событий, совершившихся в Сибири в предшествующее время.

* * *

Присоединение Сибири к России в XVI и XVII вв. привело к широкому и всестороннему знакомству русских людей с новой громадной и богатой страной, с ее разноплеменным населением, с ее древностями в виде многочисленных городищ, курганов, древних рудников и наскальных рисунков (писаниц).

Уже в XVII в. первые русские служилые люди обратили внимание на многие встреченные в новых сибирских землях непонятные для них следы старинных местных культур, не всегда сопоставимых с уровнем культуры сибирских народностей этого времени. В «Отписках» и «распросных речах» царские воеводы и «дети боярские», руководившие боевыми отрядами казаков и служилых людей, продвигавшимися все дальше на восток к Тихому океану, сообщают о многих увиденных ими археологических памятниках. О них писали и ранние сибирские «летописцы», и царские посланники в Монголию и Китай, а также первые иностранные путешественники.

Еще в 1617 г. в своих «распросных речах» в Москве наблюдательные русские послы В. Тюменец и И. Петров, ездившие в 1616 г. из Томского острога через Хакасию, Саянский хребет и Туву к западномонгольскому Алтын-хану на озеро Упсу-нур, отмечают развалины древних зданий, которые они видели в верховьях Енисея, где прежде «бывали полаты, а ныне де то место

пусто. И мы про те хоромы и полаты розпрашивали Золотого царя старых людей. И они нам сказывали про те хоромы и про полаты: тогде живали... Золотого царя люди».

Неизвестный русский автор интересных статей о Сибири середины XVII в. указывает, что на р. Томи «не дошед (Кузнецкого. — *Л. К.*) острогу... лежит камень велик и высок, а на нем писано: звери, скоти и птицы и всякие подобия», ему известны также «многие грады каменные и великие палаты по степным местам, а все пусты, а иные от давних лет осыпались; а какие люди сталися, никто о сем не весть». Приведенные сведения являются ранними известиями о писаницах на р. Томи. Наиболее ранним сообщением о надписях и писаницах на скалах по Енисею мы обязаны русскому послу в Китае Н. Спафарию, проезжавшему через Сибирь в 1675 г. и отметившему в своих записках: «А до болшего порогу не доезжая есть место, утес каменной по Енисею. На том утесе есть вырезано на каменю неведомо какое писмо и межь писмом есть и кресты вырезаны, также и люди вырезани, и в руках у них булавы, и иные многие такия дела. Как сказывают, что в том каменю вырезаны на пустом месте. А никто не ведает, что писано и от кого».

К сожалению, из сообщения Н. Спафария мы не можем заключить, о каких надписях идет речь, ибо на скалах по Енисею открыты не только древнехакасские, но и монгольские надписи и писаницы. Там, действительно, имеется много вырезанных надписей енисейской письменности, в том числе и среди писаниц с изображением различных тамгообразных знаков, людей с «булавами» в руках и т. п. Однако известные ныне наскальные надписи и писаницы располагаются значительно выше по Енисею от тех мест, где проезжал Спафарий. Сам он этих писаниц видеть не мог и потому записал сведения о них со слов местных жителей.

Первая фиксация наскальных изображений в интересах науки была также произведена по указу Петра в верховьях р. Туры еще в 1699 г. «По указу Великого государя» подьячему Якову Лосеву и двум стрельцам было велено «ехать из Арамашевской слободы в деревню Писанец. А приехав и взяв тое деревни жителей крестьян старых людей и велеть им указати гору, на которых каменьях написаны слова и иные какие письма.

А приехав к той горе, тое гору осмотреть и описать, сколь велика и высока, и в котором месте на камени писаны слова иль иные какие письма и сколь высоко те письма на камени написаны от воды и сколько написано слов. Написать на чертеже тое гору и те писаные слова слово в слово ничем не розно и во всем бы сходно».

Этот указ был выполнен, а копия снятого рисунка была вскоре, в 1705 г., опубликована известным голландским ученым и другом Петра Н. Витзеном. Как видим, петровское требование в указах 1718 г. «всему делать чертежи» не случайно, ибо чертежи снимались с наскальных изображений уже в конце предыдущего столетия.

Сокровища забытых племен

В XVII в. начинается переселение русских крестьян из северных и центральных районов России на «вольные земли» Сибири, подальше от гнета собственных боярфеодалов и помещиков. Появляются и первые ссыльные.

Не скоро обжились русские новоселы на полупустых просторах новых земель. Долгая дорога на лошадях и пешком, суровая природа с лютыми зимними буранами, отсутствие опыта в освоении непаханых земель, поборы местных воевод и правителей, нередкие стычки с «немирными инородцами», постоянный приток разношерстного люда — все это приводило к тому, что в слободах сибирских городов и острогов того времени всегда было много обнищавших людей, готовых взяться за любой промысел и любую работу. Таких людей в то время называли гулящими людьми. Они-то и открыли новый источник доходов — раскопки «бугров», т. е. земляных курганов, сооруженных в разные времена древними племенами Сибири над могилами умерших сородичей. В погребения обычно укладывались предметы обихода, вооружения, иногда конская сбруя, пища в сосудах, украшения и т. п., так как, по представлениям древних, все это должно было понадобиться умершим «в потустороннем мире». Нередко встречались здесь и разнообразные сосуды и украшения из золота и серебра, добычу и обработку которых местное население Сибири освоило уже свыше трех с половиной тысяч лет тому назад, а особенно широко стало употреблять ценные

металлы и камни в первом тысячелетии до нашей эры.

Вот за этими-то драгоценностями и охотились «бугровщики» XVII в., передав свои навыки более поздним сибирским кладоискателям XVIII и XIX вв.

В 1662 г. в Тобольске были биты кнутом татарин Канайко Бачиев и русский служилый человек Левка Хворов за то, что они ходили «на татарское кладбище в Саусканскую луку грабить могилы». В 1669 г. из сибирского губернаторства, центром которого был тогда Тобольск, сообщали российскому правительству в Москву о массовых ограблениях древних могил: «В Тобольском уезде около р. Исети и во окружности оной русские люди в татарских могилах или кладбищах выкапывают золотыя и серебряныя всякия вещи и посуду».

Русские поселенцы, ознакомившись с богатствами, скрытыми под древними «могильными буграми» — курганами, широко разнесли славу о блестящих по мастерству исполнения ювелирных золотых и серебряных вещах, находимых в степях Сибири.

Как показывают многочисленные свидетельства современников, в конце XVII и в XVIII в. по Сибири гуляла настоящая золотая лихорадка. Зародился особый промысел. В погоне за легкой наживой в степь уходили целые артели «бугровщико́в». «Не инако как люди ватагами ходят на соболиный промысел, так и здесь великими партиями собирались, чтоб разделить между собою работу, и тем скорее управиться с многими курганами», — писал один из путешественников по Сибири начала XVIII в. Другой путешественник, сотрудник посольства Л. В. Измайлова в Пекин в 1719—1721 гг., сообщал, что «много людей, из Томска и других мест, каждое лето отправляются к этим могилам, разрывают их и находят среди праха покойника значительное количество золота, серебра и меди, драгоценные камни, в особенности же рукоятки мечей и оружие», и далее добавляет: «Я видел разные принадлежности вооружения и другие любопытные вещи, вырытые из этих могил, особенно помню вооруженного всадника на коне недурной отделки и фигуры зверей из чистого золота».

* * *

В начале лета, когда после длительных зимних морозов оттаивает земля, артели бугровщиков, снаряжен-

ные всеми необходимыми орудиями землекопов, кадушками для воды и котлами для варки нехитрой пищи, с кашеварами, а иногда и с семьями, с опытным вожаком во главе выезжали на двух-трех подводах в бескрайние и пустынные тогда степи.

Хороши сибирские степи весной! Сочным ярко-зеленым ковром расстилаются до горизонта молодые травы, не успевшие еще выгореть от жаркого летнего солнца. Полевые цветки голубыми, желтыми и белыми вкраплениями горят среди свежей глянцевитой зелени. Кое-где, как круглые зеркальца, в траве поблескивают синевой не успевшие еще высохнуть небольшие лужицы. Легкий ветерок слегка рябит их поверхность. А над всем этим раскинулась лазурная чаша безоблачного неба. И невидимые жаворонки купаются где-то в воздушных струях и поют трепетно, радостно и бесконечно. Золотыми лучами ласкает землю яркое солнце. Пáрит просыхающая земля и полоской на горизонте струится легкое марево...

Раздувая ноздри и вбирая пьянящий воздух худой костистой грудью, идет по траве молодой парень в домотканой рубахе и широких портах, в легких стареньких бродняx. Русыми длинными волосами его играет ветерок, голубые глаза устремлены вдаль. А за ним, мягко постукивая неокованными колесами по невидимым в густой невысокой траве выемкам, движутся телеги, влекомые худыми лохматыми лошадками. На телегах, среди всякого снаряжения, сидят кряжистые бородатые старики в островерхих зимних шапках и зипунах, подпоясанных веревочными опоясками. Сзади пестрой толпой степенно шагают бородатые мужики в белых рубахах и войлочных круглых шляпах, семенят бабы, одетые в цветастые длинные сарафаны и до глаз повязанные платочками. Так, вероятно, выглядела артель бугровщиков начала XVIII в.

Идут истомленные долгой и голодной зимой люди. Идут, обрадованные щедрой зеленью, солнечным теплом, надеждой на богатую поживу, и русская раздольная песня вздымается над степью, и умолкают в небе испуганные жаворонки.

Эх да, не боюсь я, сударь-губернатор,
Каменной твоей тюрьмы!
Эх да, мой-от батюшка роженый
Сейчас явится ко мне.

Эх да, белу каменну твою тюремку
По камешку разберет.
Эх да, да тебя ли, сударь-губернатор,
Во полон к себе возьмет!

— выводит высоким голосом идущий впереди парень.

А там, на горизонте уже темнеют островерхие «бугры» — горы слежавшейся земли, насыпанные когда-то в седой древности усилием целого рода или племени над могилой удалого степного богатыря — вождя и полководца тех далеких времен. Вздымаются с курганов вспугнутые неторопливые орлы, прячутся в норки быстрые суслики и, помахивая пушистым хвостом, убегает по степному овражку рыжая лисица...

Тяжелая предстоит бугровщикам работа. Надо бить заступами и кайлами узкую «дудку» (колодец) сквозь всю спекшуюся от времени курганную насыпь, достигавшую нередко 5—10 м в высоту. Но внизу может оказаться, что могильная камера находится где-то в стороне, и тогда придется копать вбок подбойную нишу. Нередки были случаи обвалов, когда древняя могила, как бы пряча свои тайны, навек хоронила неосторожных грабителей.

А попадется золото и серебро — разыграются страсти среди гулящих людей, расколется артель-ватажка и дойдет дело до поножовщины и увечий. Многим мрачным трагедиям разных времен были немыми свидетелями сибирские курганы...

Да и без того много слез прольют жены и дети бедняков, когда разгулявшиеся бугровщики пропьют трудно доставшуюся им ценную добычу у ближайших шинкарей и кабатчиков. Впереди же — снова лютая и голодная зима...

* * *

Когда осенью 1717 г. в Красноярске побывал проездом первый сибирский губернатор М. П. Гагарин, жители города поднесли ему «древние вещи» из могильных курганов, а губернатор отдарил их 25 ведрами простого вина. Известный историк Сибири Г. Ф. Миллер, будучи в 1735 г. в Красноярске, записал в своем дневнике: «В здешних курганах найдено столько золота и серебра, что, по словам красноярского воеводы, лет 12 или

15 тому назад, когда он впервые прибыл в Сибирь, золотник чистого золота в Красноярске и Енисейске продавался по 90 копеек».

Любопытно, что в истории сибирских бугровщиков есть страницы, связанные, так сказать, «с международными осложнениями». В начале XVIII в. бугровщики в поисках добычи стали переходить существовавшие границы Российского государства, проникая в североказахстанские и верхнеиртышские степи, где в ту пору господствовали калмыки-джунгары. Калмыки нападали на артели русских бугровщиков, считая курганы могилами своих предков, и в результате «браны были в полон люди и лошади, из коих иные и до смерти при тех бугрех убиваны».

Участившиеся пограничные стычки и дипломатические неприятности привели к тому, что уже при Петре I было «жестоко запрещено во всей Сибири искание таковых гробов». Это было первое правительственное распоряжение по охране археологических памятников Сибири.

Пример дипломатических разногласий из-за бугровщиков между русскими и джунгарами описан в отчете русского посла капитана И. Унковского, ездившего в Джунгарию в 1722—1724 гг. В записках от 17 ноября 1723 г. Унковский писал: «Едучи по пути степью (по среднему течению Иртыша. — *Л. К.*), видели множество разрытых бугров, а паки землею не забросаны, и тако иные, яко погребы раскрытые, по всей степи видны». В ответ на нападки сопровождавшего капитана калмыцкого вельможи, что русские люди «разрывают оные бугры», Унковский отвечал, что «у нас указ Императорского Величества повелевает таких гробокопателей смертию казнить, ежели пойманы будут».

Но бугровщики, в особенности доведенные до отчаяния постоянными голодовками гулящие люди и ссыльные, продолжали ходить за границу, и стычки с калмыками еще более участились. Недоразумения на границе происходили не только с бугровщиками, но и с русскими рудознатцами. О таких событиях в Горном Алтае сообщается в «Рапорте воеводе Шапочникову казаков Шорохова и Пойлова, 1745 года»: «Будучи возвратно по Бие реке в Кумандинских волостях, виделись мы с бийским крестьянином Быковым с товарищи двумя человеками, которые ходили в рудонщиках с рудоискате-

лем Петром Шелигиным по реке Чулышману, в Зенгорское владение, для приписку, от порученной Ее императорского величества бригадиру Беeру комиссии, руд. И Быков сказывал нам: «Ходило, де, нас рудоищиков 120 человек, для приписку руд по Чулышману, и доходили близ бугров, и в том, де, месте навстречу им вышло Зенгорских калмык с 400 человек и сказали им: «Ежели вы станете бугры копать, то мы станем воеваться и по вас стрелять». И видя, де, то к себе запрещение, поехали они оттудова по прежнему в домы, и бугров не копали».

В 1727 г. сибирская губернская канцелярия по делу об убийстве в степи четырех бугровщиков из Кузнецкого уезда издала особый указ, что «бугрование в степи под жестоким наказанием чинить запрещено» и приказала трех уцелевших кузнецких грабителей «бить батогами нещадно за то, что они ездили в степь без отпуска». Это распоряжение было в 1764 г. подтверждено специальным сенатским указом «О запрещении выходить из Сибири за границу на степи для отъискания в древних могилах кладов».

Коллекция сибирского золота

Редкой ценности произведения древнего прикладного искусства из золота и серебра переплавлялись, продавались за бесценок и скапливались у сибирской вельможной знати и горнопромышленников.

В первой четверти XVIII в., например, красноярский воевода Г. Салтыков велел отлить себе саблю из добытых в курганах древних серебряных сосудов (рис. 1), а у другого красноярского воеводы Д. Б. Зубова оказалось на несколько тысяч рублей «могильного золота, пущенного в сплав».

Чиновники царской администрации в Сибири на протяжении почти двух столетий правдами и неправдами выманивали, отбирали и скупали ценные «бугровые вещи». Пользуясь бесконтрольностью со стороны центрального правительства, они даже старались организовать этот промысел тайным путем в своих интересах. Спутник Мессершмидта Ф. И. Страленберг, тринадцать лет проживший в Сибири, в начале XVIII в. писал: «20 или 30 лет тому назад, когда об этом русское правительство еще ничего не знало, начальники городов

Тары, Томска, Красноярска, Исетска и других мест отправляли вольные отряды из местных жителей для разведки этих могил и заключали с ними [отрядами] такое условие, что они должны были отдавать определенную либо десятую часть найденного ими золота, серебра, меди, камней и пр. Найдя такие предметы, отряды эти разделяли добычу между собою и при этом разбивали и разламывали изящные и редкие древности, с тем, чтобы каждый мог получить по весу свою долю».

В 1712 г. по распоряжению первого сибирского губернатора князя М. П. Гагарина шадринский воевода князь Мещерский послал во владения Успенского монастыря «как знатоков, отставного драгуна Михаила Слободчикова и крестьянина Макара Лобова с товарищами для прииску, при вспоможении бобылей монастырских, золота, серебра, меди и иных вещей в недрах насыпей для казны государевой...».

Рис. 1. Древнехакасский серебряный сосуд с гравированными сценами охоты всадников, найденный в начале XVIII в. в кургане близ Красноярска (по рисунку Ф. И. Страленберга. 1730 г. Из коллекции Д. Г. Мессершмидта).

Как приведенные выше, так и другие, многочисленные свидетельства современников позволяют представить себе грандиозные размеры расхищения древних археологических памятников Сибири в XVII—XVIII вв. и тот неизгладимый ущерб, который понесла в результате наша сибирская историческая наука. Достаточно сказать, что еще ни одному археологу не удалось найти в Сибири неразграбленного кургана, целиком сохранившего бы те великолепные ценные памятники искусства и быта древних племен, которые во множестве доставались бугровщикам и в результате бесследно исчезли для науки.

Сохранилось очень немногое, как бы специально для того, чтобы теперь можно было лишь до некоторой степени оценить научное значение утраченного. Путем

перепродажи небольшая часть этих роскошных вещей попала в Западную Европу. Так, в Голландии в начале XVIII в. хорошую коллекцию имел Н. Витзен, собиравший разнообразные данные о Сибири и в особенности об ее истории. Он впервые познакомил науку с сибирским курганным золотом, опубликовав четыре таблицы прекрасных рисунков этих вещей в своей книге «Север и восток Татарии» (Амстердам, 1785).

Вскоре большая коллекция золотых «бугровых сибирских вещей» оказалась и у Петра I. Первая партия ювелирных предметов из курганов близ Алтая была подарена Екатерине I в 1715 г. по случаю рождения царевича Петра Петровича уральским заводчиком А. Н. Демидовым. Вслед за тем, в 1716 и 1717 гг., сибирский губернатор князь М. П. Гагарин прислал царю Петру две партии подобных же вещей. Так появилась единственная уцелевшая до нашего времени знаменитая сибирская коллекция, состоящая из 250 древних золотых предметов (74 фунта золота), которая в 1726 г. после смерти Петра I была передана на хранение в основанный им первый в России естественноисторический музей — Кунсткамеру.

Невозможно установить, сколько ценнейших памятников древнего ювелирного искусства погибло, будучи перелито на различные малохудожественные предметы и украшения. Многие частные коллекции никогда не были переданы центральному правительству, так как чиновники на местах отличались крайним стяжательством и сами нередко обкрадывали царскую казну.

Особенно этим прославился князь М. П. Гагарин, чувствовавший себя в своей губернаторской резиденции в Тобольске неограниченным правителем Сибири. Он настолько зарвался в своем злоупотреблении властью, мздоимстве и неимоверном самодурстве, что в 1719 г. велено было «сказывать в городах Сибирской губернии, что он, Гагарин, плут и недобрый человек, и в Сибири ему губернатором не быть». По указу Петра первый сибирский губернатор был арестован, вывезен в Петербург и отдан под суд. По приговору, утвержденному сенатом и царем, в назидание всем взяточникам и казнокрадам князь был повешен 16 марта 1721 г. на фонарном столбе перед зданием «Двенадцати коллегий» (в котором ныне размещается Ленинградский государственный университет). На протяжении нескольких дней труп

проворовавшегося князя раскачивался по ветру над свинцовыми водами холодной, весенней Невы...

Петровская золотая коллекция сохранилась до нашего времени и ныне является гордостью Государственного Эрмитажа. Она хранится в золотой кладовой музея, доступна для обозрения и является объектом изучения советской науки. Как теперь выяснено, большинство составляющих ее предметов относится к периоду IV—I вв. до н. э. и представляет собой различного рода украшения в виде массивных рельефных блях, с большой художественной выразительностью воспроизводящих сцены борьбы животных и птиц. Изображения выполнены в едином мастерски отточенном стиле, в котором знание натуры, подчеркнутое внимание к основным особенностям мускулатуры сочетаются с большой долей фантазии, позволявшей художнику создавать нередко никогда не существовавших грозных чудовищ (рис. 2). Вместе с тем целый ряд изображений вполне реалистичен. Кроме того, в коллекции имеется несколько плакеток с изображением каких-то сцен из не дошедшего до нас богатырского эпоса степных племен того времени. В целом сибирская золотая коллекция Эрмитажа поражает зрителя своими высокими художественными достоинствами и тончайшей ювелирной техникой изготовления предметов. Она наглядно доказывает, что свыше двух тысяч лет назад в сибирских степях жили племена, обладавшие высокой культурой, огромными творческими возможностями, ничуть не отставшие в своем художественном развитии от передовых народов того времени.

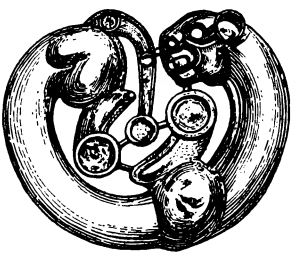


Рис. 2. Золотая бляха в виде свернувшегося в кольцо кошачьего хищника из Сибирской коллекции 1726 г.

От Тобольска до Хакасии

Все описанные выше события и находки древних памятников в Сибири и послужили основанием для издания царем Петром особых указов, в которых изложена первая программа археологического изучения Рос-

сии. Вслед за тем в Сибирь была отправлена и первая научная экспедиция доктора Мессершмидта.

Столицей Сибири был тогда город Тобольск, где размещалось генерал-губернаторство, управлявшее всей Сибирью. Именно сюда и прибыл 24 декабря 1719 г. Д. Г. Мессершмидт, явившись к сменившему М. П. Гагарина новому губернатору князю А. М. Черкасскому. Из Петербурга Мессершмидт ехал долго: через Москву, Соликамск, Туринск и Тюмень. В Тобольске он прожил две зимы, готовясь к дальней экспедиции, знакомясь с местными архивами, различными «отписками» и «сказками» воевод, служилых людей и посланников. Здесь же он изучил и скопировал карты Сибири и чертежи сибирских и среднеазиатских городов, составленные к 1701 г. тобольским картографом и историком С. У. Ремизовым. Летом 1720 г. он совершил несколько поездок по восточному склону Урала и небольшие экскурсии в окрестности города. Одновременно он подбирал себе деятельных участников для дальнейшего путешествия.

В то время в Сибири жило много шведов, попавших в плен во время войн России со Швецией и в особенности после блестящей победы русских войск над армиями шведского короля Карла XII в битве под Полтавой в 1709 г. Вместе с другими ссыльными они также промышляли раскопками древних могил, о чем имеются прямые сведения: «пленники шведские, которые были в Сибири, ходили великими толпами искать таковых гробов, тожъ и россиане с своей стороны чинили».

Вспомним, что путешествие Мессершмидта проходило в самый разгар сибирской золотой лихорадки, и поэтому в его дневнике содержится много сведений о бугровщиках и их находках.

Среди шведских пленных офицеров Мессершмидт познакомился в Тобольске с капитаном Филиппом-Иоганном (по-русски его звали Иваном Филипповичем) Таббертом фон Страленбергом, взятым в плен в Сучаве после разгрома шведов 27 июня 1709 г. Табберт был широко образованным человеком, знающим топографию и, главное, очень пытливым, живо заинтересовавшимся задачами экспедиции Мессершмидта. Находясь в Тобольске с 1711 г., он собирал различные материалы по географии Сибири, этнографии и языку ее народов. Кроме того, он занимался составлением карты Сибири,

которую у него дважды отбирал губернатор М. П. Гагарин с угрозой выслать его на берег Ледовитого океана. Только после ареста Гагарина Табберту удалось успешно закончить составление карты и впоследствии поднести ее царю Петру, которому карта очень понравилась.

Мессершмидт ходатайствовал перед сибирским начальством, чтобы с ним отпустили в экспедицию как вполне подходящего по деловым качествам военнопленного Табберта. При этом Мессершмидт указывал, что ему «не про свою нужду требовати, но его царскому величеству к лучшему устроению, а из русских таковых (годных ему) людей не обретается». Наконец, было получено разрешение о командировании Табберта, одного из «пленных хлопцев» — пятнадцатилетнего «рисовальщика» Карла Густава Шульмана и хорошо знавшего русский язык немца П. М. Краца, служившего Мессершмидту слугой и переводчиком. Состав экспедиции дополняли: снабженец И. Капель, повар А. Геслер, четырнадцатилетний мальчик Ваня Путинцев, купленный у отца за 12 рублей в Ялуторовской слободе, и несколько охранников — драгун, менявшихся в сибирских острогах по маршруту экспедиции. Таков был состав экспедиции при отъезде из Тобольска.

В ходе переговоров с губернатором А. М. Черкасским доктор Мессершмидт в одном из своих рапóртов просил дать указание сибирским чиновникам, чтобы ему доставляли «любопытности, которые в сибирской губернии обрящутся», в особенности «к древности принадлежащие вещи якобы языческие шейтаны, великие мамонтовы кости, древние калмыцкие и татарские письма и их праотческие письмена, такожде каменные и кружечные могильные образы и устроения». Отсюда видно, что в своих занятиях археологическими памятниками Сибири Мессершмидт отводил особое место сборам памятников древней письменности местных сибирских народов, которые он в этом документе называет «праотческими письменами». Такая целенаправленность, безусловно, способствовала открытию экспедицией памятников енисейской письменности.

* * *

30 марта 1721 г. путешественники, пораженные просторами лесостепной полосы Западной Сибири, прибыли в Томск, где начиналась таежная зона. Город, основанный в 1604 г. как военно-опорный пункт на восточных границах Русского государства, в начале XVIII в. превратился из небольшой крепости в крупный торговый центр. За это время границы России расширились далеко на восток, вплоть до Амура, Тихого океана и Чукотки. Но южная граница по-прежнему была недалеко. В ту пору России принадлежал только Северный Алтай, так как Южным Алтаем владели калмыки. Военно-опорным пунктом здесь был Кузнецкий острог, построенный на земле шорцев в верховьях Томи в 1618 г. На Енисее такую же роль выполнял Красноярск (основан на земле хакасов-качинцев). Со времени строительства Красноярского острога в 1628 г. почти 80 лет продолжалась борьба с «немирными инородцами» Верхнего Енисея — местными жителями Хакасско-Минусинской котловины и приходившими из-за Саянского хребта полчищами монголоязычных феодалов.

Тогда этот край назывался русскими «Киргизской землей», потому что среди хакасских племен руководящую роль играли в средневековье хакасские князья из рода «хыргыс» (кыргызов). Из их состава выходили ханы и беги (пиглер), военачальники, судьи и сборщики налогов. Из рода кыргызов происходили и крупнейшие феодалы — владельцы основных плодородных земель и пастбищ, огромных отар овец, стад крупного рогатого скота и тысячных конских табунов.

Некогда сильное хакасское государство уже с XII в. переживало период феодальной раздробленности. В 1293 г. оно было окончательно порабощено империей монголов, которой правил внук Чингисхана Хубилай-каан, обескровлено и доведено до крайнего упадка культурного уровня. В XV—XVII вв. управляемые кыргызами хакасские княжества пытались восстановить свои силы, но постоянно попадали то под власть западных монголов, впоследствии Алтын-ханов, то под засилье джунгар-калмыков.

В XVII в. русские застали в Хакасии четыре феодальных княжества, население которых сохраняло древ-

нее территориальное разделение и говорило на диалектах хакасского языка: Тубинское — на правобережье Енисея и Абакана (качинское и самодийско-кетское по составу населения); Езерское (качинское) — на левом берегу Енисея от Абакана до речки Изыр-сух (р. Кача в современном Красноярске); Алтысарское (кызыльцы и чулымцы) — на реках Июсах и Чулыме и Алтырское — по Кузнецкому Алатау и в верховьях рек Абакана, Таштыпа, Тёи, Еси и Уйбата (сагайцы, бельтиры и шорцы).

Во главе каждого из княжеств стояли княжеские семьи из рода хырғыстар (кыргызов). Князья избирали на специальных съездах верховного князя, который считался главой хакасской земли. Однако твердой центральной власти не было, тем более, что не только между отдельными князьями происходили распри и стычки, но и более сильные соседи — монголоязычные феодалы, проходя огнем и мечом по степям Хакасии, покоряли и грабили мирное население, накладывая дань.

После сооружения Томского острога в 1604 г. царские воеводы повели постоянную борьбу за захват хакасских княжеств, которые, таким образом, оказались между двух огней. Бесконечные войны на протяжении всего XVII в. привели к тому, что разоренное как своими, так и иноземными феодалами рядовое хакасское население неоднократно просило о присоединении к сильному Российскому государству, которое смогло бы обеспечить ему мирное существование и навсегда оградить хакасов от крайне разорительных и кровопролитных набегов джунгарских полчищ.

Добровольное присоединение Хакасии к России было осуществлено в 1707 г., когда на правом берегу Енисея у горы Туран был построен первый в Хакасско-Минусинской котловине русский острог, названный Абаканским (находился на месте бывшего села Краснотуранского). После основания Абаканского острога, ставшего административным центром по управлению местными «инородческими» племенами, выше по Енисею были построены Саянский острог (1718 г.) и пограничные караульные посты. Граница Российского государства прошла по хребту Западного Саяна.

* * *

Таким образом, экспедиция Мессершмидта прибыла в Томск лишь через 13 лет после начала присоединения большого нового края к России, когда освоение его русскими переселенцами только начиналось. Неудивительно, что Мессершмидт поставил своей задачей обследовать прежде всего территорию недавней «Киргизской земли», т. е. современную Хакасско-Минусинскую котловину.

Это было осуществлено в 1721—1722 гг.

Путь в неведомую страну

После присоединения к России Хакасско-Минусинская котловина была в территориальном отношении разделена на два уезда: Кузнецкий (куда входили земли расселения северных алтайцев, шорцев, бельтир и сагайцев) и Красноярский (земли расселения качинцев, кызыльцев, чулымцев и койбалов). Томский уезд граничил с Кузнецким и был тесно связан с ним течением р. Томи.

Пробыв в Томске три месяца и покончив с изучением этого уезда, Мессершмидт отправил особым рейсом Табберта в Нарым с тем, чтобы он, обследовав среднее течение Оби, догнал экспедицию уже в Абаканском остроге. Сам доктор с остальными спутниками, погрузив все походное снаряжение, поплыл 5 июля 1721 г. на трех стругах вверх по течению Томи. Им были обследованы и зарисованы известные с середины XVII в. наскальные рисунки на Томи, и вскоре после этого экспедиция прибыла в Кузнецкий острог.

Из Кузнецка предстоял наиболее трудный участок пути: переход через «Белые горы» — хребет Кузнецкий Алатау (через который ныне проходит железная дорога Новокузнецк — Абакан). Этот путь можно было преодолевать только по реке, а далее верхом на лошадях или на лыжах зимой. Вверх по р. Томи до устья р. Балыксу экспедиция поднималась на небольших шорских челноках.

Покупка 14 лошадей и упаковка снаряжения во вьюки заняли немного времени, и вскоре в сопровождении проводников-шорцев, прекрасно знающих тайгу, путешественники покинули Балыксу и пробрались

вверх по долине р. Теренсу, где перевалили высокий перевал и попали к истоку хакасской р. Уйбат. Далее путники спустились по ее долине в «Субурган-Уйбатскую степь».

Хребет Кузнецкий Алатау, отходящий вместе с Абаканским хребтом на север от Алтая, никогда не был непроходимой стеной, отделявшей Кузнецкую котловину от Хакасско-Минусинской. С глубокой древности местные жители знали надежные и привычные конские тропы через горную тайгу. Обычно пользовались так называемой «Сагайской тропой», которая в верховьях Томи пересекает хребет Уленны-сын и ведет прямо из Аба-тура (хакасское название Кузнецка) к местам расселения сагайцев — от верховьев Томи до р. Уйбата.

Именно этим путем проехали Мессершмидт и его спутники в восточную половину тогдашнего Кузнецкого уезда, т. е. в западную часть современной Хакасии.

* * *

Пышное великолепие летней сибирской тайги поразило натуралиста, никогда не видевшего такого буйного цветения различных форм растительности, такой смены растительных и животных видов, обусловленной вертикальной зональностью высокогорного района.

Узкая тропа извивалась вдоль по берегу быстро текущей реки, сначала — между старыми высокими тополями, зарослями ивняка и ольхи, потом — сквозь березовую рощу и мимо высоких осин; наконец, подымаясь все выше, пробиралась хвойным подлеском и постепенно втягивалась в черную тайгу стеной высоких разлапистых елей. Кое-где раскрывались елани — таежные поляны, покрытые высокой, скрывающей лошадей сочной травой, среди которой белыми шапками возвышались зонтичные сложноцветные «пучки», горели крупные, омытые росой кувшинчики лесных пионов — «Марьиных кореньев», колокольчиков и «львиного зева». Отсюда бесшумно уходили в тайгу тонконогие стройные маралы. На опушках, расставив в стороны корявые толстые ветви и крепко упершись в землю узловатыми крученными корнями, возвышались лиственницы-великаны. А дальше, за зарослями молодого сосняка, снова простиралась таежная глухомань: поросшие мхом полусгнившие стволы павших деревьев, резкое стрекотание

мелькающих сквозь хвою пышнохвостых бурундуков, робкий свист рябчиков, мощное хлопание огромных крыльев взлетающих глухарей и тяжкий бег вспугнутой лосиной семьи.

Вверх и вверх поднималась тропа между стволами гигантских кедров и покрытых золотистой корой корабельных сосен, под которыми все кусты были усыпаны спелой черникой и расстилались хрупкие с глянцевитыми листьями поросли брусничника. Тропа огибала по карнизам отвесные утесы, а под ними кипели белые клубы разбивающихся водяных струй падающего водопада. Над речкой внизу, в ущелье переливалась разноцветная радуга, и солнечные лучи бликами скользили по мокрым полированным валунам.

Выше копыта коней застучали по осыпям, с металлическим перезвоном заскользили вниз сдвинутые с места плитки, взметнулось на скалы испуганное стадо горных баранов с круторогим вожаком впереди, и вскоре путешественники выбрались из тайги на высокогорный цветущий луг. Здесь, среди непривычных горных цветов, глаз человека с удивлением замечал белые звезды альпийских эдельвейсов и жаром горящие крупные болотные лютики, сплошь затопившие низину, где из недр горы выбивались фонтаном холодные чистые струи родника.

А по вершине хребта бескрайней цепью встали на пути синеющие гольцы-тасхылы, украшенные отвесными зубцами скал, за которые цеплялись пушистые белые облака, проливая дождевые капли на свисающие языки вечного льда, серебрящегося в ложбинах северных склонов. Вот они — «Белые горы»!

Перевал был затерянным среди гольцов заболоченным плоскогорьем, сплошь поросшим серым мхом, среди которого лишь кое-где белели карликовые березки с мелкой, дрожащей на ветру, зябкой листвой. Среди кочек склонялись к земле хрупкие кустики клюквы и морошки. Это была высокогорная тундра — излюбленное пастбище боящихся таежного гнуса саянских северных оленей, по соседству с которыми только белые куропатки стайками перепархивали между кустами морошки.

Для того чтобы осмотреться, путешественникам пришлось взобраться на островерхую скалу, возвышающуюся над перевалом. Холодный кристально-чистый

воздух позволял видеть бескрайние дали по обе стороны хребта. Величественным темно-зеленым морем расстилалась внизу под строгими тасхылами тайга, тайга, тайга...

Узкими извилистыми полосками ослепительной белизны сверкали далеко внизу то тут, то там неведомые реки и речушки, а какая из них Томь — пойди разберись! И где-то там, на западе, затерялся крошечный Кузнецкий острог с его старыми бревенчатыми башнями и почерневшей крепостной стеной. А что дальше? Сколько видит глаз, до горизонта растянулась тайга, сливаясь где-то далеко-далеко в синеющей дымке с огромным куполом синего неба. Дух захватывало от восторга, и, казалось, нет ничего более на свете, кроме матушки-тайги, этих суровых гольцов, блистающих кое-где ледниками, да кучки людей, обдуваемых ветром!

А что же ждет их на востоке? Та же картина! И опять показалось невероятным, что где-то внизу, по рассказам, есть степи и широкой лентой рвется вперед гордый Енисей, прорезавший поперек страшный Саянский хребет. Люди спустились со скалы. Снова небольшие крепконогие лошадки привычно зашагали вперед. Начался спуск.

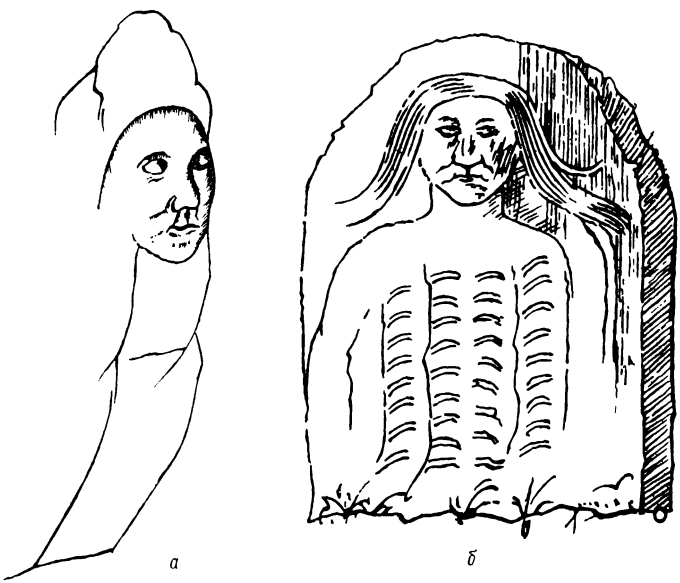
Находка каменных книг

Уже на спуске с гор в извилистой долине Уйбата Мессершмидта и его спутников поразили невиданные ими ранее в Сибири большие земляные курганы, обставленные четырехугольными оградами из крупных плит гранита или девонского песчаника. По углам, а иногда и серединам сторон таких оград возвышались высокие узкие плиты, врытые некогда в землю в вертикальном положении (рис. 3).

Курганы эти, как теперь установлено, относились к VII—III вв. до н. э. Культура населения того времени ныне условно названа тагарской. Интерес к этим необычным памятникам был так велик, что доктор Мессершмидт решился раскопать несколько подобных курганов. Но осуществлено это им было позже.

Кроме курганов экспедиция изучала выбитые на каменных плитах и скалах древние рисунки и многочисленные каменные скульптуры людей (рис. 4, а и б), баранов, львов и т. п. Их было очень много в то время в

Рис. 3. Древние курганы Хакасии в долине р. Абакан (по рисунку А. К. Станкевича. 1884 г.).



а *б*

Рис. 4. а) Неолитическое каменное изваяние Хуртуях тас (Каменная старуха) в долине р. Абакан (по рисунку Д. Г. Мессершмидта. 18 августа 1722 г.). Абаканский музей. б) Изображение женщины на каменной плите, относящееся к эпохе бронзы (по рисунку Д. Г. Мессершмидта. 18 августа 1722 г.). Стояло в степи близ впадения рек Есь и Тёя в Абакан. Минусинский музей.

хакасских степях. Первые из этих изваяний были увидены Мессершмидтом уже при устье р. Бюрь, впадающей в Уйбат слева. Здесь караван отдыхал в «июс-сагайских юртах» (рис. 5) — большом хакасском улусе, населенном приветливыми и любознательными черноволосыми людьми.

Местные жители — хакасы охотно служили проводниками экспедиции и, ничего не утаивая, показывали ученому иноземцу памятники древнего искусства и культа, сохранявшиеся и оберегаемые народом на протяжении многих веков.

Однажды, августовским утром, спускаясь вниз по долине Уйбата, караван экспедиции прибыл в один из наиболее крупных хакасских улусов. Над быстрой речушкой, выбегающей из гор по извилистому пути и устремлявшейся в просторную степь, расстилавшуюся вплоть до далеких берегов Абакана и Енисея, виднелись разбросанные тут и там белобокие чистенькие полушарные юрты, покрытые гибкими полотнами вываренной бересты (рис. 6).

Близ улуса караван встретили рослые лохматые глухо рычавшие псы-волкодавы. Пахнуло дымком и кислым молоком. Из жилищ высыпали изумленные неожиданным появлением приезжих смуглолицые хакасы. Из-за спин взрослых выглядывало множество детских головок, поблескивавших узкими черными глазками.

Прием был радушным. Посреди просторной юрты в небольшой яме, обложенной каменными плитками, плясал красными языками огонь, потрескивая сухим хворостом. Синий дымок уплывал вверх в круглое дымовое отверстие. Вместе с хозяевами путешественники сидели на расстеленных по земле вокруг круглого столика на низких ножках шкурах косуль и пили чай со сливками, похрустывая дробленым сухим сыром хурутом.

После отдыха Мессершмидт вместе со своими спутниками покинули гостеприимный улус и в сопровождении двух парней-хакасов, оседлавших резвых молодых лошадок, поехали осматривать древние памятники, о которых им рассказали степные старцы. Ехать пришлось ковыльной степью к видневшимся неподалеку невысоким голым горам. По выжженной солнцем степи в разные стороны разбегались тропы, выбитые в сухой земле овцами и коровами, которых пригоняли с пастбищ на

водопой. Надоедливые мухи облепляли лица всадников и морды споро шагавших лошадок.

Один из хакасов, ехавший на гнедом коне возле двухколесной кибитки, приподнялся на стременах и показал кнутовищем нагайки на возвышавшийся над степью одинокий камень. Перейдя вброд через мелкую

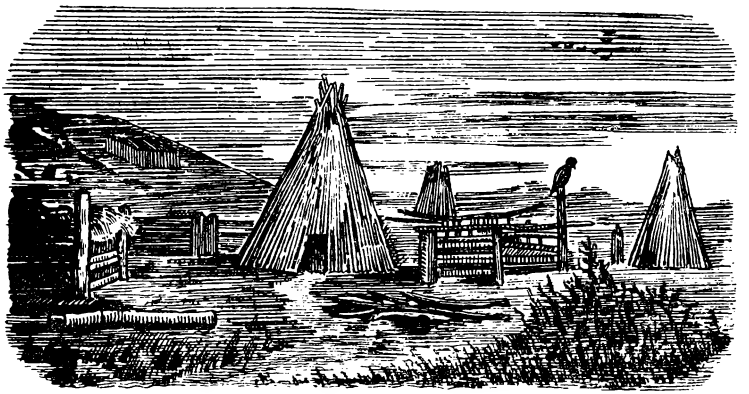


Рис. 5. Улус хакасов-сагайцев (по гравюре 1895 г.).

и бурливую речку Уйбат на ее северный берег, путешественники увидели на небольшом холме высокий песчаниковый обелиск, изогнутый «в виде венгерской сабли», как записал в дневнике Мессершмидт. На узкой грани столба рельефно выделялась антропоморфная личина.

Но что это? По древнему изваянию снизу вверх шли ровные строчки загадочных знаков. Они были вырезаны каким-то острым инструментом, но кое-где уже полустерлись под тысячелетним воздействием дождей, ветров, стужи и солнца. Надписи! 13 строк на четырех плоскостях гладкого обелиска обрывались, так как верхушка каменного столба была сбита еще в древности (рис. 7).

Целая каменная книга! Но что за письменность? На первый взгляд похоже на скандинавские руны! Значит, в глубинных районах Сибири прежде жили цивилизованные люди, имевшие свою самобытную письменность и умевшие читать? Это они вырезали для потомков вечную надпись на каменном столбе!

Взволнованные путешественники зачарованно разглядывали «немой» монолит, который, однако, мог бы заговорить, если бы нашелся человек, сумевший прочитать загадочное письмо. Переводчик Кратц подтолкнул к каменной стеле проводников-хакасов. «Что это?» — спросил он и услышал в ответ: «Пичиктиг тас!», т. е.

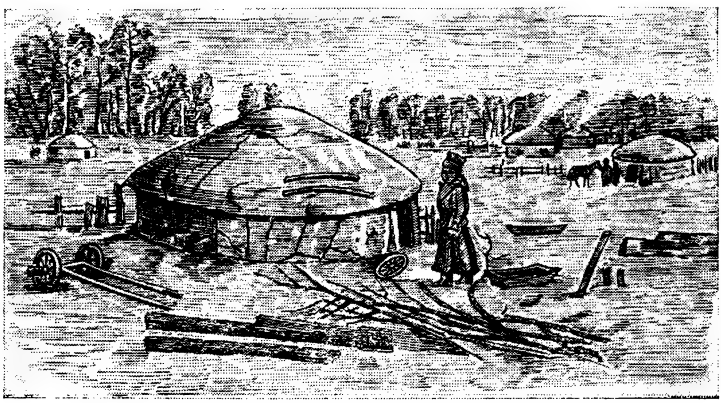


Рис. 6. Улус хакасов-качинцев (по гравюре 1895 г.).

«Камень с надписью». «Ага, значит, они понимают, что это надписи!» Но, увы, хакасы к тому времени разучились читать древние тексты и не знали, кто и когда их высек на камне и для чего был установлен здесь высокий обелиск. Художник Шульман стал зарисовывать камень, а Мессершмидт радостно подумал: «Да, за такой находкой стоило проехать несколько тысяч верст по скверным дорогам, перенося многие лишения!» И в своей описи он записал о стеле: «Уйбатский памятник, вырезанный руническими письменами».

Так Д. Г. Мессершмидт открыл для науки первый памятник енисейской письменности, как выяснилось впоследствии, — средневековой письменности хакасов VII—XIII вв. Именно он впервые по сходству знаков назвал эту письменность ошибочно «рунической», хотя и правильно полагал, что «не все эти знаки руны, а что к ним примешан, может быть, другой род древних парфянских букв».

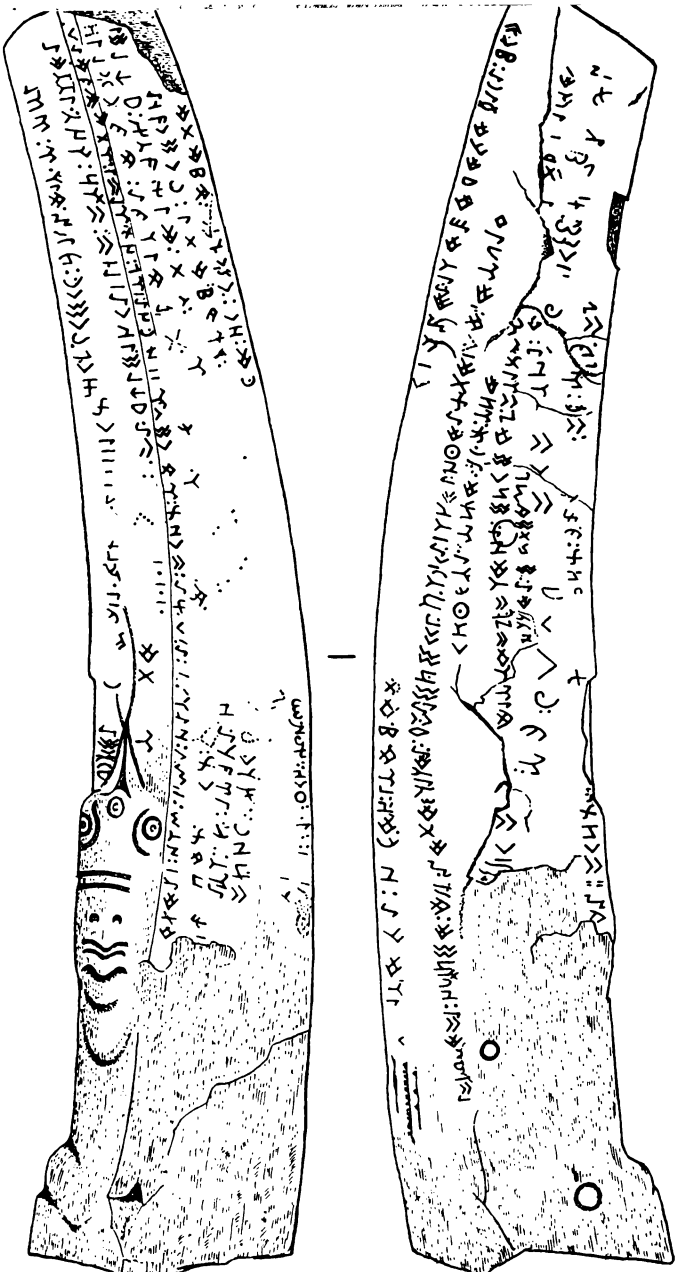


Рис. 7. «Уйбатский памятник, вырезанный руническими письменами» — первый памятник енисейской письменности, найденный Д. Г. Мессершмидтом в августе 1721 г. (по рисунку Х. Аппельгрен-Кивало).

В августе 1721 г. караван экспедиции спустился по долине Уйбата до впадения его в р. Абакан. По Абакану и Енисею на двух каюках путешественники приплыли 12 сентября в Абаканский острог, который находился на правом берегу Енисея под горой Туран. 22 сентября туда же из Томска по сухопутью приехал Ф. И. Страленберг. Пользуясь малоснежной зимой, путешественники продолжали обследовать местности, прилегающие к Абаканскому острогу.

22 января 1722 г. к Мессершмидту пришел местный крестьянин и сообщил, что в долине р. Тесь стоит каменное изображение человека. Доктор был болен и поэтому послал 24 января туда Страленберга, Карла Шульмана и Петера Краца с проводником. Они обнаружили в степи на левом берегу Теси «большой курган, на котором находится изсеченное из камня изображение старика» (по Страленбергу). «Карл Шульман тотчас же принялся за рисование камня, изображавшего усатого старика, на спине которого, обращенной к западу (значит статуя первоначально была повернута лицом на восток. — *Л. К.*), находилось несколько букв, по большей части стертых» (из «Дневника» Мессершмидта). Рисовал он его, несмотря на мороз, весьма тщательно, что заняло 3,5 часа времени.

В описи самого Д. Г. Мессершмидта этот второй, обнаруженный экспедицией памятник енисейской письменности правильно описан как «Киргизская надгробная мужская статуя, держащая в руках урну, между реками Тесь и Ерба, с руническими письменами, вырезанными на задней стороне...» (рис. 8).

По счастью, оба открытых экспедицией Д. Г. Мессершмидта каменных изваяния с енисейскими надписями сохранились до нашего времени. Они были перевезены в конце XIX в. во вновь открывшийся Минусинский краеведческий музей (1877 г.), где хранятся и поныне.

Третьим памятником енисейской письменности, попавшим в руки Д. Г. Мессершмидта, был обломок подпрямоугольного зеркала из белого сплава (рис. 9). Его нашли кладоискатели в древней могиле около Абаканского острога и по возвращении экспедиции передали Мессершмидту, который указал в своей описи: «с письменами по краю или рамке, которых не могли признать за свои ни мусульмане, весьма сведующие в письменности турецкой, бухарской, персидской и араб-

ской, ни тангуты, ни Дели-индийцы, а тем менее монголы с китайцами». Отсюда видно, что, встречаясь во время своего путешествия по Сибири со знатоками ука-

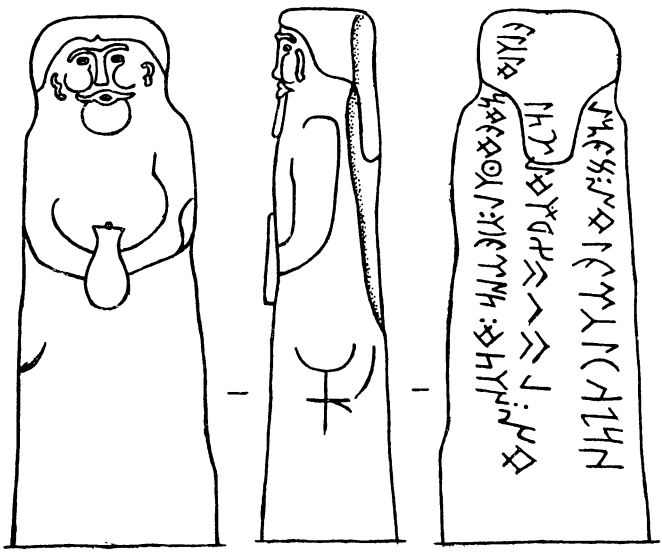


Рис. 8. «Киргизская надгробная мужская статуя» с вырезанной на спине енисейской рунической надписью. Изображен древнехакасский посол, погибший в государстве караханидов в середине X в. Стояла между реками Тесь и Ерба.

занных языков, Мессершмидт показывал им свои находки, стремясь разгадать тайну древних письмен. Но никто тогда не смог их прочесть.

Так, Д. Г. Мессершмидт нашел «праотческие письмена» одного из сибирских народов (хакасов), о которых писал еще в рапорте сибирскому губернатору А. М. Черкасскому. Таким образом, он буквально выполнил ту часть указа Петра I от 1718 г., где говорилось о необходимости собирать «старые надписи на каменьях, железе или меди».

Им же было собрано у местного населения несколько «калмыцких грамот» — листов буддийских книг XVII в., напечатанных по-тибетски и привезенных из Тувы в Красноярск.

В 1730 г. помощник Мессершмидта и участник первой части работ его экспедиции Ф. И. Страленберг, вернувшийся в 1723 г. в Швецию, подготовил и издал книгу «Das Nord — und Ostliche Theil von Europa und Asia». В этом труде изложены материалы, собранные Стрален-

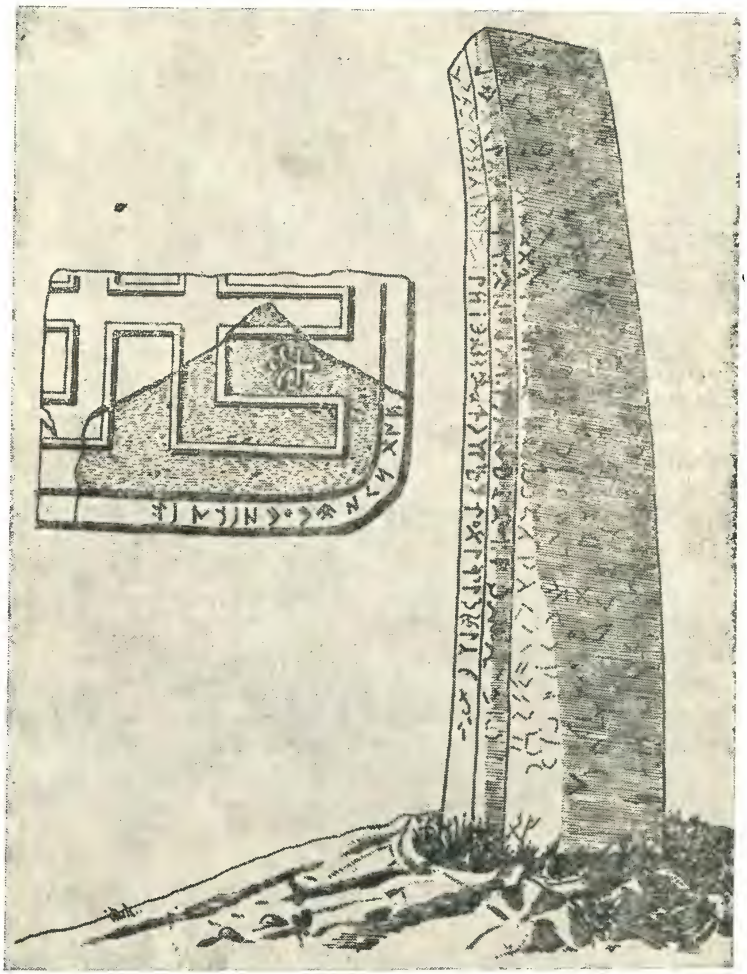


Рис. 9. Обломок металлического зеркала с енисейской надписью, подаренный Д. Г. Мессершмидту в Абаканском остроге в сентябре 1721 г., и Уйбатский памятник (по рисунку, опубликованному Ф. И. Страленбергом в 1730 г.).

бергом за 13 лет его пребывания в Сибири. Среди них были опубликованы и важнейшие достижения экспедиции Д. Г. Мессершмидта за 1721—1722 гг. с копиями рисунков сибирских древностей и каменных изваяний, в том числе и изваяний с енисейскими древнехакасскими надписями, а также рисунок обломка зеркала.

Эта книга Страленберга получила мировую известность благодаря новизне ценных сведений о Сибири, в то время почти незнакомой Европе. Книга была затем переиздана в Германии и переведена на английский, французский и испанский языки. В результате имя Страленберга, изложившего также ряд выводов и мыслей делившегося с ним научного руководителя первой сибирской экспедиции, несправедливо заслонило на некоторое время имя Мессершмидта — истинного первооткрывателя письменности древних хакасов.

* * *

Енисейская письменность была расшифрована, спустя 172 года после находки первых ее памятников. Уже с начала XIX в. многие ученые предполагали, что эта письменность принадлежала некогда древним хакасам. Ключ к расшифровке таинственной письменности, нашел в 1893 г. профессор Копенгагенского университета Вильгельм Томсен. Первые переводы енисейских текстов были опубликованы русским академиком В. В. Радловым в 1895 г.

Расшифровка доказала, что этой собственной письменностью пользовались тюркоязычные народы Южной Сибири, создавшие в VI в. древнехакасское государство. Ныне выяснено, что письменность, названная Д. Г. Мессершмидтом рунической, существовала с конца VII до XIII в., т. е. на протяжении свыше пятисот лет.

О чем же сообщалось в надписях первых трех памятников, открытых на территории современной Хакасии в 1721 году? Хотя текст Уйбатского обелиска сильно пострадал от времени, не пощадившего поверхности древнего изваяния, высеченного из девонского песчаника, очевидно, однако, что это эпитафия, посвященная погибшему на войне знатному человеку. Имя его — Сабык басар. Он был тарханом и сангуном, т. е. знатным феодалом и генералом — начальником войска. От его

имени в тексте сказано: «В шесть моих лет я лишился отца. Я не сознавал этого. Я, горюя, отделился от трех моих старших братьев... Я не насладился ни моим государством, ни моим ханом. Моими сыновьями, моими старшими и младшими братьями я, видя любовь, не насладился, так как умер». Надпись высечена в VIII в. Стела, очевидно, является поминальной, так как установлена на холме, а не возле могилы. Так поступали в тех случаях, когда воин погибал где-то далеко на чужой земле, а на его родине совершали поминки по убитому.

Вторая надпись была высечена на спине каменной фигуры бородатого мужчины, держащего в обеих руках сосуд для питья; изображен также головной убор в виде накосника, свисающего назад (рис. 8). Хакасы называли это изваяние «Богатырь». Подобные фигуры, изображающие погибших героев, ставили в Центральной Азии в VIII—X вв. На левом боку «Богатыря» высечена древнехакасская тамга, очертания которой позволяют уточнить время сооружения статуи — середина X в. К тому же времени относится и надпись на ее спине: «Я — Эзгене — внутренний [чин] Кара-хана. Я был на двадцать шестом году своей жизни. Я умер внутри тюргешского эля, я бег. Надпись».

Очевидно, древнехакасский бег (начальник) Эзгене был послом в среднеазиатском государстве Караханидов и на двадцать шестом году умер в тюргешской земле, т. е. в Семиречье. А на родине в память бега была высечена и установлена каменная статуя с надписью.

Третья надпись на обломке зеркала из белого сплава переводится так: «Человек Ангказ-Тошек, кусок моего зеркала». Очевидно, это пометка владельца зеркала, дорожившего даже его обломком.

Что касается содержания всех енисейских текстов, которых в настоящее время обнаружено свыше 150, то об их открытии и исследовании должен быть написан другой рассказ.

Г. А. Федоров-Давыдов

В ДРЕВНЕЙ ДЕЛЬТЕ ВОЛГИ

(из работ Поволжской археологической экспедиции)

Поволжская археологическая экспедиция работает в Нижнем и Среднем Поволжье, в Волгоградской и Астраханской областях и Татарской АССР. Она изучает памятники различных эпох, начиная с курганов IV—III тыс. до н. э. и кончая средневековыми городищами — остатками поселений и городов XIV в. Главное в деятельности экспедиции — раскопки тех курганов или тех участков больших городищ, которые по тем или иным причинам (природным, из-за строительства, благодаря хозяйственной деятельности человека) подвержены разрушению. Бесценные свидетельства древней жизни человека могут бесследно исчезнуть, если во́время не раскопать и не изучить археологически эти разрушаемые памятники.

Поволжская археологическая экспедиция была образована в 1958 г. Сначала ее целью было изучение средневековых городов Поволжья. Поздней осенью поехали мы с Алексеем Петровичем Смирновым — известным советским археологом, ведущим специалистом по археологии Поволжья — на Царевское городище в Волгоградской области. С этим памятником связана история одних из первых крупных археологических раскопок в России в середине XIX в.

Еще в 1843 г. начались раскопки Царевских руин. Во главе работ был поставлен А. В. Терещенко. Он взялся за дело энергично. Но научная сторона его рас-

копок даже для того времени была на низком уровне. А. В. Терещенко почти отказался от научного изучения развалин, не делал чертежей, не вел подробных описаний. Его раскопки свелись к простому копанию земли и извлечению находок. Ценные и красивые вещи, которые находили в изобилии, сохранялись, отправлялись в Петербург, а массовый материал — кости, керамика, строительные остатки, для современной археологии представляющие огромный интерес, — все выкидывалось или сваливалось в сараи, а потом уничтожалось. Была распределена по провинциальным музеям и потом пропала огромная коллекция золотоордынских монет из Царевского городища.

Большие надежды, ожидания богатых находок открывались перед нами 25 лет назад. Наша экспедиция много лет раскапывала это городище — развалины столицы золотоордынских ханов — Нового Сарая (Сарая-Берке). Потом мы перешли к изучению другой, более ранней столицы — Сарая (Сарая-Бату). Оба этих города находятся на р. Ахтубе между Волгоградом и Астраханью. Раскапывали мы и небольшой золотоордынский город, который, возможно, назывался Бельджаменом, а в русских летописях — Бездежем и располагался у города Дубовки выше Волгограда на правом берегу Волги.

Действительность оказалась скромнее и проще, чем рисовалась она в тот далекий 1958 год. Находок было много, но они были не столь богатыми, как у А. В. Терещенко, зато мы располагаем теперь десятками документально зафиксированных планов домов, усадеб, ремесленных мастерских, подробной классификацией керамики, стеклянных изделий, архитектурного декора, остеологическим и антропологическим материалом, тысячами монет и т. п. Большие коллекции рядовых бытовых вещей дают представление о цивилизации Золотой Орды, а значительные площади вскрытого культурного слоя, воссоздающие конфигурацию и планировку застроек, позволяют заглянуть в самую трудную для археолога область изучения древнего общества — в его социальный строй.

Кроме нижневолжских средневековых городов Поволжская археологическая экспедиция изучала и район Среднего Поволжья, где в X—XIV вв. стоял знаменитый город Болгар — один из центров, а в X—XI и XIV вв.

столица средневекового государства Волжской Болгарии. Это — старая традиционная тема русской археологии. Раскопки в Болгаре начались более 100 лет назад. Особенно интенсивно велись они под руководством А. П. Смирнова в 1950-х годах, в период сооружения Куйбышевского водохранилища, когда Волга подошла к руинам этого города и нужны были срочные меры, чтобы спасти для науки то, что разрушалось водой. В 1960—1970-е годы продолжались раскопки на этом городище, главным образом слоев XIII—XIV вв.

Радикально изменился характер Поволжской экспедиции в 1972 г. Крупные новостройки заставили ее заняться изучением тех археологических памятников, которые попадали в зоны строительства и подлежали уничтожению. В Черноярском районе Астраханской области в ходе строительства первой очереди огромной Калмыцко-Астраханской рисовой оросительной системы возникла опасность затопления и исчезновения большого количества древних курганов. Под каждой земляной насыпью лежала своя тайна, хранилась своя повесть о минувшем, свои археологические сокровища. Новые задачи привели к резкому расширению фронта работ экспедиции.

Вот и получилось, что стали мы уезжать из Москвы весной, когда степь еще цветет, а покидать полевой лагерь глубокой осенью, когда замерзает по утрам вода в умывальниках. За пять месяцев проходили перед нами пять тысячелетий — в виде курганов и могил или раскопанных на городищах землянок, домов, горнов, склепов... Пять тысячелетий, начиная с так называемой «древнеямной» культуры III тыс. до н. э. и кончая XIV—XV вв. н. э.

* * *

Раскопки курганов производились вдоль сухого русла одного из древних протоков дельты Волги. Его теперь называют «Кривая Лука». Когда с этих территорий сошла вода, заливавшая дельту во времена так называемой Новокаспийской трансгрессии Каспия (примерно VI—V тыс. до н. э.), оставались долгое время полноводные протоки. Позднее и они высохли, но временами вода прорывалась из Волги или сосредоточивалась в них после дождей. У таких протоков жили и

хоронили своих покойников племена древней Дельты. Сейчас мелиораторы используют естественное русло одного из этих протоков для создания крупного водохранилища.

...Скреперы тонкими слоями срезают насыпь кургана. За каждой машиной идет археолог. Маленькая косточка, обломок сосуда, пятно другого грунта на зачищенной скрепером полосе — признаки погребения, и машина останавливается или переходит на другую полосу, а здесь в ход пускаются лопаты, ножи и кисточки.

Сейчас вдоль участка древнего русла Кривой Луки длиной 45 км на обоих его берегах раскопано 35 курганных групп — практически все курганы в этой зоне.

Когда-то, в начале III тыс. до н. э., в немыслимой древности, здесь, на обильно увлажненной протоками земле жили племена, занимавшиеся земледелием и скотоводством. Как они сами себя называли, мы никогда, наверное, не узнаем. Археологи называют их племенами «древнеямной» культуры, потому что они хоронили своих покойников под курганами в больших глубоких прямоугольных ямах, укладывая мертвецов на спину с поджатыми ногами и посыпая охрой. На Кривой Луке раскопано много таких курганов. Это самые древние курганы в нашей стране. Аристократия, племенные вожди, чтобы выделиться из массы соплеменников, воздвигали над умершими членами своих семей огромные насыпи. Возвеличить вождя после его смерти, создать ему земляной памятник — такова идея этих погребений, свидетельствующих о первых шагах имущественного расслоения в первобытнообщинном строе, о первых зачатках богатства и знатности.

В одном ямном погребении, под большим курганом обнаружены были останки ребенка. Для него-то и было потрачено так много общественного труда, но курган был все же сооружен. Это, вероятно, отпрыск рода вождя. Доказательство тому — находка редчайшей для того времени вещи, которая не могла не цениться очень высоко, — небольшого височного золотого колечка. Это одна из древнейших находок золота в Восточной Европе. В ту эпоху, когда только медь из всех металлов входила систематически в быт людей, золото представляло величайшую редкость. Одна такая находка может оправдать месяцы работы археолога — утомительные,

пыльные жаркие будни в голой степи, под палящим солнцем...

С «древнеямной» культурой связана проблема возникновения кочевого хозяйства. Некоторые исследователи, основываясь на наблюдениях, сделанных в Нижнем Поволжье, пришли к выводу, что эти племена уже в глубокой древности, в III тыс. до н. э., вели кочевой образ жизни, при котором группы населения со своим скотом уходили далеко от Волги в степь. Эти заключения базировались на том факте, что погребения «древнеямной» культуры встречаются на большом удалении от Волги. Но наши раскопки и разведки показали, что большинство ямных курганов в древней дельте Волги располагается по руслам протоков, которые в то время были еще обводнены. Отпадает главный аргумент теории о кочевничестве этого населения. Высокоспециализированное животноводство, которым является кочевое скотоводство, — это продукт более поздних эпох.

Едешь от Кривой Луки в сторону Сарпинских озер — остатка другого большого древнего протока Волги — и не находишь ни одного кургана, на горизонте — ни одной волнистости — характерного признака курганной группы. А как только подъезжаешь к заросшей тростником цепочке Сарпинских озер, встают большие мощные курганы, многие из которых были насыпаны в эпоху «древнеямной» культуры. Эта культура относится к III тыс. до н. э., к периоду медно-каменного века. Только на поздних ее этапах появляются бронзовые изделия. Затем, в эпоху значительно более засушливую, наступает бронзовый век.

В раннем бронзовом веке в степи Поволжья находят племена так называемой «катакомбной» культуры (называется так по обычаю сооружать для покойников катакомбы под курганами). Главная зона расселения этих племен — в степях к западу от Волги, но и в Нижнем Поволжье встречаются эти погребения или отдельные вещи «катакомбной» культуры, и иногда довольно интересные. Например, в одном погребении был найден богато украшенный воронкообразный сосуд, стоявший в специально вырытой для него ямке. Отголосок культа, нам непонятного сейчас, дошел до нас в этом погребении.

В бронзовом веке Нижнее Поволжье заселяют племена так называемой «срубной» культуры. Названа она

так тоже по способу погребения: в некоторых районах распространения этой культуры могилы обкладывали деревом, наподобие бревенчатых срубов.

Это была эпоха мощного развития скотоводства и одновременно образования групп населения, занимающегося земледелием. На базе скотоводства, и в частности коневодства, усиливается имущественное неравенство. Племена приобретают бо́льшую подвижность. Устанавливаются широкие связи и культурные контакты с соседними племенами. Интенсивно развивается бронзовая металлургия.

Погребения «срубной» культуры встречаются почти в каждом кургане. Чаще всего в более древних курганах, оставленных еще племенами «древнеямной» культуры, устраивали могилы «срубной» культуры. Но есть и «срубные» курганы, специально сооруженные для погребения представителей знати. Встречаются в могилах «срубной» культуры вещи, заслуживающие особого внимания, например фигурные костяные пряжки или набор полированных костяных трубок, — может быть, остатки носовой флейты, известной в древности. Была найдена каменная булава с тремя круглыми выступами и четвертым в виде клюва птицы — знак власти какого-то старейшины или вождя.

С VI в. до н. э. степи Поволжья заселяют племена раннего железного века, известные греческим писателям под именем савроматов, или сарматов. Резко меняется обряд погребения, и прежде всего поза погребенного. В бронзовом веке не только у «срубных» племен, но и у множества других был распространен обычай класть покойника на бок с подогнутыми ногами и прижатыми к груди руками и густо посыпать его охрой. В раннем железном веке костяки оказываются вытянутыми и, как правило, лежащими на спине. До сих пор ученые не могут разгадать смысл скрюченной позы и объяснить причины повсеместного перехода к вытянутому положению трупа, характерному для захоронений раннего железного века. Дело здесь в каких-то верованиях и представлениях о смерти, в резких идеологических сдвигах, связанных с новой эпохой, причем не местных, локальных, а всеобщих, имеющих большое значение для многих племен в разных районах обитаемой территории.

Сарматы известны в науке хорошо. Но каждый ар-

хеологический сезон дает новые интересные находки, дополняющие общую картину их жизни. Например, нами был раскопан большой курган раннесарматского времени (VI—V вв. до н. э.). В его центре оказалась огромная яма с возведенной вокруг нее кольцевидной

Рис. 1. Серебряный фалар с изображением всадника из сарматского погребения конца II—I вв. до н. э. в урочище «Кривая Лука».

стенкой из глины. Это не обычный обряд, он связан с особым социальным положением погребенного. Хотя могила ограблена, но в ней сохранились золотые вещи — тоже свидетельство знатности и богатства погребенного.

Вот еще удачная находка. В большом кургане была открыта могила женщины, похороненной в IV—III вв. до н. э. При ней положили и тушу барана (пищу на тот свет) и украшения — множество бус, больше 800.

Женщина оставалась женщиной и за гробом. Красивые подвески из черного камня, оправленного в золото, украшали ее лицо. В той же могиле лежали вещи, свидетельствующие о связях сарматов с Грецией и греческими колониями Причерноморья: чернолаковая чашечка и двуручный сосуд для вина — амфора с клеймом греческого города Гераклеи. Мы знаем о сношениях греков с сарматскими племенами, знаем о торговых

Рис. 2. Золотые нашивки из сарматского погребения II—I вв. до н. э. в урочище Кривая Лука».

экспедициях эллинов в сарматские степи, но все же находок греческих вещей, да к тому же столь древних и так далеко на Востоке в сарматских могилах, мало и они весьма интересны.

В другом кургане были найдены серебряные бляхи от лошадиной сбруи, так называемые фалары, с изображениями всадников с дротиками. Эти всадники похожи на тех, которых изображали на склепах и надгробиях воинов в греческих колониях Причерноморья. Фалары были изготовлены в варварской степной среде по образцам эллинского искусства.

Раскапываем еще одну сарматскую могилу. Под ножом что-то сверкнуло. Расчищаем дальше, с трудом сдерживая волнение. Золотые бляшки покрывают всю одежду погребенного, кроме того, — золотые украшения на колчане. На животе две пряжки от двух поя-

сов — признаки знатности и власти у древних кочевников. Целый день работаем над этим богатым погребением. Уже расчистили кинжал в деревянных, выкрашенных в ярко-красный цвет ножнах тоже с золотым покрытием, колчан со стрелами, сосуд... После фиксации и зарисовок снимаем украшения. Их почти 300 штук. На всякий случай прочищаем дно могилы и... открывается тайник под костяком погребенного. Древние боялись грабителей могил, самое ценное клали в тайнички — ямки на дне могилы под костяком или замазанные глиной нишки в стенке могилы. Такой тайник мы и обнаружили. На поверхность извлекается бронзовый котел, в нем крюки, деревянная чашечка. Затем появляются на свет два фалара и, к нашему величайшему сожалению, дальше — дно тайничка. Но и того достаточно, нельзя нам в этот день жаловаться на отсутствие археологического счастья. Это погребение было совершено во II или в начале I в. до н. э. Интересны в нем не только золотые, богатые вещи, но и простые, скромные. Например, бронзовая позолоченная пряжка была в точности повторением прямоугольных пряжек с ажурным зигзаговидным узором, которые находят в памятниках того же времени в Монголии и Южной Сибири, где они принадлежали хунну́ — предкам знаменитых гуннов. Эта находка еще раз показывает, что огромные пространства евразийской степи не мешали контактам отдельных групп населения Востока и Запада. Вещи, говорящие о сношениях с далекой эллинской культурой, дополняются в наших поволжских коллекциях предметами из еще более далеких Сибири и Монголии.

Поздние сарматские погребения, относящиеся к IV—VI вв. н. э., встречаются редко. Наступивший затем период, связанный главным образом с эпохой Хазарского каганата, в археологических памятниках представлен совсем бедно. Долгое время вообще не удавалось обнаружить следы хазар в Поволжье. А ведь именно здесь располагался Итиль — столица Хазарии. Опасный сосед Руси, властелин многих племен, Хазарский каганат в VIII—X вв. как бы запирал Великий Волжский путь. Его правители эксплуатировали транзитную торговлю на Волге, собирая пошлины с купцов. Существование каганата было важным историческим фактором, в значительной степени определявшим поли-

тическую, экономическую, этническую и религиозную ситуации того времени в южной части Восточной Европы. «Ускользавшие» долгое время от археологов хазары, кажется, сейчас «найдены». На Нижней Волге и на Дону встречаются иногда средневековые курганы, которые можно датировать VIII—X вв., с типичным для этой эпохи набором вещей, многочисленными украшениями, сбруей и оружием. Характерным признаком их является квадратный в плане ровик вокруг могилы. В самой же могиле обычно устраивали подбой в одной из стен, куда и клали покойника, закрывая потом деревянным настилом саму могилу. Вот одну такую могилу, причем знатного и богатого воина, раскопала наша экспедиция в районе Кривой Луки под большим, хотя и плоским, невысоким курганом.

Под курганной насыпью из кусков дерна, плотно уложенных один к другому, были обнаружены деревянные плахи, положенные непосредственно на землю. Эта деревянная площадка сооружена в центре кургана, а сбоку от нее к западу вырыта сама могила. Вокруг них шел прямоугольный в плане ровик, ограничивающий площадь примерно 16×16 м. На этом пространстве некоторое время после погребения, видимо, и совершались какие-то культовые действия и церемонии. В могиле лежал костяк мужчины с большим количеством вещей: золотые, серебряные и бронзовые бляхи, пряжки, сосуды; рядом, видимо, чучело коня — от него сохранились череп и концы четырех ног с седлом, стременами и удилами. В головах покойника уложены разрубленные туши не менее чем 18 баранов.

В X—XI вв. в Поволжье обитали кочевники — печенеги и гузы. Хазарский каганат пал под ударами русских дружин, и с востока хлынули в южнорусские степи тюрки — кочевники из Казахстана и Приуралья. Каганат как бы сдерживал их напор, но он погиб, и Русь испытала на себе тревожное соседство новых степняков. Вскоре, в конце XI—XII вв., на место печенегов пришли половцы. В половецкую эпоху Поволжье по каким-то непонятным нам причинам было почти незаселенной областью. Курганов XII в. в этой зоне степей почти нет.

Но наступает грозный XIII век. Монгольское нашествие привело к образованию в степях Поволжья центра новой громадной державы — Золотой Орды, под-

чинившей и Русь, и Волжскую Болгарию, и Крым, и Северный Кавказ, и значительную часть Средней Азии, не говоря уже о степях Западной Сибири, Казахстана и Восточной Европы.

Может быть, «вакуум», который возник в поволжских степях в XII — начале XIII в., обусловил то, что именно этот район стал центром золотоордынских ханов — здесь были свободные пастбища, где монгольская знать — найоны и огланы — могли вольно кочевать вместе с зависимыми от них кочевыми улусами. Здесь же степи, пригодные для кочевого скотоводства, перемежались пойменными плодородными низинами, удобными для сельского хозяйства той части населения, которая переходила к оседлости. Транзитное значение волжского торгового пути делало этот район еще более удобным и благоприятным для строительства новых городов золотоордынских ханов — центров и форпостов власти завоевателей, пунктов сосредоточения рабов, награбленных богатств, развивающегося на этой почве ремесла и торговли.

Превратив степи Поволжья в центр своей державы, в свой «домен», золотоордынские ханы стали принудительно переселять сюда некоторые племена старого кочевого населения степей; другие группы кочевников сами шли в эти районы, отдаваясь под покровительство новой степной аристократии. Численность кочевого населения в это время резко возрастает. Поволжская экспедиция раскопала несколько курганных групп XIII—XIV вв., а от предшествующих XI—XII вв. дошли до нас только отдельные погребения в более ранних курганах. Это говорит о том, что в домонгольский период кочевники хоронили своих покойников в случайных местах, в насыпях старых курганов, встретившихся им во время перекочевок, а в золотоордынскую эпоху они устраивали обширные могильники в определенных традиционных местах своих привычных кочевых маршрутов.

Интересен курган XIII—XIV вв. с могилой в центре, в которой лежал покойник головой к северу — типичная ориентировка, распространившаяся в это время в связи с тем, что с Востока вместе с монголами пришли сибирские племена, у которых был культ юга. Покойника они клали так, чтобы лицом он был обращен на юг, в сторону полуденного солнца. Среди типичных

вещей, связанных с военным и кочевым бытом, здесь были вещи богато украшенные, например костяные накладки на колчаны — интереснейшие образцы искусства того времени. Они, видимо, изготавливались в золотоордынских городах для кочевых воинов. Их стиль резко отличается от собственно золотоордынского городского искусства, но вместе с тем встречаются эти накладки обычно в кочевнических курганах, расположенных в непосредственной близости от городов Золотой Орды.

Но другое привлекло наше внимание в этом кургане. Под насыпью лежали бревна, образуя почти правильный восьмигранник. Концы их были соединены, как соединяются бревна срубов. При этом одно бревно было смещено и лежало внутри фигуры. Оно-то и позволило реконструировать важный элемент погребального культа, который ускользал раньше от исследователей. Раз бревно было смещено — значит, бревенчатый восьмиугольный сруб стоял долгое время без насыпи, так долго, что концы бревен успели сгнить. Значит, после погребения и сооружения сруба до насыпи кургана прошло достаточно долгое время. Вероятно, этот промежуток времени по верованиям древних соответствовал особому состоянию умершего, когда он как бы еще не умер окончательно. У многих народов — угров Западной Сибири, тюрских народов — в древности и в недавнем прошлом был распространен этот обычай второго, как бы окончательного погребения. Иногда даже разрывали могилу и клали туда «куклу» — двойника покойника. Этого двойника некоторое время после смерти самого человека, пока его душа еще только на пути в иной мир, держали в доме, кормили, укладывали спать, а потом относили на кладбище. Внимательное изучение деталей погребения в одном из средневековых курганов на Кривой Луке дало возможность археологически зафиксировать в степях Восточной Европы этот заупокойный обряд: окончательная смерть погребенного как бы наступала после определенного цикла культовых действий, когда, наконец, и сооружали насыпь кургана.

* * *

Теперь обратимся к золотоордынским городищам. Их изучению отдали мы особенно много сил и времени.

Монгольское нашествие — одно из самых тяжелых исторических воспоминаний русских людей. И не только пожары и грабежи, не только угодничество князей перед новой властью, не только гибель сотен и тысяч людей и десятков городов составляют горечь этой эпохи. Многие русские люди в те годы были уведены в плен, тосковали в проклятой «татарской» неволе на берегах Волги, в половецких степях и на берегах Онона и Керулена в далекой Монголии.

В памяти русских Сарай остался проклятым местом. Здесь было все чуждо русскому человеку, все ему враждебно. Такой была столица Золотой Орды и для многих других покоренных монголами народов.

Но на слезах и крови покоренных народов — русских и болгар, кавказцев и жителей Средней Азии, ремесленников Крыма и Китая — выросли в пустынных степях Нижнего Поволжья как сказочные цветы, быстро распустившиеся и столь же быстро увядшие, великолепные дворцы и города золотоордынских ханов. И когда их в 1333 г. посетил знаменитый путешественник Востока ибн Баттута, который смог на них посмотреть без ненависти и вражды, то он был поражен их богатством, великолепием и многолюдством.

«Город Сарай, — писал он, — один из красивейших городов, достигающий чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненной людьми, красивыми базарами и широкими улицами. Однажды мы поехали верхом с одним из старейшин его, намереваясь объехать его кругом и узнать размеры его. Жили мы в одном конце его и выехали оттуда утром, а доехали до другого конца его только после полудня... и все это сплошной ряд домов, где нет ни пустопорожних мест, ни садов. В нем тридцать мечетей для соборной службы... Кроме того, еще чрезвычайно много других мечетей. В нем живут разные народы, как-то: монголы — это настоящие жители страны и владыки ее, некоторые из них мусульмане; асы, которые мусульмане, кыпчаки, черкесы и русские и византийцы, которые христиане. Каждый народ живет в своем участке отдельно; там и базары их. Купцы же и чужеземцы из обоих Ираков, из

Египта, Сирии и других мест живут в особом участке, где стены окружают имущество купцов».

Действительно, Сарай в первой трети XIV в. был большим городом с мечетями и дворцами, с людными

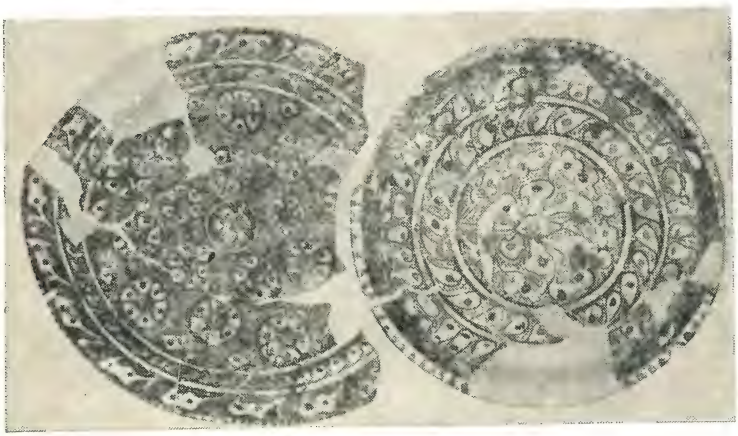


Рис. 3. Поливные чаши из Селитренного городища. XIV в.

базарами, торговыми складами, городом, где можно было встретить и заморских купцов, и ученых, где мелькали одежды разных народов, звучали разные языки, где смешивались разные религии.

Что осталось от этого великолепия? Обломки былого в выжженной солнцем и омытой водами земле, плоские холмы, под которыми лежат руины домов, ямы от водоемов, наполненных когда-то чистой холодной водой, и туманные воспоминания. Такой вид имеет то

Рис. 4. Резная терракотовая плитка из Селитренного городища. XIV в.

место, где находилась эта древняя столица — огромное городище, расположенное у села Селитренного на реке Ахтубе.

Археологические раскопки постепенно возвращают жизнь этим руинам. Один из раскопов Поволжской экспедиции пришелся на большую керамическую мастерскую. Тысячи бракованных сосудов не оставляли сомнений в том, что здесь было производство керамики. Роскошные чаши, покрытые красочной поливой с полихромными узорами, сочетающие высокую технику с безукоризненным вкусом, чаши, которые считались раньше привозными из Средней Азии, были найдены среди отходов этой мастерской. Тем самым было доказано местное, сарайское производство большинства типов художественной посуды. Открытие мастерской дало возможность выяснить, как делали эту керамику. Обнаружены десятки форм для оттискивания рельефного орнамента и для лепки самих сосудов, найдена своеобразная палитра гончара-художника — раковина, на которой он растирал и разводил краску. Развалины

горнов разнообразной конструкции позволяют понять устройство тех сооружений, в которых посуда подвергалась обжигу: сотни заготовок, полуфабрикатов, прошедших различные стадии технологического процесса, тысячи деталей так называемого «печного припаса», при помощи которого размещались чаши в горнах. Здесь же делали изразцы и терракотовые плитки для украшения зданий.

Когда перестала функционировать мастерская гончаров, на этом месте возникло кладбище. Открыты погребения и развалы небольших мазаров, украшенных когда-то мозаикой и майоликой. Игра красок на поверхности стен мавзолеев при свете яркого южного солнца создавала незабываемый художественный эффект, так поражавший всех тех, кто посещал Сарай.

На Селитренном городище был раскопан большой дом аристократической усадьбы. Его внешние капитальные стены сооружены из сырцовых кирпичей. В середине двух противоположных стен, северной и южной, были симметричные ниши — айваны — с проходами. Они вели в центральный зал. Посетитель, минуя проход в южном айване, входил в этот зал и попадал на возвышенную платформу. С нее он должен был затем спуститься на кирпичный пол, окаймленный с боков узкими ступеньками из кирпичей, на которых были положены доски. В середине зала был бассейн, за ним — массивная кирпичная платформа, на которой стояла тахта, т. е. трон хозяина дома. По сторонам от этой платформы имелись проходы в боковые комнаты, а за ней — выход, который выводил через северный айван наружу.

Нужно представить себе этот зал в дни торжественных церемоний и приемов, когда глава дома сидел на возвышении под балдахином, а в зале вокруг бассейна, наполненного водой, стояли и сидели вдоль стен домочадцы и гости.

По обеим сторонам центрального зала располагались два больших совершенно пустых помещения. Это тоже, вероятно, парадные залы. Жилых комнат с лежанками-суфами и отопительными системами — так называемыми канами (печи и горизонтальные дымоходы внутри лежанок) — было всего три. Три небольшие жилые комнатки-спальни на три огромных парадных зала! Церемонии, культы, приемы составляли важней-

шую часть жизни обитателей этого дома. Имелся еще маленький дворик с колоннами вдоль стен и складское помещение. Рядом с большим домом были построены деревянные для слуг.

Таков был этот дом в середине XIV в. Но затем в течение 20—30 лет он несколько раз перестраивался.

Интересно было изучать его развалины. Каждый проход и каждая комната представлялись целыми «рассказами» — их только следовало прочитать: нужно было каждый раз решать массу вопросов — изначальный проход или прорубленный в стене при перестройках, в какой период проход заложили кирпичом, когда снова открыли, почему в связи с открытием или закрытием того или иного прохода была полностью изменена планировка помещения или почему открытие новых проходов в некоторых комнатах не меняло внутренние конструкции, и они оставались прежними. Как нескромные детективы, которые хотят разобраться в семейных драмах и коллизиях, тщательно от них скрываемых, работали археологи над тем, чтобы восстановить историю всех перестроек этого дома.

Некоторые комнаты делились пополам, причем по нескольку раз в разных направлениях, другие — отгораживались от центрального зала, сохраняя связь только с наружным двором, иные, наоборот, отгораживались от двора, и в них можно было войти только из центрального зала. Чувствовалось стремление увеличить жилую площадь: парадные залы перестраивают в жилые — большая семейная община дробится; блоки комнат и отдельные помещения наглухо отгораживаются друг от друга — члены этой общины живут не в ладах друг с другом.

Уже в 1370-х годах наступил полный упадок этого дома. Заброшен его центральный зал, бассейн в нем заполняется мусором. Семья распалась, а может быть, погибла. Новые люди и, по-видимому, бедные ютятся в развалинах пышного когда-то дома-дворца. Нестабильность общества, тревожность жизни, распад больших семейных общин привели к многочисленным перестройкам в течение каких-то 30—40 лет.

Сходную картину можно было наблюдать при раскопках другого еще более богатого дома на Селитренном городище — настоящего многокомнатного дворца. Его центральный зал был огромен — размерами 7×

×15,2 м. Попадающий в него оказывался вначале на вымостке из жженого кирпича, по бокам которой были суфы. Затем он ступал на квадратный пол, уложенный квадратными и шестиугольными кирпичами, образующими крестовидный орнамент. В центре пола вместо бассейна был устроен большой умывальник с поглотительным колодцем под полом (в Средней Азии их называют «тошнау»). А в глубине зала имелось квадратное возвышение, выстланное кирпичами, на котором, очевидно, тоже стояла тахта хозяина — крупного аристократа или вельможи, жившего в Сарае.

Этот зал напоминает центральный зал первого дома. В обоих домах-дворцах вход с юга, а трон хозяина — на севере и обращен на юг. Так же был устроен трон великого каана — главы всей монгольской империи — в его дворце в Каракоруме (в середине XIII в. его посетил и описал монах Вильгельм Рубрук). Очевидно, в этом проявился тот же культ Юга и полуденного солнца, который обнаруживается при изучении степных могил кочевников: там погребенный часто оказывается положенным головой на север, а лицом на юг.

Справа и слева от центрального зала этого дворца располагались жилые и хозяйственные помещения. Это были комнаты с суфами, печами и канами, с умывальниками («тошной»), с кирпичными полами. В соединительных коридорах также были полы из кирпичей. В одной комнате обнаружен глинобитный диск с желобком вокруг него — подставка под жернов. Здесь, вероятно, была домашняя мельница. В другой комнате располагались в массивной суфе две большие печи для лепешек — тандыры. Это помещение служило пекарней. Во дворце раскопана и ванная комната с кирпичным бассейном, от которого отходила система глиняных труб-водопроводов и желобов.

Стены центрального зала были побелены и украшены изразцами с росписью и позолотой. Другие помещения имели роспись по белой штукатурке. В одной комнате — вероятно, детской — на лежанке, покрытой штукатуркой, была прочерчена прямоугольная фигура для игры, а на стенах комнаты было много процарапанных рисунков, и детских, и взрослых: звери, по возможности пострашней, человек с зонтиком, мужчина в короне. Встречались и надписи уйгурскими и арабскими буквами.

При этом доме был большой банный комплекс — с горячими комнатами, в которых имелись дымоходы, обогревавшие пол, с комнатами для охлаждения, с большим прохладным бассейном. В бане найдено несколько амулетиков — на черепках тушью нарисован квадрат с девятью клетками, в каждой помещена была

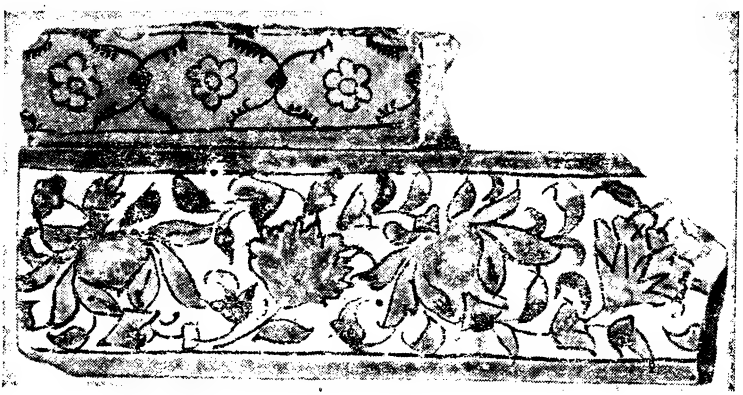


Рис. 5. Изразец с позолотой — часть архитектурного декора, украшавшего центральный зал дома-дворца на Селитренном городище. XIV в.

цифра от 1 до 9, так что по всем линиям сумма цифр оказывалась одинаковой — 15. Это так называемый «магический квадрат», которому в старину придавались свойства оберега. Почему именно в бане? Может быть, туда нужно идти с оберегом: нечистая сила могла напасть на человека тогда, когда он как бы расслаблялся и становился для нее легкой добычей.

Дом построен, видимо, в 1330-х годах. Уже вскоре он был перестроен. Сооружается новая южная капитальная стена и новый вход в центральный зал с юга, снабженный наклонным пандусом.

Следующий период жизни этого большого дома, относящийся примерно к 1370—1390 гг., связан с варваризацией жизни в нем. Это уже не дворец. Кирпичные полы во многих комнатах и коридорах приходят в ветхость, их не берегут, они разрушены, многие комнаты перестроены, разделены на более мелкие помещения. В некоторых коридорах на кирпичных полах отлагается слой грунта, и полы становятся земляными. Стенки

бассейна срубают и превращают ванную комнату в обычное помещение. Это период, когда дом перестал быть дворцом и стал жилищем для простых людей, вероятно, ремесленников-керамистов: в одном из помещений в этот период жил мастер-гончар, который хранил у себя большой запас обломков мозаичных элементов —

Рис. 6. Рисунок и надпись уйгурским шрифтом, прочерченные по штукатурке стены в одной из комнат дома-дворца на Селитренном городище. XIV в.

отходов какой-то стройки, чтобы пустить их на производство новых керамических изделий. Декор центрального зала был содран и собран в несколько больших куч, а частично растащен по помещениям. Он представлял ценность, так как на нем была золотая фольга.

Оба больших аристократических дома-дворца погибли примерно в одно время — в 60—70-е годы XIV в. Это был период «великой замятни» в Золотой Орде, феодальных междоусобиц, борьбы за власть группировок аристократии, при которой каждый хан, захвативший престол, уничтожал почти полностью своих противников. Городской вельможный патрициат, участво-

вавший в этой борьбе, сильно пострадал, представители его, втянутые в кровавые смуты, энергично уничтожали друг друга. Археология позволила выявить этот процесс.

Аналогичную картину дали раскопки богатых усадеб другого золотоордынского городища — Царевского, которое является руинами второй столицы — Нового Сарая.

* * *

На Царевском городище в результате долгих и упорных раскопок удалось установить, что дома горожан четко отражают их социальный статус. Десятки раскопанных жилищ жителей Нового Сарая как бы выстроились в иерархический ряд: большие землянки без печей заняли нижнюю ступень лестницы — это, вероятно, были жилища рабов; потом шли небольшие землянки с печами и лежанками — жилища индивидуальных бедных, но свободных или полусвободных семей, затем углубленные в землю деревянные дома, наземные деревянные дома, деревянные дома с кирпичными цоколями, кирпичные дома, многокомнатные дома, представляющие собой простое соединение однокомнатных кирпичных или деревянных, и, наконец, завершали эту лестницу многокомнатные кирпичные дома-дворцы. Сопоставление разных типов жилищ, находимых в той или иной части городища, стало как бы инструментом в руках исследователей-археологов для социального истолкования изучаемого района города, той или иной усадьбы. А усадеб раскопано много, и они составляли главный интерес для нас. Так, например, в районе юго-восточного пригорода Царевского городища были открыты три усадьбы, отделенные друг от друга глинобитными дувалами и арыками.

Это — небольшие, среднего достатка усадьбы. Их главные дома имеют сырцовые цоколи и деревянные стены; жилища для слуг и зависимых людей были целиком из дерева.

Более богатыми представляются усадьбы в восточных кварталах Царевского городища. Между улицами с арыками располагались обнесенные кирпичными стенами или глинобитными валами усадьбы. Их здесь раскопано три. В первой усадьбе два центральных

дома, симметрично поставленные рядом, были не с деревянными, а с кирпичными сырцовыми стенами, т. е. как бы на ранг выше. Жилище для слуг в виде дома с деревянными стенами на сырцовом кирпичном цоколе примыкало к одному из главных домов. Примерные размеры усадьбы 30—40 м. Вторая усадьба имела центральный дом в виде соединенных в один четырех жилых домов с деревянными стенами на цоколях из сырцового кирпича и нескольких таких же хозяйственных построек, сгруппированных вокруг внутреннего дворика. Этот дом относится к виду больших домов, рангом выше простых однокомнатных домов, механически соединенных, каким был главный дом первой усадьбы. В соответствии с этим и помещение для слуг представляло жилище тоже на ранг выше, чем в первой усадьбе этого района. Это было не деревянное строение на кирпичном цоколе, а соединение трех домов с полностью кирпичными сырцовыми стенами. В соответствии с этим и общие размеры усадьбы были большими — примерно 70×75 м. Время существования обеих этих усадеб, видимо, 1340—1370-е годы. Третья, самая большая и богатая усадьба была построена рядом и одновременно со второй и имела с ней общую стену. Она состояла из центрального дома, перестроенного и бывшего сначала сырцовым двухкомнатным, а затем большим домом-дворцом из жженого кирпича с 11 комнатами. Около дома шла дорожка из кирпичного боя, и за ней располагался прямоугольный водоем с обкладкой стен из сосновых бревен. Перед домом была ступенчатая платформа с лестницей, очевидно, павильон с легким деревянным навесом. Усадьба имела два въезда — северный и южный. Южный, расположенный против входа в центральный дом, представлял собой простой мощенный обломками кирпича проем в стене, ограничивавшей усадьбу. По сторонам северного въезда в усадьбу располагались два дома с сырцовыми кирпичными стенами, имевшими однотипные комнаты с индивидуальными входами. В каждом доме было по 4 помещения. Эти постройки, как бы составленные из 4 одинаковых домов-элементов, были жилищем привилегированной части усадебных людей, может быть, военной охраны или дружины. К этим домам примыкал ряд маленьких домиков, углубленных в землю, с деревянными стенами. Среди них был только один на-

земный дом с деревянными и кирпичными стенами. Это тоже жилища усадебных людей, но рангом ниже. Вероятно, усадебный люд, живший вне главного дома, делился на две части — привилегированную, для которой были построены мощные кирпичные дома, с жилыми ячейками с индивидуальными входами, и приниженную, жившую в бедных деревянных домах.

Социальное положение этой последней категории усадебных людей, видимо, было с течением времени еще более понижено, так как один наземный дом был разрушен и уступил место землянке «рабского» типа. Такая картина наблюдалась в другой богатой усадьбе на Царевском городище. «Регресс» жилищ усадебных людей объясняется, наверное, ужесточением их эксплуатации — некоторые из них переводятся на положение домашних холопов.

Описываемая усадьба прекратила существование в середине 1360-х годов, когда через нее был проведен ров и вал Царевского городища, разрушивший ряд построек.

Все эти усадьбы знати в обоих Сараях гибнут или приходят в упадок, запустение в одно и то же примерно время — в конце 60—70-х годов XIV столетия. Особенно показательна судьба и гибель последней из описанных нами усадеб на Царевском городище. Действительно, в середине 1360-х годов через нее был проведен вал и ров городища, который в других местах аккуратно обходил усадьбы, оставляя их или внутри города, или вне его. Оборонительную линию проводили, вероятно, ханские власти и так, что некоторые усадьбы этим строительством оказывались разрушены. Это явно репрессивные действия. Как не вспомнить обстоятельства прихода к власти некоторых ханов в столице, когда почти поголовно вырезались сторонники других ханов — их конкурентов. Можно предполагать, что один из ханов 1360-х годов, сев на престол в Новом Сарае, приказал окружить город стеной и при этом провести ров и вал через усадьбы только что уничтоженных оппозиционных ему вельмож и эмиров.

* * *

Развалины провинциального золотоордынского города сохранились у г. Дубовка в Волгоградской области — это так называемое Водянское городище. В ре-

зультате археологических работ на этом городище постепенно восстанавливается картина жизни небольшого золотоордынского города XIV в. Изучены дома и усадьбы, землянки, мастерские ремесленников, кварталы русского населения, составлявшего колонию в этом городе (найдены крестики, иконка, русская керамика, исследовано православное русское кладбище).

Производились раскопки большой соборной мечети этого города, предположительно связываемого с известным по письменным источникам городом Бельджаменом. Сейчас эта мечеть размерами 26×35 м вскрыта целиком. Стены ее были сложены из рваного камня на глиняном растворе и изнутри покрыты белой алебастровой штукатуркой. Снаружи штукатурка покрывала северную и восточную стены, т. е. там, где перед мечетью были открытые площади. С других сторон мечеть была застроена домами. В плане мечеть представляла собой прямоугольное помещение, расчлененное колоннами на шесть нефов, шириной 4 м каждый. Сохранились ряды каменных баз от колонн, на которых покоилось деревянное перекрытие. Пол был выстлан досками.

В южной стене изнутри была устроена ниша-михраб — культовый центр мечети. На михраб должны были ориентироваться верующие во время молитвы, чтобы смотреть в сторону Мекки. Ниша имела сложный рисунок своих пилонов; она выложена из кирпича и облицована алебастровой штукатуркой. Над нишей была алебастровая панель с религиозной надписью. Перед михрабом имелась прямоугольная постройка из дерева с колоннами, которые опирались на каменные базы. В центре этой постройки вкопана большая мраморная колонна — строго против михраба. Колонна была привезена, очевидно, из какого-либо древнегреческого города Причерноморья, захваченного монголами, где были богатые античные руины. Под колонной оказалась мраморная капитель того же времени, коринфского типа.

Тысячи километров волокли татары мраморные архитектурные детали, чтобы употребить их не по назначению: многопудовую колонну как подставку для книги, а резную капитель как опору для колонны... Такова эпоха, таковы эти градостроители — вчерашние кочевники, завоеватели-монголы.

К северо-восточному углу мечети примыкал прямоугольный, почти квадратный цоколь минарета, сложенный из больших каменных плит, чередовавшихся со слоями мелкого камня. Выше цоколя, очевидно, находился круглый ствол минарета, сложенный из обожженных кирпичей. Среди развала кирпичей были найдены также плитки с бирюзовой поливой, украшавшие поверхность минарета, и чередовавшиеся с ними вставки из алебастра с оттиснутыми на них надписями. Декор минарета дополняли алебастровые панели с меандровым орнаментом.

* * *

Много интересных и красивых древних вещей привезли археологи из Селитренного, Царевского и Водянского городищ — здесь и формочки для литья свинцо-

Рис. 7. Золотой браслет из Селитренного городища. XIV в.

вых и бронзовых изделий, и привозное стекло из Сирии и Египта, и подвеска-идольчик, и золотой браслет, и бронзовая ступка, и накладка-амулет, и костяные и стеклянные перстни, и обломки сердоликовых украшений, и русские крестики и иконки. Под стеклянной вставкой одного перстня оказалась бумажка со стертыми письменами — это амулетик с мистическими формулами, призванными охранять их владельца от всех бед и обеспечивать ему успех во всех его начинаниях.

Земля этих городищ насыщена обломками посуды, изразцами, монетами, сломанными и разбитыми вещами. Попадаются и редкие вещи, например обломки фаянсовых чаш с золотистой росписью и блестящей глазурью. За свой металлический блеск такие сосуды были названы «люстровыми». Их делали в Иране и оттуда они попадали на берега Ахтубы. На сосудах изображали сцены из придворного быта и писали персидские стихи. Часто попадаются обломки каменных сосудов из мягкого талька. Их делали в Средней Азии, в Хорезме, и привозили сюда на кораблях через Мангышлак и Каспийское море или с караванами, шедшими через плато Устюрт и казахстанские степи.

Рис. 8. Русская иконка с изображением св. Георгия, найденная в Астрахани. XIV в. Бронза.

Находки постепенно раскрывают все стороны жизни золотоордынских городов. Обломок бронзовой астролябии с арабскими обозначениями градусов и монета бейрутского короля крестоносцев XIII в., изразцы с изящными персидскими стихами и большие каменные вазы из какой-то аристократической усадьбы, медные трубки от фонтана и керамические подсвечники, надписи из Корана и русские иконки — все мелькает перед нами и создает образ этих странных степных городов. Они выросли в короткие исторические сроки, в результате строительной деятельности и политики ханов в середине XIII в., благодаря скоплению награбленных монголами богатств и большого количества пленных ремесленников и строителей. Сильная власть ханов поддерживала рост этих городов, и они превратились в крупнейшие торговые и экономические центры. Но как только центральная власть ханов стала слабеть, как только в государстве Золотой Орды начались смуты и феодальные усобицы, эти города приходят в упадок. Быстрый подъем сменился столь же быстрым упадком. Упа-

док довершили войска среднеазиатского завоевателя Тимура, который в 1395 г. разгромил золотоордынские центры в Поволжье. Еще раньше Золотая Орда показала свою слабость на Куликовом поле, где в 1380 г. войска Мамая были наголову разбиты московским князем Дмитрием Донским.

Степь захлестнула золотоордынские городские центры. Снова здесь полностью царили кочевники, города были разрушены, и градостроительство в Нижнем Поволжье возобновилось только с проникновением сюда России в XVI веке.

С. А. Изюмова

ДРЕВНОСТИ ТУЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

Медленно и спокойно несет свои воды река Упа, правый, самый большой приток Оки. И течет она от истока до устья по Тульской области, нигде не выходя за ее пределы. Свой путь Упа начинает маленькой речушкой у границ Дикого поля на южной окраине Тульской земли. Пополняясь по пути водами притоков, она вливается в Оку уже довольно широкой и полноводной рекой. В верхней части, от истока до впадения реки Шат, Упа течет почти строго на север, а затем, сделав огромную петлю по заливным лугам и меж высоких круч, меняет свое меридиональное направление на широтное и устремляется на запад к Оке, протекающей по западной окраине Тульской области.

Реки всегда поили и кормили людей, они служили основными путями, по которым расселялось человечество. К сожалению, реки не обладают даром речи, иначе они могли бы о многом поведать людям, в том числе и о богатом прошлом Тульской земли, с которой связаны многие важные события героического прошлого нашего народа. Раскрыть тайны человеческого бытия, узнать, кто и как здесь жил в прошлом, при отсутствии сведений письменных источников могут только археологи, раскапывая остатки древних поселений, захоронений, клады.

Обследуя берега рек близ современных селений Доброе, Жабынь, Западная, Костомарово, Тулица и в других местах, археологи нашли кремневые наконечники стрел и дротиков, ножевидные пластинки и обломки глиняной посуды, позволившие ученым сделать вывод,

что бассейны Упы и Оки были заселены людьми уже в каменном веке. В эпоху неолита, в III—II тыс. до н.э., здесь находились неукрепленные поселения-стоянки небольших родовых коллективов. Основу их хозяйства составляли рыболовство и охота. Поэтому люди селились у воды, а ближайшие лесные угодья, занимавшие в то время значительные пространства, давали им возможность охотиться на зверей и птиц и обеспечивали материалом для постройки жилищ и изготовления деревянных челнов. Древние рыболовы и охотники делали орудия труда и оружие из кремня, в быту использовали лепную глиняную посуду, сплошь украшенную узорами из круглых и ромбических вдавлений и отпечатков гребенчатого штампа.

Бронзовый век на территории Тульской земли до сих пор остается малоизученным. Найденные керамика и кремневые изделия того времени свидетельствуют, что и на этом этапе Тульская земля оставалась заселенной.

В первой четверти I тыс. до н. э. население Тульской земли уже овладело сложным процессом получения железа из местных руд и научилось ковать из него более совершенные орудия труда и оружие. Использование железных орудий способствовало переходу к более прогрессивным формам хозяйства — скотоводству и земледелию, а также к развитию домашних производств, таких, как обработка дерева, кости и т. д.

Перемены в хозяйственной деятельности населения сопровождались изменениями в общественном строе. На смену древней родовой организации приходит патриархально-общинный, или большесемейный, уклад. Смена форм хозяйства и неспокойная обстановка, вызванная участившимися военными столкновениями, повлекли за собой изменения в типах и расположении поселений. Вместо прежних открытых стоянок у воды появляются укрепленные поселения — городища, размещавшиеся на высоких, труднодоступных берегах рек (Сатинское, Петровское и др.) или на холмах среди заболоченной поймы (Щепиловское). Естественная неприступность городищ дополнялась искусственными укреплениями в виде земляных валов (иногда с частоколом по гребню), рвов и деревянных оград.

В I тыс. до н. э. среднюю полосу Восточной Европы, куда входит Тульская земля, заселяли балты. То, что в ранний железный век Верхнеокский бассейн (вклю-

чающий ныне Орловскую, Калужскую, Тульскую области) был занят балтами, подтверждается сходством культуры его населения с культурой балтов бассейна Десны и Верхнего Поднепровья, а также балтскими названиями рек. По заключению ученых-лингвистов (В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева) в бассейне Верхней Оки многие реки имеют балтские названия — Упа, Уперта и т. д.

Археологическое изучение поселений раннего железного века в Верхнеокском бассейне началось в конце XIX в. (под руководством Н. И. Булычева, В. А. Городцова и др.). Профессор П. Н. Третьяков, подводя итоги всех предыдущих работ на поселениях железного века, выделил древности Верхней Оки в особую культуру, назвав ее Верхнеокской. Систематическое обследование памятников эпохи железа на Верхней Оке ведется с 50-х годов XX в.: в Калужской и Орловской областях под руководством Т. Н. Никольской, в Тульской — С. А. Изюмовой.

Из древних городищ, расположенных на территории Тульской области, в настоящее время наиболее изучены два — Сатинское и Супрутское. Многолетние раскопки этих памятников, проводившиеся Тульской археологической экспедицией исторического факультета МГУ, дали разнообразные археологические материалы, позволяющие судить о характере хозяйства, культуре и быте населения не только названных городищ, но и всей Тульской земли в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.

На правом берегу р. Упы, на высоком мысу, в 1,7 км к северо-востоку от деревни Сатинки Киреевского района находилось Сатинское городище, занимавшее площадь около 3,5 тыс. м^2. Его ограничивали с одной стороны р. Упа, с другой — глубокий (до 30 м) овраг и с третьей — два больших земляных вала (высотой 1,5—1,8 м), чередующихся с двумя рвами (глубиной каждый 1,2 м).

В итоге раскопок, проводившихся в течение 3 лет, с 1961 по 1963 г., была вскрыта почти пятая часть площади городища. Культурный слой поселения, мощность которого местами доходила до 2 м, содержал остатки жилых и хозяйственных построек. Жилища были столбовой конструкции и располагались по краям мыса, внутри них находились открытые каменные очаги, служившие для обогрева и приготовления пищи. Получен-

ный при раскопках вещественный материал (многочисленные предметы из глины, кости, железа, бронзы и стекла) позволил определить время существования Сатинского городища в течение нескольких столетий — с VIII в. до н. э. и до начала I тыс. н. э. Обследованием установлено, что за это время неоднократно менялась система укреплений поселения.

На первом этапе существования городище было обнесено двумя рядами деревянных оград из вертикально поставленных столбов, которые позже, видимо, в связи с появившейся внешней опасностью, были заменены у основания мыса на более мощные земляные валы с тыном по верху, остатки которых сохранились до сих пор.

Основу хозяйства обитателей Сатинского городища составляли скотоводство и земледелие, сочетавшиеся с охотой, рыбной ловлей и изготовлением из дерева, кости, металла разнообразных предметов быта. Скотоводство по своему значению занимало первое место. Жители Сатинского городища разводили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот и свиней. Найденные в слое костные остатки животных свидетельствуют о большом значении лошадей в жизни населения, использовавшего их в качестве тягловой силы, при охране стад, для верховой езды и в пищу.

Земледелие, уступавшее первенство скотоводству, было подсечно-огневым. Выращивали ячмень и просо. При сборе урожая пользовались архаичными кремневыми серпами, для размола зерна применяли каменные зернотерки. Расчищая участок под посев, деревья срубали бронзовыми кельтами (вид топора), железных топоров еще не было. Охотились с помощью лука и костяных стрел на бобра, лося, медведя, куницу, зайца, в большом количестве водившихся в обширных лесах Тульской земли. Стрелы применяли разных форм и размеров, что указывает на дифференцированный характер охотничьего промысла — на пушного и на мясного зверя, на птицу. При раскопках городища найдено несколько просверленных клыков медведя, астрагалов бобра, служивших амулетами. Их носили в ожерелье или подвешивали к одежде. По убеждению древних охотников, амулеты обеспечивали удачную охоту. Рыболовство было одним из подсобных занятий. Протекавшая около городища река изобиловала рыбой, в ней водились лещ,

язь, осетр, щука. Рыбу ловили сетью, на железные крючки, с помощью костяных гарпунов.

Археологический материал наглядно показывает, что на Сатинском городище развивались разные домашние производства — железоделательное, бронзолитейное, косторезное и др.

Железо древние сатинцы получали из местных болотных и луговых руд. Руду сначала измельчали каменными молотами и обжигали на обычных очагах, удаляя примеси. Затем ее плавили сыродутным способом в особых горнах, снабженных воздуходувными трубками — соплами (найдены 2 сопла). Из полученного железа изготовляли путем ковки ножи, шилья, зубильца, пробойники, рыболовные крючки, пряжки, браслеты. Надо заметить, что количество железных изделий, найденных на Сатинском городище, значительно уступало числу бронзовых (бронзовых собрано 117, железных — 34). Подобное соотношение характерно для поселений раннего железного века.

Бронзолитейщики, в отличие от железоделателей, работали на «привозном» сырье, поскольку не только в Тульской земле, но и во всем Верхнеокском бассейне нет залежей медной руды. Из бронзы делали орудия труда, оружие, разнообразные украшения. Бронзовые предметы, различные по назначению и внешнему оформлению, как выяснилось при их детальном изучении (изготовлены из оловянистых бронз на медной основе), были литые и кованые, что свидетельствует о знакомстве сатинских мастеров с основными приемами обработки цветных металлов. В юго-западной части городища, на небольшом участке найдены остатки плавильного горна в виде развала из разбитых известняковых плит и кусков глиняной обмазки, бесформенные куски угля с золой, спекшиеся при явно высокой температуре, орудия древних литейщиков — глиняные многоканальные литейные формы, штамп для изготовления литейной формы для кельта, формы для отливки браслетов, гривен, бус, бляшек, тигли.

Открытие на Сатинском городище целого комплекса предметов, связанных с обработкой цветных металлов, позволяет считать это городище уникальным поселением раннего железного века не только Тульской земли, но и всего Верхнеокского бассейна. Сатинские литейщики пользовались тремя основными способами литья —

в жесткие формы (из камня), в пластичные (из глины) и по восковой модели с потерей формы.

Литье по восковой модели с потерей формы применялось обычно для изготовления изделий с тонким и сложным узором (рис. 1). Чтобы отлить такой предмет, сначала готовили его модель из воска и провощенных нитей и шнуров, по которой затем делали форму, для чего восковую модель заливали жидкой глиной, проникавшей во все, даже мельчайшие углубления. Потом форму, предварительно высушив, обжигали. В процессе обжига воск, из которого была сделана модель, вытапливался, а нитки и шнуры сгорали, образуя внутри пустоту, которую и заполнял жидкий металл. Чтобы извлечь изделие, форму разбивали. Литьем изготовлены бронзовые наконечники стрел, гривны, браслеты, бляхи, привески, ажурные навершия булавок. Некоторые литые предметы частично подвергались дополнительной обработке ковкой. Сатинские кузнецы, используя различные приемы ковки (свободная ковка, ковка в формах, расковка листа и чеканка) и определенный набор инструментов (зубильца, пробойники и др.), делали иглы, шилья, острия, спиральные браслеты, кольца, височные кольца, булавки, рыболовные крючки, чешуйки для панцирей.

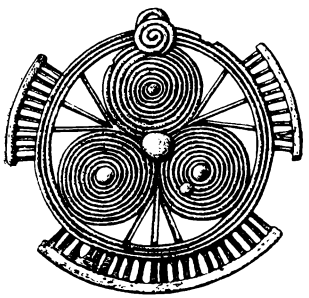


Рис. 1. Бронзовая бляха из Сатинского городища.

На Сатинском городище наряду с бронзовыми и железными обнаружено большое количество костяных предметов. Скотоводство и охота обеспечивали местных косторезов необходимым сырьем (трубчатые кости, рога лося, клыки медведя и кабана). Основным орудием при изготовлении костяных изделий был нож. Из кости и рога делали наконечники стрел, гарпуны шилья, острия, манки, рукоятки ножей и кинжалов, бляхи, пряжки, амулеты. Многие костяные изделия отличались тщательностью изготовления. Рукоятки кинжалов имели грибовидные навершия, а роговые детали уздечки были украшены искусно вырезанными головками животных. В целом найденные предметы свидетельствуют о высо-

ком мастерстве и художественном вкусе сатинских резчиков.

Чаще всего из земли извлекались обломки глиняной посуды, которую в каждом доме лепили по мере надобности женщины. Многие сосуды имели форму горшка с заглаженной поверхностью, украшены по венчику пальцевыми защипами, насечками, вдавлениями концом палочки, а по шейке и плечикам орнаментом, нанесенным щепочкой или палочкой. Иногда на этой посуде встречаются «жемчужный» орнамент (ряды круглых выпуклостей с внешней стороны и вдавлений с внутренней), налепные валики с защипами, сквозные проколы. Среди гладкостенных сосудов имеются экземпляры с чернолощеной поверхностью. Численно незначительную группу составляют горшки со своеобразной «сетчатой» поверхностью. Сатинская керамика и по формам, и по орнаментации похожа на керамику, найденную при раскопках поселений в Курской области. В то же время попадаются сосуды с признаками, характерными для скифской лесостепной керамики («жемчужный» орнамент, сквозные проколы, налепные валики с защипами, черное лощение). Кроме посуды из глины делали подставки для очагов («рогатые» кирпичи), метательные ядра, грузики и грузила для рыболовных сетей, пряслица для веретен, бусы, а также большой набор предметов производственного назначения — сопла, тигли, литейные формы, штампы и др.

Обитатели городища, особенно женщины, носили разнообразные украшения: бронзовые серьги скифского типа, гривны, браслеты и кольца (гладкие и многовитковые со спиральными завитками на концах), булавки со спиральными головками и ажурными навершиями, бляхи (см. рис. 1), ожерелья из стеклянных и глиняных бус, раковин каури, костяных и бронзовых привесок.

Бронзовые наконечники стрел, серьги скифского типа, булавки с гвоздевидными навершиями с Сатинского городища абсолютно тождественны изделиям со скифских памятников Среднего Приднепровья. Независимо от того были перечисленные предметы изготовлены на месте по привозным образцам или завезены на городище, их сходство со скифскими служит прямым доказательством существования культурных связей жителей Сатинского городища с населением Среднего Приднепровья. На эти

же контакты указывает сходство костяных деталей уздечек и керамика.

Среди находок на городище имеются предметы и явно не местного изготовления (стеклянные бусы, раковины каури), наглядно подтверждающие наличие товарообмена между сатинцами и жителями юга и восточных стран (очевидно, на пушнину тульских лесов).

Как говорилось выше, население оставило Сатинское городище к началу I тыс. н. э. Это переселение, видимо, было обусловлено истощением обрабатываемых участков при господствующей подсечной системе земледелия.

В первые века новой эры поселений на Тульской земле стало значительно больше, увеличились они и по площади, что свидетельствует о возросшей численности населения. Развитие земледелия и увеличение его удельного веса в сельском хозяйстве привели к тому, что теперь поселения располагались уже не только на высоких мысах, но и по пологим берегам и в поймах рек. Из поселений Тульской земли I тыс. н. э. ныне известны Супрутское, Павловское, Торховское, Щепиловское городища, Ивановское, Крутицкое, Бутырское селища. Из них наиболее изучено Супрутское городище.

Супрутское городище находится на правом берегу р. Упы, в 0,8 км к юго-западу от с. Супруты Щекинского района на высоком мысу с крутыми склонами, носящем название «Маряхин бугор». С верхней площадки мыса хорошо просматриваются окрестные дали — леса и пойменные луга. Еще в начале нашего столетия «Маряхин бугор» был у жителей села излюбленным местом для вождения весенних хороводов. В то же время он считался таинственным местом, на котором выпахивали из земли разные старинные вещи — украшения, железные наконечники стрел, серебряные монеты и др., не догадываясь, что здесь когда-то находилось древнее поселение.

Городище, занимающее площадь около 5400 м^2, с трех сторон ограждают два глубоких оврага и река. Четвертая сторона (у основания мыса) была укреплена огромным земляным валом (сохранился на высоту 6 м, ширина его около 22 м) и широким рвом (ширина около 20 м).

Первый осмотр Супрутского городища провели во второй половине 30-х годов текущего столетия тульские

краеведы М. А. Дружинин и Г. А. Доррер. Систематические раскопки городища начались в 1955 г. и продолжались с перерывами до 1978 г. Тульской археологической экспедицией исторического факультета МГУ. В итоге многолетних работ вскрыто около 2200 м² — более половины площади городища, обнаружены остатки жилых, хозяйственных и производственных сооружений и большое число разнообразных предметов, которые датируют городище I тыс. н. э. и, кроме того, позволяют проследить происходившую тогда в бассейне Упы смену населения. При раскопках городища были выявлены остатки двух разновременных поселений — балтского, находившегося в нижнем горизонте культурного слоя, и вятичского — в верхнем горизонте.

Балтское поселение, судя по археологическим находкам, возникло в первых веках н. э. и просуществовало до появления на городище вятичей. В начале оно было защищено деревянной оградой из вертикально поставленных столбов, возведенной у основания мыса, позже, когда обстановка изменилась и оборонительные сооружения пришлось усиливать, ограду заменили мощным земляным валом и широким рвом. По гребню вала построили деревянный тын, а по краям мыса поставили деревянную стену с земляной засыпкой.

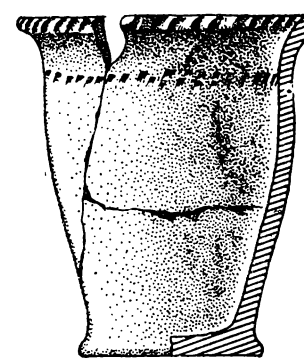


Рис. 2. Глиняный сосуд из нижнего горизонта культурного слоя Супрутского городища.

Балты жили в домах столбовой конструкции, обогреваемых открытыми каменными очагами.

Археологические материалы, полученные из нижнего горизонта культурного слоя, позволяют выделить в существовании балтского поселения два этапа. Для более раннего, первые века н. э., характерна лепная посуда с примесью известняка в глине. Сосуды с невысоким отогнутым наружу венчиком были украшены в верхней части узором из защипов и вдавлений (рис. 2). Из железа здесь найдены плоские двушипные наконечники

стрел, небольшие серпы и ножи с горбатой спинкой. На втором этапе существования балтского поселения (вторая четверть и середина I тыс. н. э.) в керамическом материале Супрутского городища наряду с посудой с шероховатой поверхностью, из-за присутствия в глиняном тесте крупной примеси, появляются изделия с примесью песка и с лощеной поверхностью (горшки, миски, кружки, сковородки, пряслица). В этот период на приупских поселениях значительно увеличилось по сравнению с предыдущим количество орудий, используемых в сельском хозяйстве, они стали разнообразнее: появились более совершенные серпы, железные кельты, свидетельствующие о дальнейшем развитии земледелия и возросшем его значении в хозяйстве населения этого региона. На обрабатываемых участках выращивали ячмень, просо, горох. Расположенные поблизости от них заливные луга были удобны для выпаса скота.

Развитие земледельческо-скотоводческого хозяйства способствовало увеличению численности населения Супрутского городища, что привело к возникновению около него неукрепленного поселения — селища. Селища возникали тогда и около других городищ (Торховское, Петровское, Павловское), являвшихся убежищами.

На ряде городищ Тульской земли середины I тыс. н. э. (Щепилово, Супруты и др.) обнаружены остатки железоделательного производства — сопла (Щепилово), обильные железные шлаки и разнообразные готовые железные изделия. Местные кузнецы ковали земледельческие орудия, предметы конского убора (удила, пряжки, кольца), оружие (наконечники стрел), бытовые предметы (ножи, кресала ранних форм и др.). В этот период местное население Приупья уже имело широкие внешние связи, наличие которых засвидетельствовано найденными при раскопках привозными изделиями (железные римские фибулы, прибалтийские бронзовые изделия с эмалью, среднеднепровские костяные гребни, причерноморские стеклянные изделия — бусы и часть сосудика). Как попадали сюда эти предметы, путем ли непосредственных контактов или через посредников, пока сказать трудно.

В верхнем горизонте культурного слоя Супрутского городища находились остатки более позднего поселения, принадлежавшего вятичам. Оно, по археологическим данным, существовало в VIII—X вв. н. э.

Русский летописец XII в., повествуя о расселении славянских племен, сообщает о появлениии вятичей в бассейне Оки («Вятько седе с родом своим по Оце, от него же прозвашася вятичи»), не приводя никаких подробностей их расселения. Ограниченность сведений письменных источников придает особую ценность археологическим материалам Супрутского городища, представляющим единственный источник по истории ранних вятичей. Раскопками установлено, что появление на городище вятичей сопровождалось разрушениями и опустошительными пожарами, уничтожившими балтские деревянные постройки и стоявший на гребне вала частокол. Остатки пожарища в виде мощных прокаленных докрасна слоев глины и песка, скоплений обугленного дерева и золы выявлены по краям мыса и в насыпи вала. Вятичи, поселившись на городище, усилили существовавшие там укрепления, значительно увеличив размеры вала и расширив ров. В верхних вятичских слоях Супрутского городища открыты остатки жилых, хозяйственных и производственных построек, многочисленные и разнообразные изделия из металла, кости, глины, стекла и камня. Эти археологические материалы позволяют охарактеризовать хозяйственную деятельность, культуру и быт древнего вятичского населения Супрутского городища и всей Тульской земли в последней четверти I тыс. н. э.

Вятичи жили малыми семьями в домах столбовой конструкции площадью от 12 до 18 м^2 с открытым каменным очагом. Около жилищ находились хозяйственные ямы и постройки, где обнаружены обильные скопления обломков лепной посуды (найдены и целые сосуды) самого разного назначения — кухонная (горшки, сковороды), столовая (миски, чашечки) и хозяйственная (крупные корчаги). Встречались и гончарные сосуды, но они численно незначительны. Гончарная посуда, к производству которой вятичи приступили не ранее первой четверти X в., по форме близка лепной, но сделана из лучше приготовленной глины и украшена линейно-волнистым узором. Часть ее обожжена в специальном горне. На Супрутском городище выявлены остатки глинобитного обжигательного горна. Он был округлым в плане (1,1×0,85 м) и состоял из двух отделений — обжигательного, куда ставили сосуды, и топочного. Появление на городище гончарной посуды, обож-

женной в специальном горне, позволяет считать, что гончарство на Супрутском городище в первой половине I тыс. н. э. из домашнего производства начало превращаться в ремесленное.

Кроме посуды вятичи делали из глины пряслица для веретен, грузики и грузила для рыболовных сетей, тигли, льячки, игрушки.

Из вятичских находок особого внимания заслуживают сельскохозяйственные орудия, связанные с обработкой земли, уборкой урожая, размолом зерна. Набор сельскохозяйственных орудий Супрутского городища свидетельствует о значительных технических достижениях в земледелии, ставшем у вятичей в последней четверти I тыс. н. э. ведущей отраслью хозяйства. Земледелие в этот период было уже пашенное. При пахоте пользовались симметричными сошниками (рис. 3) с чересламн — плужными ножами. Основной тягловой силой была, несомненно, лошадь. Однако пашенное земледелие не могло вытеснить подсечное. Они сосуществовали еще в течение длительного времени, поскольку в условиях лесной местности, где расположено городище, каждый новый земельный участок перед вспашкой приходилось освобождать от леса. При этих работах употребляли топоры. Одновременно с распространением пахотных орудий усовершенствовался и другой сельскохозяйственный инвентарь: вместо прежних кельтов появились железные топоры, использовавшиеся при уборке урожая серпы ничем уже не отличались от подобных орудий XIX — начала XX в. При размоле зерна вместо зернотерок применяли каменные жернова (из песчаника и известняка). Вятичи на своих земельных участках, как и их предшественники балты, выращивали просо, ячмень, горох.

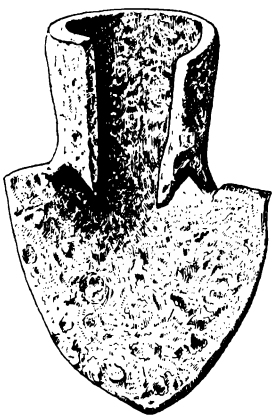


Рис. 3. Железный сошник из верхнего горизонта культурного слоя Супрутского городища

Наряду с земледелием развивалось скотоводство. Разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей и

свиней. Присутствие среди находок значительного числа предметов упряжи и конского убора — удил, уздечных и подпружных пряжек и бляшек, стремян — указывает на большое значение лошади в жизни обитателей городища. Судя по найденным при раскопках костным остаткам, заметную роль в хозяйстве вятичей играли охота и рыболовство. Охотились в ближайших лесах на мясного и пушного зверя (лось, кабан, бобр, лиса, волк и др.).

Наличие в культурном слое железных шлаков и криц наряду с обилием железных предметов различного назначения — прямое доказательство существования у вятичей железоплавильного и кузнечного производств, уже выделившихся в самостоятельные отрасли ремесла. Супрутские кузнецы ковали из железа кроме сельскохозяйственного инвентаря орудия для обработки дерева и кости: долота, резцы, стамески, напильники, сверла; орудия охоты и рыболовства — наконечники стрел, рыболовные крючки, пешни, остроги; оружие — наконечники копий и дротиков, разнообразные по форме и размерам наконечники стрел; предметы конского снаряжения. На городище развивалось и бронзолитейное производство, представленное глиняными тиглями и льячками, каменными литейными формочками, бронзовыми брусочками-заготовками, обрывками и обрезками медной проволоки и большим количеством разных предметов, преимущественно женских украшений. Местные ювелиры, работавшие на привозном сырье, употребляли в основном бронзу, реже серебро.

Вятички носили богатый набор украшений из металла, стекла, кости, изготовленных местными мастерами или привезенных из далеких стран. На узком ремешке около ушей подвешивались височные кольца из бронзы или серебра. На шее носили ожерелье из стеклянных или каменных бус, раковин каури или гривны (металлические обручи с застежкой). Запястья рук украшали браслетами (рис. 4).

Обособление некоторых отраслей ремесленного производства (железоплавильного, кузнечного, ювелирного, гончарного) способствовало появлению на городище внутреннего обмена, носившего натуральный характер. Одновременно развивался и внешний обмен, что подтверждается наличием среди находок привозных предметов. В их число входят поступавшие с Востока стек-

лянные и каменные бусы, дирхемы, раковины каури; изделия юго-восточных соседей — поясные наборы, серьги, бубенчики, глиняные сосуды; предметы из северо-западных стран — бронзовые позолоченные удила, нагрудные пряжки, серебряные крученые гривны, ладьевидные браслеты и костяные односторонние гребни, прибалтийские янтарные бусы. Не местными были также весы и гирьки. Если судить по количеству привозных предметов, внешние связи вятичей были весьма оживленными. Очевидно, вятичское население Супрут-

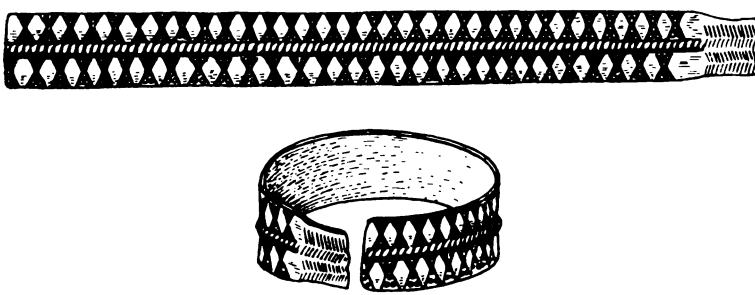


Рис. 4. Бронзовый браслет верхнего горизонта культурного слоя Супрутского городища.

ского городища принимало участие в транзитной торговле между северо-западными странами и Востоком, осуществлявшейся по Балтийско-Волжскому пути.

Супрутское городище прекратило свое существование во второй половине X в. н. э.

В верхнем горизонте культурного слоя сохранились следы ужасной трагедии, постигшей городище в последние дни его существования и сопровождавшейся сильным пожаром. В огне сгорели деревянные постройки, погибли люди и животные. В слое пожарища обнаружены остатки 104 человеческих скелетов. Это событие, судя по археологическим материалам, произошло во второй половине X в. в. э. и его, по-видимому, следует связывать с походами киевского князя Святослава на вятичей, о которых сообщил русский летописец под 964 годом. Возможно, что перед этими событиями жители городища и спрятали свои ценности, найденные впоследствии в составе нескольких кладов.

На Тульской земле кроме поселений сохранились группы курганов, представляющих остатки языческих

кладбищ древних вятичей. Курганы, исследованные близ селений Западной, Доброе Суворовского района и Тризново Щекинского района, в основном относятся к концу I тыс. н. э. Все они располагались на сухих высоких местах. Под земляной насыпью полусферической формы диаметром от 6 до 15 м и высотой от 0,3 до 3,8 м находились остатки одного или нескольких разновременных трупосожжений, произведенных на стороне. В ряде курганов имелась погребальная камера в виде четырехугольного деревянного ящика, в других — ее не было. Остатки сожжений и погребального инвентаря, сложенные в глиняный сосуд — урну или без нее, помещали в погребальную камеру или оставляли на подготовленной заранее площадке с кольцевым ровиком.

В «Повести временных лет» сохранилось красочное описание вятичского погребального обряда: «И аще кто умряше, творяху тризну над ним, и посемь творяху краду велику, и възложахуть й на краду, мертвеца сожьжаху, и посемь собравше кости, вложаху в судину малу, и поставляху на столпе на путех, еже творять Вятичи и ныне...»

Итак, археологические материалы, собранные на территории Тульской области, из-за крайней скудости письменных сведений почти единственный источник по древней истории этого края.

За период с неолита и до конца I тыс. н. э., т. е. до образования Русского государства, произошли значительные изменения в жизни населения Тульской земли. Каменные орудия были вытеснены металлическими, которые постепенно усовершенствовались. Технические успехи в изготовлении орудий обусловили изменения в хозяйственной деятельности населения и в социальном устройстве. Охота и рыболовство отступили на задний план, ведущими отраслями хозяйства стали скотоводство и пашенное земледелие. Некоторые домашние производства (металлообрабатывающее, кузнечное, гончарное) приобретают ремесленный характер. Появляется внутренний товарообмен, развивается внешняя торговля. Археологические материалы позволяют проследить также изменения в этническом составе населения Тульской земли и указывают на высокий уровень материальной культуры древних вятичей уже в IX—X вв.

Д. А. Авдусин

КЛЮЧ-ГОРОД

Ныне Смоленск не входит в число самых именитых русских городов, список которых возглавляет Москва, и вряд ли кто следом за ней назовет Смоленск. Но в древности его называли сразу же за Киевом и Новгородом — крупнейшими тогда городами Руси. История Смоленска полна драматических событий. Занимаемое им положение — ключевое и в древности, и в средние века, и теперь. Много раз он жертвовал собой ради спасения Москвы и России, и их судьба в значительной мере решалась у ворот Смоленска. Его называли Ключом государства Московского, а его крепость — Ожерельем государства Российского. Она и ныне прекрасна, хотя время и враги нанесли ей тяжелые раны.

Смоленск был велик и славен еще тогда, когда о Москве и не слышали. Наш рассказ и начинается с той эпохи.

Автор летописи «Повесть временных лет» в ее вводной части, еще не помеченной датами, как дальнейшие записи, пишет о трех братьях — Кие, Щеке и Хориве, которые будто бы построили город и назвали его именем старшего из братьев — Киевом. Был тогда кругом «лес и бор велик, и ловили там зверей. И были те мужи мудры и смыслены». И продолжает: «И по смерти братьев этих потомство их стало держать княжение у полян, а у древлян свое, а другое на Полоте, где полочане. От этих последних произошли кривичи, сидящие в верховьях Волги, и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра, их же город — Смоленск. Именно там сидят кривичи».

Так впервые в летописи упомянут Смоленск—город, стоящий в земле на верховьях трех великих рек.

При чтении этого летописного отрывка возникает много вопросов, в том числе кто такие поляне, древляне, полочане, кривичи? В ответах выявились разногласия между историками. То, что поляне, древляне, равно как и многие другие, упомянутые в иных местах летописи,— древние названия союзов славянских племен, сейчас споров не вызывает. Но в ответе на вопрос, кто такие кривичи, исследователи не единодушны. Поскольку летописец назвал Смоленск городом кривичей, попробуем разобраться в этой проблеме.

Смоленск и кривичи

По мнению ряда историков, разделение восточных славян на племена произошло в ходе их расселения. Первоначальными восточными славянами были корчакские, как мы их теперь называем, племена, появившиеся в VI в. в междуречье Западного Буга и Днепра. Отсюда они начали движение вверх по Днепру. Это произошло не ранее IX в. Летописцу, жившему в XII в., а через него и всем русским историкам основная территория кривичей, казалось, была хорошо известна. Долгое время никто не сомневался и в том, что кривичи такое же славянское племя (вернее, союз племен), как и другие русские племена, о которых летописец сообщал, что они говорят по-славянски. Но с развитием археологии встал вопрос об археологических памятниках кривичей. И тут-то возникло множество вопросов, на которые даются взаимоисключающие ответы.

Археологическими памятниками кривичей единодушно считают так называемые длинные курганы, известные в науке уже 150 лет. Свое название они получили по форме насыпи, длина которой в два раза, а иногда и более, превышает ее ширину. Их вытянутая форма объясняется тем, что к кургану, в котором захоронены остатки одного трупосожжения, причем произведенного не на месте возведения насыпи, а где-то рядом (как говорят археологи, на стороне), присыпали другую насыпь над урной, содержащей останки другого покойника, потом третьего, иногда даже четвертого, пятого и очень редко шестого. Поэтому-то курган терял округлость,

вытягивался. Курганы, содержащие 3—4 погребения, имеют длину до 30 м при высоте насыпи до 1,5—2 м.

Считают, что такой обряд погребения обусловлен еще крепким родовым строем, при котором члены родового коллектива тесно связаны родственными и хозяйственными узами не только при жизни, но и, по тогдашним представлениям, в загробном мире. Сплоченность рода отражалась в погребении его членов под одной насыпью. С разложением родового строя исчезают и коллективные могилы, одной из разновидностей которых были длинные курганы. Аналогичны им, по своей сути, огромные насыпи Поволховья, называемые сопками, но росли они не в длину, а в высоту.

Специфичны и те немногочисленные вещи, которые находят в длинных курганах. Чаще всего это железные ножи, шилья да веретенные грузики — пряслица. Иногда встречаются железные пряжки и бляшки — крепления или украшения сбруи, пояса, женские головные украшения и их отдельные элементы: обломки височных колец и гривен, бронзовые пронизки, трубочки и бляшки. Более или менее часто находят глиняные горшки и их черепки.

Наиболее древние длинные курганы появились в VI в. у Чудского озера и по р. Великой. Именно в Псковской земле они раскапывались впервые. Людей, погребенных в таких курганах, первые исследователи считали славянами. Позднее выяснилось, что длинные курганы имеются также в верховьях Двины и Днепра. На основании находок вещей, украшенных специфической эмалью, В. И. Сизов, один из крупнейших археологов конца прошлого века, также считал их славянскими памятниками и датировал VII—VIII вв. Но младший его современник, известный исследователь русских древностей А. А. Спицын, свою статью об этих древностях назвал «Предполагаемые литовские курганы VIII—IX вв.». Его вывод о племенной принадлежности погребенных опирался на анализ найденных вещей. Однако, как видно из заглавия работы, ученый не был уверен в своем суждении и впоследствии неоднократно возвращался к вопросу об этносе погребенных в длинных курганах (последовательно относя их к славянам, затем финнам, кривичам и, наконец, вновь возвращаясь к своей первоначальной гипотезе об их литовской принадлежности).

В наши дни в этом вопросе по-прежнему нет единства, хотя гипотеза о том, что в длинных курганах будто бы погребены славяне, видоизменилась и получила теоретический базис. Дело в том, что многие вещи, находимые в длинных курганах, несомненно, принадлежали восточнобалтийским племенам, родственным (но не идентичным!) современным латышам и литовцам. Таковы, например, головные венчики, шейные гривны, височные кольца (женские украшения, как уже давно установили археологи, — великолепный указатель этнической принадлежности погребенного). Керамика в этих погребениях несколько похожа на славянскую. По мнению некоторых исследователей, ряд особенностей погребального ритуала роднит длинные курганы с более поздними славянскими. Указывают также, что длинные курганы чаще всего встречаются в одних и тех же группах с круглыми, что якобы говорит о преемственности и непрерывности развития от длинных насыпей к круглым.

Эта двойственность длинных курганов и породила различные современные их толкования. Одни исследователи считают, что это памятники племен, в основе своей славянских, которые передвинулись с земель западных славян через территорию прибалтийско-финских племен в современные Псковскую, Полоцкую и Смоленскую земли, в те времена занятые, несомненно, балтским или отчасти финским населением. По мнению этой группы исследователей, длинные курганы являются славянскими памятниками, хотя и имеют несомненный балтский элемент, иной раз довольно значительный.

Сторонники второй гипотезы считают, что длинные курганы оставлены не славянами, а восточными балтами, которые в последней фазе развития испытали сильнейшее влияние славян и были ими ассимилированы.

Эту проблему нельзя считать решенной до конца, но аргументация сторонников балтской принадлежности погребенных в длинных курганах выглядит более сильной и стройной. Если же принять гипотезу о славянском происхождении племен, оставивших длинные курганы, то из нее следует, что славяне в Верхнее Поднепровье пришли с севера — путь, ничем не подтверждающийся.

Область распространения длинных курганов в основном совпадает с обрисованным летописцем ареалом

кривичей. Поскольку других совпадений нет, исследователи заключили, что в длинных курганах погребены предки кривичей, тех самых, которых летописец назвал «сидящими на верх Днепра, верх Волги и чей град был Смоленск».

Так что же, Смоленск — балтский город? Ведь из сказанного следует, что кривичи имели балтское происхождение. Добавим, что некоторые историки считают само название «кривичи» происходящим от имени легендарного родоначальника или даже балтского бога Креве.

Часто отмечают отсутствие кривичей в летописном списке славянских племен, якобы пришедших с Дуная. Нет их и в перечне племен, чей язык «словеньск есть». Правда, в этот последний перечень не попали и некоторые другие славянские племена, а кривичей нет и в списке племен, говорящих «на своих языках». Наконец, замечание летописца, что кривичи живут «именно здесь», т. е. в верховье трех рек, может быть истолковано как свидетельство каких-то сомнений у летописца или в его окружении о происхождении и размещении этого племени.

Вспомним, что в IX в. со Среднего Днепра на север хлынула мощная волна славянских племен, приведшая к быстрому ославяниванию местного населения, и в первую очередь балтов. Родовой строй славян был уже на исходе своего существования. Продвижение их на Верхний Днепр способствовало разложению родового строя и ускорению процесса классообразования у местных племен, слившихся со временем со славянами. Уже на грани X и XI вв. в верховьях Днепра мы застаем однообразное население, оставившее круглые могильные курганы, раскопки которых выявили славянский обряд захоронения, здесь были обнаружены браслетообразные височные кольца, славянские сосуды. В этих насыпях погребены, безусловно, славяне, на которых перешло местное название — «кривичи». Эти кривичи последний раз упомянуты в летописи под 1127 годом. Тогда, в XII в., летописец еще кое-что знал о них, но уже плохо представлял себе их историю.

Мы думаем, что Смоленск был основан славянами в ходе их продвижения на север, а кривичским городом называет его летописец, живший много лет позже его возникновения и не имевший надежных источников для

изучения сложных этнических процессов, происходивших к тому же на удаленной от него земле. В его время кривичи уже были славянами, и он не решился даже написать, как это сделал для некоторых других городов, кто были первые «насельники» Смоленска (сравните: «Первые насельники в Новгороде словене, в Полоцке кривичи, в Ростове меря, в Белоозере весь, в Муроме мурома» и т. д.).

Смоленская земля для летописца долго оставалась «темным» местом, он неясно представлял себе даже современные ему события на Верхнем Днепре. И тому были причины, о которых скажем ниже. Тем не менее каждое слово летописи о Смоленске для нас драгоценно: ведь других источников у нас почти нет.

Первые сведения о Смоленске

История варягов на Руси — особая тема, но чтобы не потерять нить событий, нам придется начать с летописной записи об изгнании варягов, которые ранее взимали дань «с чуди, и со славян, и с мери, и с всех кривичей, а хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей».

Запись, помеченная 862 годом, суммирует события ряда лет: «Изгнали варяг за море и не дали им дани, и начали сами собой владеть. И не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица и стали воевать сами с собой». Эта запись, вероятно, отражает реальные события, которые можно сопоставить с приходом расселявшихся славян в Приладожье и прибалтийские земли, т. е. в области, в какой-то мере подчиненные варягам. Что именно там произошло, можно только догадываться. Вероятно, пришедшие славяне сначала потеснили варягов, взимавших дань с живших на этой территории племен. Возможно, право взимания дани и было причиной усобиц, но это всего лишь предположение. Чтобы покончить с таким беспорядком, как сообщает все та же запись 862 г., призвали варягов «княжить и владеть нами». Пришли три брата с родами своими, поделили между собой Новгород, Изборск и Белоозеро. Через два года умерли двое из них — Синеус и Трувор; властью овладел один Рюрик и стал раздавать мужам своим города.

В этом рассказе много неясностей и противоречий, которые заставляют считать его более поздней вставкой в летопись, но вставкой, имеющей какую-то реальную основу. Как думают исследователи, эта вставка была сделана новгородцем (сопоставьте: в ней нет и речи о более южных городах), чтобы обосновать законность свободы решений новгородского веча в выборе князя и его изгнании. В дальнейшем варяжская династия князей, опираясь на подвластных ей варягов, славян и финнов, распространила свою власть и на Приднепровье.

Чуть ниже, но в той же летописной статье 862 г. летописец пишет: «И были у него (т. е. у Рюрика. — *Д. А.*) два мужа, не родственники его, ни бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе городок». Этим первым городком, который увидели на Днепре Аскольд и Дир, по «Повести временных лет» был Киев. Но в другой летописи, правда, составленной позже, — в Устюжском летописном своде — под 863 годом написано: «Аскольд и Дир испросились у Рюрика ко Царьграду идти с родом своим, и пошли из Новгорода на Днепр реку и по Днепру мимо Смоленска, и не подошли к Смоленску, потому что город большой и многолюдный, и приплыли под горы киевские, и увидели на горе маленький город». Здесь запись о походе Аскольда и Дира существенно для нас дополнена отсутствующим в других источниках упоминанием о Смоленске.

Несколько позднее о Смоленске говорится в Первой Новгородской летописи: «И бысть у него воевода именем Олег, муж мудрый и храбрый. Начал он воевать и пришел на Днепр реку и к городу Смоленску. И оттуда пошел вниз по Днепру и пришел к горам киевским». Это сообщение, по мнению ряда исследователей, восходит к более ранним источникам, а поэтому особенно важно. В нем Олег назван воеводой, а не князем, здесь нет ни слова о составе войска Олега, нет подробностей взятия Смоленска. Ничего не сказано и о судьбе Смоленска после его взятия.

«Повесть временных лет» описывает поход Олега иначе: «Пошел Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, славян, мерю, всех кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и по-

садил в нем своих мужей. Оттуда направился вниз и взял Любеч, и также посадил своих мужей». Таким образом, «Повесть» подчеркивает, что в войске Олега были «все кривичи», т. е., как мы понимаем, представители всех племен, входивших в кривичский племенной союз. Это сообщение указывает, что Смоленск был городом кривичей, а раз это так, то смоляне, как, видимо, думал летописец, должны были добровольно подчиниться войску, где видную роль играли соплеменники.

Устюжский летописный свод относит поход Олега не к 882, а к 883 г. и дополняет его живописными подробностями: «Услышав, что Аскольд и Дир княжат в полянах, пошел [Олег] воевать, вышел на Днепр реку и пришел под Смоленск, и стал выше города и поставил разноцветные шатры. Увидели это смоляне, вышли их старейшины к шатрам и спросили одного человека: «Кто это пришел, царь ли или князь в великой славе?» И вышел из шатра Олег с Игорем на руках, и сказал смолянам: «Это Игорь Рюрикович, князь русский». И нарекли его смоляне государем, и подчинился весь город Игорю. И посадил в нем своих наместников, а сам пошел по Днепру вниз, и пришел к горам киевским».

Из этого сообщения можно сделать ряд важных выводов. Во-первых, городом правил не князь, а старейшины: именно они, а не князь, вышли к Олегу на переговоры. Значит, Смоленск управлялся вечем. О существовании веча в Смоленске есть прямое указание Лаврентьевской летописи (1176): «Новгородцы издревле и смоляне и киевляне и полочане и вся власти как на совет на веча сходятся, что старейшины решат, на том и пригороды станут». Во-вторых, Олег, по источнику, стал выше города — значит, летописец знал, что речная дорога на Днепр в его, летописца, время выходила выше Смоленска. Особенно повезло указанию на то, что Олег оставил в Смоленске своих «мужей». Это место и сейчас истолковывают часто как указание на присоединение Смоленска к Киевскому государству. В действительности, описания похода Олега в Смоленск указывают на реальное существование этого города и не последнюю его роль в русской истории в конце IX в.

Исследователь истории Смоленской земли П. В. Голубовский отрицал эту роль, мотивируя свое мнение тем, что Смоленск не упомянут в договоре Олега с греками в числе городов, на которые шла греческая дань: «Да-

вать дань на русские города: первое на Киев, так же на Чернигов, на Переяславль, на Полоцк, на Ростов, на Любеч и на прочие города; ибо по тем городам сидят великие князья под Олегом суще». Это свидетельство нам также крайне интересно: во-первых, некоторые русские города, в числе которых мог быть и Смоленск, не включены в договор просто потому, что они не были «под Олегом». Во-вторых, если бы в Смоленске сохранилась власть «мужей», оставленных Олегом, то город, будучи многолюдным и большим, был бы упомянут в этом списке, как и Любеч. Значит, «наместники» Олега давно потеряли власть в Смоленске, издревле привыкшем к вечевому правлению.

Забегая вперед, отметим, что византийский историк Константин Багрянородный в середине X в. называет кривичей данниками киевских правителей: «Однодеревки (лодки*), приходящие в Константинополь из внешней Руси, идут из Невогарды (Новгорода*), в которой сидел Святослав, сын русского князя Игоря, а также из крепости Мелиниски (Смоленска*), из Телюцы (Любеча*), Чернигови и из Вышеграда. Все они спускаются по реке Днепру и собираются в Киевской крепости, называемой Самвата. Данники их славяне, называемые криветеинами (кривичами*) и лензанинами (лучанами?*) и прочие славяне рубят однодеревки в своих горах в зимнюю пору и, обделав их, с открытием времени (плавания*), когда лед растает, вводят в ближнее озеро. Затем, так как они (озера*) впадают в реку Днепр, то оттуда они и сами входят в ту же реку, приходят в Киев, вытаскивают лодки на берег для оснастки и продают русам».

Здесь непонятно, почему данники продают лодки, когда они должны были бы отдавать их русам безвозмездно: ведь это — дань.

Нет сомнения, что власть киевского князя над Смоленском была эпизодической. Город, видимо, сохранял определенную самостоятельность по отношению к центральной власти, в чем кроется причина того, что с 882 г. Смоленск не упоминается в летописи на протяжении 133 лет.

---

* Прим. авт.

Смоленск и Гнёздово

В 12 км к западу от Смоленска, тоже на Днепре, расположилась деревня Гнёздово, давшая свое имя и железнодорожной станции, и возникшему около этой станции поселку. Одноименные «детища» заслонили собой деревню, о которой теперь даже из жителей Смоленска мало кто знает, но известна она среди археологов не только нашей страны, но и многих других стран.

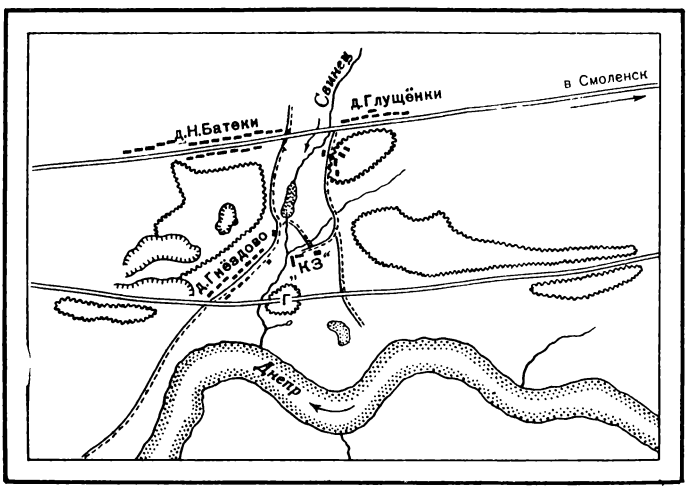


Рис. 1. Схема Гнёздовского археологического комплекса.

Можно без преувеличения сказать, что в настоящее время изучение истории не только раннего Смоленска и Смоленской земли, но и истории Древнерусского государства невозможно без привлечения материалов, которые дало и дает Гнёздово.

Гнёздово лежит на обогреваемой солнцем южной террасе правого берега Днепра в том месте, где в него впадает ручей Свинец. Легкие песчаные почвы, обширные заливные луга способствовали раннему появлению здесь земледельческого населения. Судя по немногочисленным находкам грубой лепной керамики, где-то неподалеку люди жили еще в раннем железном веке, т. е. в середине I тыс. до н. э. Около 900 г. здесь возникает

поселение славян, уже успевших вобрать в себя местные балтские племена. Оно разместилось на невысоком мысу, образованном краем днепровской террасы и прорезавшим ее руслом Свинца. Возникшие здесь несколько позже и сохранившиеся поныне ров и вал позволяют называть это место городищем — остатками укрепленного поселения. Площадь его невелика — около 1 га. Еще до того, как Гнёздово стало известно археологам, городище было прорезано железной дорогой, уничтожившей по крайней мере половину его территории. Склоны городища крутые, приспособленные к обороне, в валу и рву имеется перемычка, служащая входом на него. Среди найденных здесь черепков обломки лепной от руки посуды встречаются чаще, чем в других местах Гнёздова. Именно поэтому можно думать, что городище было местом наиболее раннего поселения (начала X в.), так как гончарный круг появляется на Смоленщине около 20—30-х годов X в.

Рис. 2. Древнерусский сосуд. Гнёздово.

По обоим берегам Свинца расположены остатки неукрепленного поселения большой площади — около 20 га. Оно было заселено преимущественно во второй половине X в.: керамика на его территории в основном круговая. Деревня Гнёздово тоже расположена на культурном слое этого селища. Культурный слой всех частей гнёздовского поселения в результате длительной, вероятно, многовековой распашки сильно перемешан, что затрудняет его изучение.

Рядом с поселением расположено огромное курганное кладбище, которое делится на 10 групп. Всего в Гнёздове сейчас насчитывают около 3000 курганов, из них 1339 расположены в так называемой Лесной группе. Некогда в Гнёздове было до 4000 насыпей.

Древние курганы обычно представляются огромными насыпями метров по 10 высотой, а то и больше.

Такие курганы действительно существуют, но не на Смоленщине. А у деревни Гнёздово большинство насыпей едва превышает 1 м в высоту при поперечнике 8—10 м. Расположены они вплотную друг к другу, каждая окружена ритуальным ровиком, видным и сейчас. Форма насыпи напоминает полусферу, но с пологими боками. Изредка среди этих курганов встречаются насыпи в 2—3 м высотой. Они крутые и величественные, но, взобравшись на них, посетитель этого древнего кладбища увидит большую круглую яму — след дореволюционных раскопок. Такие же ямы виднеются и на многих малых курганах. Сегодня этот способ раскопок считается устаревшим, и при исследовании курганов теперь сносят насыпь целиком.

Только 70—80 курганов из 1000 раскопанных имели под насыпью могильную яму, в которую и был положен несожженный покойник. Под всеми остальными насыпями были прослежены остатки погребального костра. Вместе с покойником в могилу были положены выполненные из бронзы, железа, кости и даже дерева вещи, которые, по тогдашним верованиям, должны были служить ему на том свете.

Предметов вооружения в курганах обнаружено немного, но именно они в первую очередь привлекают к себе внимание. Особенно эффектны мечи. Они принадлежат к типам, обычным для Европы того времени: длина с рукоятью около 1 м, иногда немного больше; лезвие обоюдоострое, широкое, конец немного закруглен (мечи предназначались для рубки, а не для укола); рукоять часто украшена инкрустацией из серебряных нитей. Носили это оружие на перевязи, на особых скобах, одна из которых, найденная в Гнёздове, украшена изображениями драконов. Известны и художественные наконечники ножен мечей. Всего в Гнёздове обнаружено 17 мечей.

Среди большого числа наконечников стрел можно выделить два основных типа. Абсолютно господствовали на Руси и преобладают в Гнёздове ромбовидные наконечники. Второй тип — ланцетовидные — был распространен в Скандинавии. В Гнёздове их много меньше. Наконечники копий в гнёздовских курганах редки. Их формы повторяют формы стрел: ромбовидные русские и ланцетовидные скандинавские. Один из гнёздовских наконечников копий огромен: его длина 52 см. Сделан он из высококачественной стали, образующей волнистый

узор на лезвии — дамаскирование. Наконечники этого типа изготовлялись в Скандинавии в IX и начале X в. Известен один наконечник маленького метательного копья-дротика.

Распространенным видом оружия были боевые топоры (в Гнёздове найдено более 20): небольшие и легкие, чтобы не утомлять воина на походе, они имели длинную, до 80 см, рукоять, увеличивающую радиус действия и силу удара. Вслед за мечом это был наиболее страшный вид оружия ближнего боя. Прикрытием воину от стрел, ударов меча и топора служил щит. Щиты были круглые, деревянные, в центре — сквозное отверстие, закрытое выпуклой железной бляхой — умбоном. С внутренней стороны умбона поперек отверстия укреплялась перекладина — ручка, за которую воин держал щит. Под удар меча стремились подставить умбон. В курганах от щитов сохранились именно умбоны. В Гнёздове это редкая находка.

Наиболее богатые воины были одеты в дорогой доспех — кольчугу, т. е. рубашку, сплетенную из железных колец, половина из которых была сварена, а другая — склепана крошечными заклепками. Всего же на кольчугу шло около 20 тыс. колечек. Естественно, что такой доспех был дорогим. Кольчуги находят редко. Чаще, но тоже редко, находят обрывки кольчужного плетения, которые могли остаться и от кольчуг, и от кольчужных завес на шлемах — бармиц. Из предметов вооружения реже всего встречаются археологам шлемы. В Гнёздове найдено только два. Древнерусские шлемы сфероконической формы, пришедшей на Русь с Востока; их верхняя суженная часть называлась шишом, отсюда и название шлема — шишак.

В гнёздовских курганах дважды были найдены конские уздечки, украшенные медными позолоченными бляшками с узором, в двух-трех могилах обнаружены удила и стремена.

Основой существования людей, оставивших Гнёздовские курганы, было земледелие, издревле укоренившееся в Смоленской земле. Это подтверждают найденный в одном из курганов железный серп и лежавшая прямо под дерном в другом кургане круглая каменная плита, вероятно, заготовка жернова. Ручные жернова — частая находка в городских и сельских поселениях того времени.

Найдено несколько ножниц. Кроме двух, все они древнего пружинного типа и похожи на современные «овечьи», которыми и сейчас стригут овец. Ножницы современного шарнирного типа (с «гвоздиком» посередине) найдены в том же кургане, где был серп. Эта находка подтвердила древность других таких же ножниц, обстоятельства обнаружения которых вызывали сомнение в их подлинности. Эти два экземпляра шарнирных

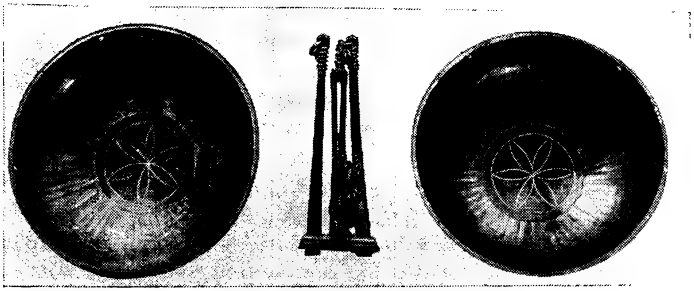


Рис. 3. Складные весы. X в. Бронза. Гнёздово.

ножниц — древнейшие на территории Восточной Европы и относятся к X в.

Неоднократно встречались при раскопках швейные иголки, такие же, как современные, только толще. Найдено несколько пряслиц — веретенных грузиков с дырочкой, круглых, каменных или глиняных. При ручном прядении пряслица употребляются и ныне. Хорошо известны по гнёздовским находкам карманные весы со складным коромыслом. К его концам на ниточках привешены маленькие, иногда орнаментированные, бронзовые чашки. Сложенные весы носили в деревянном или металлическом футляре. На них взвешивали монеты, так как те иногда разрезались на две и более частей. Найдено много гирек. Они представляют собой куб со срезанными углами (четырнадцатигранник), более поздние — бочковидные.

Монеты, бывшие в обращении, тысячами привозились преимущественно с арабского Востока. Это дирхемы, величиной они с современный пятак, только несколько тоньше. Обе стороны дирхема покрыты надписями, можно прочитать место и год чеканки. В Гнёздове

обнаружено семь кладов таких монет, из которых в одном сохранилось почти 800 монет. Встречаются и византийские монеты, но их гораздо меньше.

Особое место среди находок в Гнёздовских курганах занимают многочисленные женские украшения. Это прежде всего бронзовые золоченые фибулы, огромные застежки — броши. По форме они напоминают панцирь черепахи или скорлупку яйца, разрезанного вдоль, поэтому их называют черепаховидными или скорлуповидными. Носили их женщины-скандинавки на груди и ими скрепляли бретели юбки; таким образом, они служили частью племенного наряда. Эти фибулы соединяли цепочкой или ниткой бус и привесок. Наряд дополнялся круглой фибулой, которой закалывался платок. Фибулы украшены особым скандинавским орнаментом. Их датировка хорошо разработана. Экземпляры, найденные в Гнёздове, в основном относятся ко второй половине X в. Эффектны призматические, четырнадцатигранные и сферические бусы из сердолика и горного хрусталя, которые появляются на Руси в X в. Есть и стеклянные одноцветные и разноцветные бусы различных форм.

Рис. 4. Серебряная византийская монета. IX в. Гнёздово.

Мужские украшения встречаются реже. Это главным образом бляшки, украшавшие поясной ремень. Обычай носить такие пояса пришел в Восточную Европу от тюркских народов Азии, а затем проник в Центральную и Северную Европу.

Из мужских вещей, найденных в Гнёздове, следует упомянуть бритву, почти такую же, как современные опасные бритвы, только короткую. Это древнейшая бритва в русских древностях. Известны также находки оковок, которыми украшали кубки из рогов животных, костяных и стеклянных «шашек» — фигур игры, правила которой нам неизвестны. К этой игре относятся и призмочки с отметками очков на гранях.

Все категории вещей, встречающихся в Гнёздове, перечислить трудно. Среди них ключи и замки, деревянные ведра, ножи, напильники, пробойники, молотки и иные инструменты, кресала (для высекания огня), гребни, пуговицы и пр. Особенно важны глиняные горшки, имеющие первостепенное значение для этнических выводов. Ведь у каждого народа были свои приемы изготовления керамики, свои формы горшков, своя орнаментация. Абсолютное большинство сосудов было сделано тут же, в Гнёздове. Это типичная славянская посуда, имеющая ближайшие аналогии в одновременных славянских древностях. Среди них есть похожие на горшки из черниговских курганов, с которыми вообще можно отметить родство гнёздовских древностей. Некоторые образцы керамики указывают на связи с юго-западом, откуда, видимо, пришла часть гнёздовского населения. Единичные, прекрасно обожженные сосуды были привезены с берегов Черного моря. Об одной такой находке стоит рассказать подробнее.

Рис. 5. Скандинавская фибула. X в. Золоченая бронза. Гнёздово.

1949 год был первым послевоенным годом раскопок Гнёздова, проводившихся тогда в Лесной группе курганов, где имелось несколько насыпей с характерной плосковатой вершиной. По наблюдениям исследователей, такие плосковатые насыпи обычно скрывали погребения с многочисленным инвентарем. В одном из курганов, получившем порядковый номер 13, высотой 1,6 м были обнаружены остатки мощного кострища, центральная часть которого была особенно пухлой: после сожжения трупа остатки кострища подгребли к середине. В эту угольно-зольную «подушку» была закопана по

самый венчик лепная без помощи гончарного круга урна с жженными костями. Рядом с ней в кострище были воткнуты две половинки умышленно сломанного меча. В кострище были также пять арабских монет-дирхемов, самый младший из которых датируется 295 г. хиджры (907—908 гг. н. э.). Вокруг урны были разбросаны десятки бус из сердолика, горного хрусталя и стекла; встречались стеклянные сплавы — остатки бус или других стеклянных изделий. В урне находились оселки, обломки костяной расчески, медная цепочка, ключик лопаточкой, спиральное височное кольцо, обломки типичного украшения скандинавов — железной гривны, а на самом дне — маленький глиняный кувшинчик, несомненно, привозной, сделанный на гончарном круге. В кувшинчике сохранилась янтарная бусина, которая сгорела бы, если бы ее не защитил сосуд. Сожжение в ладье символизировала 61 ладейная заклепка (возможно, ими была скреплена повозка или сани).

На всей площади кострища поперечником до 3 м были разбросаны черепки прекрасно сформованной и отлично обожженной средневековой амфоры, на Руси называвшейся корчагой. На этих черепках была обнаружена надпись, процарапанная уже по обожженному сосуду сверху вниз. Черепки хорошо сложились в сосуд и кругом надписи не осталось пустого места, где можно было бы предположить ее продолжение.

Академик М. Н. Тихомиров прочитал надпись как «гороухща». Имея в виду, что в древней Руси ОУ читалось как У, надпись по этому варианту чтения следовало прочесть как «горухща». Но точно такого слова в древнерусском языке не было. П. Я. Черных прочел ее как «горушна», что означает «горчица». Позднее появились и другие чтения, ни одно из которых нельзя считать доказанным.

Если чтение Тихомирова и Черныха правильно, то надпись могла означать, что в сосуде хранились горчичные зерна — высоко ценившаяся пряность. Горчица на Смоленщине не росла и привозилась из южных стран, что вполне согласуется с южным происхождением амфоры — корчаги. Какой-то купец, чтобы не забыть о содержимом сосуда, сделал надпись на его тулове.

Но не слишком ли много внимания мы уделили этому единственному плохо видному слову? Нет, не много: ибо это древнейшая из русских надписей. Древнее нет

ни одной русской буквы. Сделана же она была в начале X в., о чем говорят найденные вместе с корчагой монеты и лепные сосуды. Это слово написано по-русски, для русских и, видимо, русским.

Итак, в Гнёздове раньше других территорий было заселено городище. Заселение территории по обоим берегам р. Свинец, вероятно, связано не с естественным приростом населения, а с приливом его извне, так как расширение заселения было значительным и произошло в сравнительно короткий срок. По находкам на этой новой площади исключительно круговой керамики его можно отнести ко времени около середины X в. Площадь поселения увеличивается не менее чем втрое, на городище появляются первые укрепления, возводится основная масса курганов, появляется серия скандинавских вещей. Все это соответствует максимуму интенсивности пути «из варяг в греки».

Коренным населением Смоленского Поднепровья, как мы установили выше, были балты. В IX—X вв. в Верхнее Поднепровье устремляется мощный поток славянского населения, принесший обряд погребения в круглых курганах, сменивших длинные курганы восточных балтов. Славяне пытались селиться на незанятых территориях, но у балтов и славян хозяйство одинаково основывалось на земледелии, а поэтому в ряде выгодно расположенных мест славяне и балты вступили в соприкосновение. По мере увеличения численности славянского населения в Смоленской земле на всей ее территории происходила ассимиляция аборигенов.

Когда славяне достигли Приладожья и вступили в контакт со скандинавами, варягам стал известен путь на Днепр и они не преминули им воспользоваться. Таким образом, в Гнёздове они появились позже славян. Судя по археологическому материалу, варяги были не чистыми скандинавами, пришедшими сразу из Скандинавии, что подтверждает предположение о промежуточной роли Приладожья. Варяжские погребения в Гнёздове определяются норманнскими особенностями погребального обряда (захоронения в лодках, возложение железной гривны на урну), следами специфически скандинавского костюма (парные скорлупообразные фибулы, характерные застежки обуви), вещами скандинавских типов в сочетании с другими признаками. Удалось вычленить немногим более пятидесяти скандинавских

погребений на 1000 раскопанных курганов. Эти погребения совершены на сто лет позже так называемого «призвания варягов», с которым норманисты пытались связать время норманнских древностей на Руси. Значит, норманны, погребенные в Гнёздове, не имели отношения к периоду сложения Древнерусского государства.

Поиски мелких рек, соединяющих большие реки, — дело практиков, которым нужно было соединить отрезки в единый путь, действующий постоянно. Создание такого пути в условиях первобытнообщинного строя не было необходимым: ведь эти водные системы эксплуатировались либо в военных целях, либо в целях торговли. Война же становится промыслом с периода военной демократии; регулярные торговые связи развивались тоже не ранее этого этапа социального развития. Таким образом, ни восточнобалтские, ни угро-финские племена до IX—X вв. не имели стимула для прокладывания волоков, а в целом для эксплуатации водных систем, так как эти племена еще не достигли соответствующего социального развития. Нужно также заметить, что в классовом обществе реки и речные системы, помимо военных и торговых целей, служили целям административным: они соединяли отдельные территории в единое государство, облегчали сбор дани, а затем эксплуатацию крестьянства феодалами.

Древнейшим путем, пролегшим через территорию Восточной Европы, обычно считают Волжский — с Волхова на устье Камы. Не исключено, что при поисках пути с Двины на Волгу и был открыт путь «из варяг в греки», т. е. по Днепру в Византию.

Именно на путях по малым рекам и волокам в междуречье Двины и Днепра расположено Гнёздово. Мы уже знаем, что первое, отмеченное летописью использование этого пути относится к 862 г., второе — к 882 г., когда по нему и притом только до Киева прошли сначала дружина Аскольда и Дира, потом войско Олега. Судя по сообщениям летописи, они шли по незнакомому пути, и их главной целью были война и грабеж. Если изучить распространение по Днепру дирхемов (что сделал В. Л. Янин), купеческие караваны освоили днепровский путь лишь в X в., вероятнее, в первой его половине. Впервые днепровский путь описан Константином Багрянородным в середине X в., т. е. когда он был уже освоен.

Время начала функционирования днепровского пути, начала Гнёздова и насыпания первых гнёздовских курганов совпадает. Во второй половине X в. число курганов внезапно и бурно растет, расширяется площадь гнёздовского поселения, на городище вырастают укрепления и это совпадает со временем наибольшего подъема днепровского пути. Купцы и воины преодолевали трудный путь по малым речкам и волокам; на этом пути их ждали любители легкой наживы — ведь караван был привязан к неподвижному судну и никуда уйти не мог, и его охранители были вынуждены принять бой, часто неравный. Многие из погибших на волоках днепровского пути погребены в Гнёздовских курганах.

Гнёздово возникает на волоках между Западной Двиной и Днепром; оно вызвано к жизни ими, для их охраны, обслуживания и контроля. Главная роль Гнёздова — быть воротами в Днепр. Основной источник дохода населения — таможенные сборы. Но основное население Гнёздова и его округи состояло не из воинов и знати. Мы уже говорили о большой роли ремесленников в Гнёздове. Ведь лодки, прошедшие по волокам, надо было ремонтировать, нужно было чинить и обновлять одежду, обувь, сбрую, поставлять продукты питания и скот. Следовательно, Гнёздово, как любое средневековое ремесленное поселение, должно было быть тесно связано с сельскохозяйственной округой, которая обслуживала его, старалось прибрать к рукам ее население, закабалить его. Ведь процесс феодализации уже начался, хотя продвинулся еще недалеко.

Гнёздово было поселением, стоявшим на пути превращения в город. В нем уже развивалось одно из важнейших качеств и свойств города — ремесло. Торговые караваны шли через Гнёздово, оно имело укрепления, в нем росла концентрация населения. В Гнёздове пока не найдено языческого храма, но большое кладбище само по себе является культовым местом, святилищем. Вероятно, здесь, среди курганов, совершался обряд благодарения богов по случаю окончания трудного пути по малым речкам и волокам и выхода на прямую, сравнительно легкую дорогу вниз по Днепру. Таким образом, Гнёздово, вероятно, было и культовым центром.

Гнёздово осуществляло и какие-то административные функции, но об этом ничто, кроме больших курганов, в которых (но не только в них) погребены представи-

тели знати, больше не говорит. В. И. Сизов считал, что административные функции осуществлял правитель, живший в Смоленске. Вероятно, исследователь был прав в том, что Гнёздово не могло быть независимым по отношению к Смоленску и контролировалось им.

Причина запустения Гнёздова — его чрезмерная зависимость от торгового пути. В конце X или начале XI в. был открыт более удобный путь с Двины на Днепр, предположительно через сравнительно большую реку Вопь, которую было гораздо легче пройти, чем цепь мелких речушек, ведущих от озера Каспля к Днепру. Несомненно, здесь сыграл свою роль и Смоленск, которому путь, проходящий у его стен, был более выгоден во всех отношениях. Упростилась торговля с проходившими по Днепру купцами, возросла дань, которую Смоленск взымал с узлового пункта на этом пути — Вержавска.

С переносом водного пути смоленские купцы разорили своих гнёздовских конкурентов. Захиревшее Гнёздово теряет бóльшую часть своего населения, вероятно, постепенно перебравшегося в Смоленск. Еще в XII в. в Гнёздове сохранились какие-то следы городского уклада жизни (о чем свидетельствуют найденные здесь стеклянные браслеты, которые в то время на Руси носили только горожанки). Вскоре, однако, оно превращается в маленькую деревню, и только ее название, вероятно, сохранившееся с древности, напоминает, что здесь было «гнездо» городской жизни.

Можно также заметить, что название ручья, на котором стоит гнёздовское городище, — Свинец — предполагает ему какую-то пару по примеру: Дон — Донец, Волхов — Волховец, а в Смоленской земле Вопь — Вопец, причем Вопцов даже два — Большой и Малый. Парой Свинцу должна быть река с названием типа Свин — Свинь — Свина. Такой реки в Смоленской земле сейчас нет, но это еще не значит, что ее не было: многие реки именовались заново, и не раз. В летописи название Свина есть, но в Курской и Черниговской землях. Летописной Свине, вероятно, соответствует черниговская река Замглай. В Смоленской земле, видимо, была своя Свина, но пока она скрыта от нас под более поздним названием.

Еще несколько слов о соотношении Гнёздова и Смоленска. Эта проблема встала с первыми раскопками

курганов у Свинца. А. А. Спицын без всяких аргументов назвал Гнёздово местом старого Смоленска. Крупнейший дореволюционный исследователь Гнёздова В. И. Сизов в своей книге предположил параллельное существование этих двух центров, отведя Смоленску роль административного центра, а Гнёздову — торгово-ремесленного. Уже после кончины Сизова, издавая результаты раскопок в Гнёздове, проведенных С. И. Сергеевым, А. А. Спицын развил свою необъяснимую гипотезу о переносе Смоленска с Ольшанского городища (находящегося в двух километрах от Центрального Гнёздовского), где, по его мнению, будто бы возник город, на Центральное, и только в XI в. — на его современное место. При внимательном рассмотрении корень этой гипотезы можно найти в несоответствии дат летописных упоминаний Смоленска и вещевого материала Гнёздова. Благодаря находкам в курганах скандинавских вещей Спицын решил, что в этих могилах погребены воины скандинавского конунга Олега, взявшего Смоленск в 882 г. Значит, рассуждал Спицын, Гнёздово — кладбище древнего Смоленска. Стало быть, он должен лежать тут же, в Гнёздове. При этом Спицын хорошо понимал, что среди гнёздовских находок нет вещей IX в., которые должны были бы быть, если Гнёздово соответствует Смоленску времени Олега. Где же стоял Смоленск в IX в.? Ответ на этот вопрос, по мнению Спицына, решался находкой вещей этого столетия. Спицын, как мы полагаем, думал, что такие вещи должны быть на Ольшанском городище, которое тогда еще не раскапывалось и было окружено почти не исследованной курганной группой. Однако Ольшанские курганы оказались не древнее, а моложе Лесных, вещей IX в. там тоже не оказалось. Не оправдало надежды Спицына и Ольшанское городище. Таким образом, Спицын заставил «кочевать» Смоленск потому, что, с одной стороны, связал летописные сообщения с Гнёздовом, а не с современным местоположением Смоленска, с другой — не опирался при этом на действительные датировки найденных вещей.

В последнее время гипотезу о переносе Смоленска тщетно пытаются воскресить ссылкой на то, что при раскопках в городе пока не найдены слои IX—X вв. Однако почти во всех древнерусских городах слой IX в. не обнаружен: нет его в Новгороде и Киеве, в Черниго-

ве и Ростове, в Муроме и Ярославле. Видимо, площадь древнерусского города в то время была незначительной, а впоследствии была сильно перекопана при строительстве новых зданий.

Гипотеза Спицына привела к серии других необоснованных предположений. По образцу Смоленска, как его описал А. А. Спицын, появилось целое «стадо» городов-«кочевников»: сначала Полоцк, потом Минск, Борисов, Великие Луки, Устюг и др. Что это: особое явление в русской истории или плод произвольных предположений? Ответить на этот вопрос нетрудно. Гипотеза о переносе городов (именно о переносе, а не о возобладании одного поселения над другим идет речь у Спицына), когда-то модная, хотя и необоснованная, в наши дни наивна и утратила все права на существование. Прежде всего летопись не говорит ничего о переносе ни Смоленска, ни какого-нибудь другого раннего (до XII в.) города. Во-вторых, перенос города означал бы не только перенос жилищ его жителей, не только возведение новых оборонительных сооружений, но и перенос окрестных деревень, питавших его, расчистку новых лугов и пашен для их жителей, прокладку новых дорог и иные трудоемкие и дорогостоящие действия; и, что еще более важно, означал бы разрыв только что накинутых на крестьян сетей эксплуатации.

Иногда указывают на перенос Юрием Долгоруким Переяславля. Однако Клещин, который «перенес» Долгорукий, существовал и позднее, будучи упомянут в списке городов конца XIV в. Во-вторых, «перенос» Переяславля относится к XII в., когда феодализм упрочился и подобное действие не угрожало сложившимся феодальным отношениям. В-третьих, Клещин отстоял от Переяславля на 3—4 км, а не на 12, как Гнёздово от Смоленска. Этот «перенос» не требовал перемены пашен, прокладки дорог и т. д.

Но с вопросом о мнимых переносах городов не следует смешивать вопрос об их соперничестве, о возобладании одного города над другим, примеров чему много. Победивший город переманивал к себе население побежденного, становился более крупным и мощным. Так и было в соперничестве Гнёздова и Смоленска.

Примечательно, что из пяти перечисленных византийским историком Константином Багрянородным русских городов крепостями в этом контексте названы лишь Киев и Смоленск. В связи с этим следует обратиться к терминологии русских летописей. До похода Олега на Царьград «Повесть временных лет» называет городами только Новгород, Киев и Смоленск, а Белоозеро, Псков, Полоцк, Изборск, Ростов, Муром, Любеч, Чернигов упомянуты только по названию, без добавления слова «город». Лишь в договоре Олега с греками в 907 г. городами названы Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч.

Таким образом, Смоленск поставлен летописцем в один ряд с Новгородом и Киевом. Если в летописи есть воспоминания о том, что Киев был «градок мал», то к Смоленску этот уменьшительный термин никогда не применялся. Несомненно, что Новгород и Киев были городами большего значения, чем Смоленск, а поэтому то почетное место, которое занимал Смоленск, нуждается в объяснении. Видимо, летописец сравнивал размеры укрепленных частей этих городов, которые в те времена и давали право поселению называться городом. Значит, с первых страниц летописи Смоленск выступает как крупный город. Вряд ли правильно предположить, что Киев был меньше Смоленска по площади и населенности. Вспомним летописное сообщение о походе Аскольда и Дира, где сказано, что Смоленск был «град велик и мног людьми».

Следует обратить внимание и на то, что в сочинении Константина Багрянородного укрепленность Смоленска выражена греческим термином, обозначающим высшую степень неприступности. Эта характеристика великолепно сочетается со словами летописи, характеризующими Смоленск начала XVI в., когда он был воссоединен с Россией: «Град же имел твердость, стремнинами гор и холмов высоких затворен и стенами великими укреплен» (1513 г.). Летописец здесь обращает внимание на естественную укрепленность Смоленска, которая, конечно, в X в. имела еще большее значение.

Но в «Повести временных лет» говорится о «граде», т. е. о городе, имевшем укрепления. Значит, их и надо сравнивать с киевскими. Сравнение возможно только

в одном: вполне вероятно, что уже ранние укрепления Смоленска представляли собой не стены детинца, как в Киеве, а охватывали весь город вместе с посадом.

Что такое детинец? Так в древней Руси называли кремль, а кремль — это крепость, но не всякая, а внутренняя. Стены детинца прикрывали иногда княжеский дворец, в Новгороде — место, занимаемое правительственными учреждениями боярской республики, часто и палаты митрополита — церковного главы княжества. Были детинцы и в маленьких некняжеских городах, тогда их стены отгораживали место пребывания властей. Многие древнерусские детинцы переросли в кремли, стены которых сохранились до наших дней полностью или частично (таковы, например, Московский Кремль, кремль в Новгороде, остатки кремля в Коломне, земляной вал во Владимире — тоже кремль и т. д.).

Детинец выдает себя типичным расположением — на мысу, остатками укреплений — земляными валами, около которых иногда сохранились рвы. Во многих случаях с кремлем-детинцем связаны легенды, предания или по крайней мере сохранившиеся в городе урочища: «городок», «городец» или, как в Рославле, «Бурцева гора».

А вот в Смоленске ничего этого нет: ни кремля (его не надо путать с существующей поныне мощной городской крепостью XVI — начала XVII в.), ни остатков земляных валов (кроме тех, которые предшествовали городской крепости и дублируют ее направление). Что касается рвов, их в Смоленске предостаточно: все взгорье изрезано оврагами. Нет и сохранившихся топонимов — местных названий, которые указывали бы на местоположение детинца. Правда, по крайней мере четыре огромных и крутых выступа берегового обрыва в народе носят название «гор»: Казанской (самая западная), Воскресенской, Соборной, Георгиевской.

Взгорье левого берега придает Смоленску особую живописность и дает основание для сравнения его с Киевом, где, правда, горист не левый, а правый берег и его высота больше, чем в Смоленске. Взгорье правого смоленского берега отступает от Днепра, образуя полукруглую равнину поперечником до полукилометра. Здесь есть свои «горы»: Покровская, Шкляная, но они не столь эффектны. На одной из левобережных гор высится громада собора XVIII в.: он вдвое выше и обшир-

нее Успенского собора Московского Кремля. Место для него выбрано удачно: его золоченые маковки видны за десять, а кое-где даже за двадцать километров. Естественно, что «гору» называют Соборной.

Смоленские историки С. П. Писарев и И. И. Орловский полагали, что Смоленск был основан «в незапамятные времена» на Соборной горе, археолог А. Н. Лявданский отмечал, что ни тот, ни другой не могли ничем подтвердить свое мнение: «Вопрос о первичном месте Смоленска можно будет решить только путем археологических изысканий».

Выступы большинства смоленских «гор» напоминают форму древних поселений. Они труднодоступны из-за своей крутизны, что было немаловажно для обороны. Обрывы с двух сторон обычно дополнялись рвом, который отреза́л треугольник мыса от прилегающей равнины, а из выброшенной земли возводился вал, усиливавший укрепления со стороны рва. Подобная схема фортификационных сооружений известна в наших местах с раннего железного века — с VIII—VII вв. до н. э. Нечто, похожее на ров, с южной стороны Соборной горы уже давно отмечено смоленскими краеведами. Это углубление так и называлось «Сухой ров». Обычно его считали оврагом. В древности он был еще длиннее, но при прокладке улицы, по одним сведениям в XVIII в., по другим — в 1830-х годах, был частично засыпан.

Владимир Мономах, будучи смоленским князем, в 1101 г. построил первую в Смоленске кирпичную церковь — Успенский собор, располагавшийся, по сведениям письменных источников, «на горе». Во время обороны Смоленска от поляков в 1611 г. собор сильно пострадал и, как установил А. Е. Минкин, потом был разобран. Многие факты говорят, что Мономахов собор находился именно на Соборной горе, где в XVII—XVIII вв. была возведена новая, существующая ныне церковь.

Таким образом, предположение о том, что древнейшее ядро Смоленска располагалось на Соборной горе, казалось, было хорошо обосновано. Оставалось самое простое — проверить предположение раскопками.

В 1924 г. А. Н. Лявданский обследовал Соборный холм с юга и произвел «пробные раскопки», которые не подтвердили версию о древнем смоленском городище: соответствующих слоев обнаружено не было. Через

год он вместе со смоленским архитектором-археологом И. М. Хозеровым предпринял раскопки на противоположном конце площадки, с севера, и открыл слой древнего городища с лепной керамикой и другими вещами. Но эти черепки относились к гораздо более раннему периоду, к археологической культуре железного века, которую теперь называют тушемлинской. Такие поселения имеются и в других местах Смоленска и к его истории непосредственного отношения не имеют.

В 1939 г. во время случайных земляных работ на Соборной горе были обнаружены остатки каменных стен, сложенных из домонгольского кирпича. Их поспешно объявили остатками собора Владимира Мономаха. Некоторое время спустя, Н. Н. Воронин раскопал эти остатки и выяснил, что они принадлежат небольшой церкви середины XII в., и ни по времени ее возведения, ни по своим размерам она не могла быть этим собором. По мнению Воронина, Мономахов собор стоял на месте современного собора, большая глубина котлована которого уничтожила все надежды на то, что под ним сохранились остатки постройки 1101 г. А. Н. Лявданский в шурфе, заложенном на музейном дворике, открыл древнерусский слой, но датируемый временем не раньше XI в. Черепки, аналогичные найденным здесь, были обнаружены и в раскопках упомянутой церкви.

Таким образом, в XI—XII вв. на Соборной горе уже существовало поселение, отмеченное даже каменной церковью. В те времена каменные (кирпичные) постройки были большой редкостью. В 1964 г. на самом краю Соборной горы в ее северо-восточной части были обнаружены и частично раскопаны остатки постройки, отнесенной исследователями к 1240-м годам, которую они назвали княжеским или епископским «теремом». Суммируя полученные данные, исследователи настаивают на том, что Соборная гора и была смоленским детинцем, который отделялся от города «несомненно искусственным рвом». Этот аргумент они выдвигают как главный.

Однако здесь далеко не все ясно. На плане XVII в., который был ими опубликован, показана Соборная гора, действительно отделенная от окружающей местности, но не «искусственным рвом», а естественным оврагом. В естественном происхождении убеждает его форма: овраг отрезает не только Соборную гору, но, круто сворачивая к югу, окаймляет и противолежащее ей взгорье.

Если принять его за искусственный, то непонятно, зачем было выкапывать это продолжение рва вдоль взгорья, не имеющее фортификационного значения, тем самым напрасно перерывать огромное количество земли.

Рис. 6. Смоленск в 1609—1611 гг. Литография П. Петрова из «Памятной книжки Смоленской губернии за 1864—1865 гг.»

Трактовка найденного здания как «терема» также не бесспорна.

Но все же: на Соборной горе в XII в. уже стоял Мономахов собор, князем Ростиславом была построена малая церковь-капелла, рядом с собором была воздвигнута оборонительная башня (принятая за терем), на площадке Горы есть культурный слой конца XI в. и более поздний. Сама Соборная гора была отрезана пусть не рвом, пусть оврагом, самой природой усиливающим оборону. Так почему бы Соборной горе не быть детинцем?

Дело в том, что нет никаких оснований считать ее ни местом пребывания смоленского князя, ни местом сосредоточения правительственных учреждений. В письменных источниках, преданиях и легендах Соборная гора ни разу не названа ни детинцем, ни кремлем. В «Уставной грамоте» Ростислава сказано, что князь дарит «Святой богородице», т. е. причту и епископу собора «на горе», огород с капустником и с женою, и с детьми, а затем (некоторые считают, что одновременно) и весь «холм» был передан епископу (заметим, что «капустник» — огородник, ухаживающий за капустой.— *Д. А.*). Таким образом, на «горе» был капустный огород, которому, скорее всего, не нашлось бы там места, если бы Соборная гора была правительственной резиденцией. И уж совсем неправдоподобно выглядела бы эта запись о передаче «горы» епископу, если бы на ней был княжеский дворец и иные княжеские службы. Речь идет, конечно, только о территории, на которой размещены некоторые культовые сооружения. Этот дар Ростислава совпадает по времени с капитальной застройкой им Соборной горы («капелла», башня), а все вместе было важной частью подготовки организации самостоятельной епископской кафедры в Смоленске, чего хотел и добивался Ростислав, чтобы показать величие и самостоятельность своего княжества и его столицы. Значит, поселение на Соборной горе еще до середины XII в. становится резиденцией епископа, но не князя, и нет никаких намеков на то, что на ней когда-либо размещался княжеский дворец. Это был всего лишь епископский двор, т. е. религиозный центр города.

XII век и особенно период правления Ростислава (1125—1159) были временем расцвета Смоленска: в городе возведено много кирпичных зданий. По интенсивности строительства Смоленск занимал в это время первое место среди русских городов, обгоняя даже Киев, Новгород и Владимир. Судя по расположению построек, территория города весьма расширилась.

Однажды, во время строительства водопроводной будки у Днепра, вне крепостных укреплений нашли кирпичную кладку древнерусского времени. Строительство прекратили, а раскопанное археологами сооружение оказалось ротондой — круглой в плане церковью второй половины XII в. Такая форма здания была необычна для Руси. Ее исследователи указали на скандинавскую

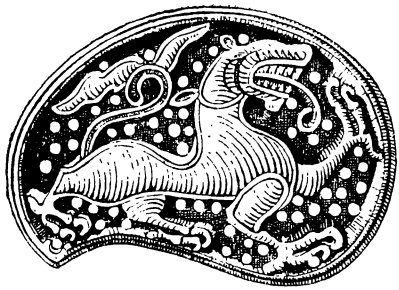
аналогию смоленской ротонды. Развивая эту мысль, историки смоленской архитектуры стали трактовать ее как латинскую церковь, т. е. храм иностранных купцов, посещавших Смоленск. «Латинские» церкви известны в древнем Новгороде, Киеве и некоторых других городах. До недавнего времени к развалинам смоленской ротонды примыкало лютеранское кладбище, что подкрепляет гипотезу о ее «латинском» характере. Торговые связи Смоленска с «готским берегом», т. е. с западными странами, хорошо документированы дошедшим до нас торговым договором 1229 г. Существование в Смоленске «немецкой божницы» говорит о том, что торговые связи с Западной Европой, восходящие еще к X в., были широкими и прочными в XII в.

Основные торговые кварталы Смоленска издревле были защищены городской крепостной стеной. Как уже говорилось, Смоленск еще в X в. имел укрепления, охватывавшие весь город (включая Соборную гору). «Лета 6642 (1134 г.) Ростислав Мстиславич устрои град великий Смоленск и церковь созда святого Спаса верху Смядыни, и град Мстиславль на Вехре он же создал», — написано в одном из письменных источников. «...Град великий» — крепостные стены, окружавшие весь город, «устроил» — отремонтировал, украсил. Таким образом, Ростислав возобновил существовавшие вокруг Смоленска стены, реставрировал их. Некоторые историки термин «устроил» трактуют как «построил». Действительно, в этом смысле он иногда употреблялся, но в данном документе дважды употреблено слово «создал» в смысле «построил» применительно к постройкам Ростислава. Если бы «град великий» строился заново, надо было бы ожидать употребления того же глагола «создал», но летописец предпочел иное слово, чтобы отличить строительство от возобновления или реставрации. Вряд ли летописец употребил термин «устроил», чтобы избежать повторения: это слово написано первым. Где проходили стены, отремонтированные Ростиславом, мы можем лишь догадываться, предполагать в результате изучения письменных документов, не только текстов, но и довольно поздних рисунков с видами Смоленска (XVII—XVIII вв.). Ни стен, ни валов этой крепости до нас не дошло.

Интересно отметить создание Ростиславом церкви «на верх Смядыни». Признано, что в XII в. Смядынь,

западная окраина Смоленска, была княжеской резиденцией. Как новгородские князья стремились жить подальше от строптивого веча, так и смоленские правители предпочитали обосноваться вне городских стен. Князь строил эту церковь для себя, поближе к дворцу, а в конце XII в. построил на Смядыни одно из чудес русской архитектуры, стоящую ныне церковь Чуда Михаила архангела, чаще известную под именем Свирской.

За рамками настоящего очерка остались многие интереснейшие и важные проблемы смоленской истории. Рассмотренные в очерке моменты истории города относятся главным образом к роли Смоленска как ключа на водных путях с севера на юг. В последующее время, особенно в связи с монголо-татарским нашествием, значение днепровского пути падает, но ключевое значение Смоленск не потерял: он стал замко́м на так называемых днепровских воротах — в междуречье Двины и Днепра, куда много раз устремлялись враги Руси и России. Так было, например, в 1611, в 1812 гг., а на нашей памяти — в 1941 г. И каждый раз мощь врага была подорвана у стен Смоленска. В Смоленске продолжаются археологические раскопки, и последующие публикации их результатов познакомят нас с новыми решенными проблемами истории города.



В. Л. Янин, Е. А. Рыбина

ОТКРЫТИЕ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

В изучении средневековых древностей Руси Новгород занимает особое место. Археологические раскопки начались в нем в 1932 году, продолжаются полвека и, по самым осторожным прогнозам, продлятся лет 100—200. По масштабу работ Новгородская экспедиция не имеет равных себе в Советском Союзе. И этот устойчивый интерес исследователей нуждается в разъяснении.

Разумеется, Новгород привлекает к себе археологов своей исторической значительностью. В нем возникли особые формы политического устройства, республиканские по своей сущности. Этот город был на протяжении многих веков крупнейшим торговым центром Европы, осуществляя связи с городами Скандинавии и Германии, с районами причерноморского юга и с мусульманскими центрами Востока. Он не подвергался монгольскому нашествию, и, следовательно, многие процессы его развития не были деформированы военным разрушением, обратившим в пепелища крупнейшие города Руси.

Однако имеется еще одно специфическое отличие Новгорода, бесценное в глазах археолога. В этом городе, как нигде в другом месте, хорошо сохраняются предметы, изготовленные из органических материалов, — деревянные, костяные, кожаные, а также ткани, зерно. Что касается металлических предметов, то в культурном слое Новгорода они покрываются тонким

слоем коррозии, предохраняющим их от дальнейшего разрушения. Причиной такой особенности является повышенная влажность культурного слоя. Новгород возник некогда на глинистой почве, не впитывающей влагу осадков и талых вод. Не имея вертикального стока, влага до предела насыщает культурный слой и сочится по нему в Волхов, препятствуя проникновению в почву воздуха. При таких обстоятельствах не возникает условий для развития микроорганизмов и, следовательно, нет процесса гниения. Это значит, что все предметы, попавшие в древности в землю, сохраняются в почве практически без изменения их формы. Главным поделочным материалом на Руси на протяжении всего средневековья было дерево. Из него строили дома и уличные мостовые, бытовую утварь и детские игрушки, колыбели и транспортные средства, музыкальные инструменты и механизмы. Даже писали на древесной коре, что впервые было установлено именно в Новгороде.

Поскольку в большинстве других городов предметы, сделанные из органических материалов, не сохранились, ассортимент находимых в них древних предметов случаен, и музейные экспозиции таких городов не способны адекватно передать картину древней жизни. В результате хорошей сохранности предметов в культурном слое Новгорода археология смогла представить средневекового горожанина в окружении всего, что было создано его руками.

Великолепная сохранность дерева оказывается полезной и для хронологического анализа древностей. Коль скоро в земле остаются неразрушенные нижние ярусы бревенчатых домов и плахи уличных мостовых, отличающиеся особой массивностью (для их изготовления использовались бревна 40—60-, а порой и 100-летних сосен), эти остатки, будучи подвергнуты дендрохронологическому анализу, получают даты их рубки с точностью до одного года. Любой дом, мостовая датируются с максимальной точностью, а заключенные между любыми двумя строительными ярусами горизонтальные прослойки культурного слоя оказываются датированными с точностью до 10—20 лет. Подобная точность еще два десятилетия назад казалась недостижимой в археологии. В Новгороде она стала нормой благодаря все той же повышенной влажности слоя.

Деревянные (сосновые) мостовые появились в Новгороде еще в первой половине X в. Они обладали громадным запасом прочности. Даже сегодня расчищенные археологами уличные мостовые города XIII или XIV в. выдерживают нагрузку грузовой автомашины. Однако после постройки мостовой не прекращалось образование по ее сторонам культурного слоя, который, спустя 10—20 лет, не позволял поддерживать мостовую в чистоте. Тогда жители города вынуждены были поднимать ее уровень, сооружая на еще прочном настиле новый ярус. На отдельных участках города раскопками вскрыто до 28—30 сменяющих друг друга настилов, образующих как бы единую конструкцию, нижние ярусы которой относятся к X, а верхние к XV в. Следовательно, всю толщу культурного слоя возможно расчленить на эти десятки уровней, каждый из которых идеально датирован. В совокупности такая конструкция и является основой дендрохронологической шкалы, успешно заменив отсутствующие на Руси породы долговечных деревьев, подобных американской секвойе или дугласовой сосне.

Однако прекрасная сохранность органических вещей в Новгороде составляет только половину достоинств этого археологического источника. Хотя особенности почвы и способны сохранить весь набор древностей, они не могут воспрепятствовать вторжению в нее строителей последующих эпох. Например, культурный слой Москвы по своим объективным характеристикам близок новгородскому. Тем не менее многие участки ее при всей их исторической значительности не могут удовлетворить археолога. На древнейших улицах города, как и в Новгороде, из века в век сменяли друг друга небольшие деревянные дома, остатки которых до поры до времени сохранялись в культурном слое. Но в XVI—XVIII вв. на их месте появились каменные строения, потребовавшие рытья глубоких фундаментов, уничтоживших ранние комплексы. В XIX и особенно в XX столетии на смену им пришли многоэтажные дома, несущие конструкции которых опустились до уровня материковых пород, перемолов все то, что уцелело от хозяйственной деятельности XVI—XVII вв.

Новгороду повезло и в этом отношении. На протяжении многих столетий, когда в городе преобладало деревянное строительство, фундаментов не копали. На-

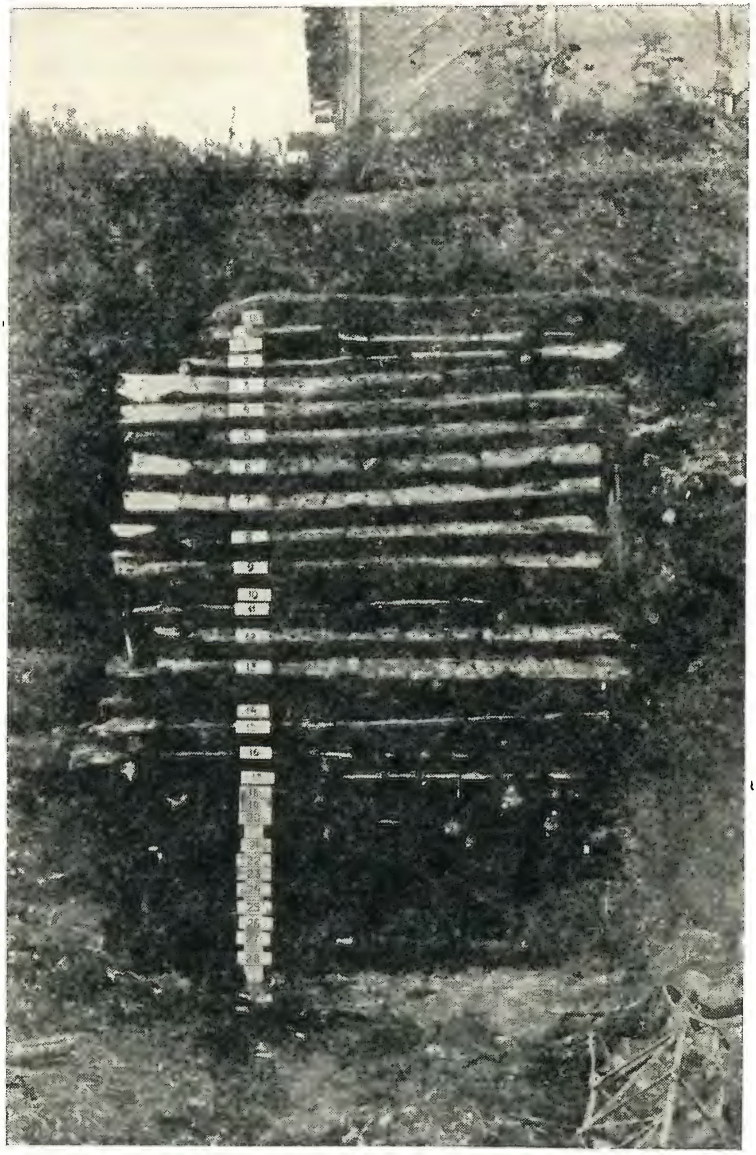


Рис. 1. Разрез древней уличной мостовой (цифрами пумерованы ее ярусы).

против, влажность почвы требовала поверхностных подкладок под нижние ярусы домов. По той же причине жители города избегали рыть погреба и хозяйственные ямы. Каменное строительство в заметных масштабах началось там только во второй половине XVIII в. и велось по утвержденному Екатериной II генеральному плану, который в основу градостроительных решений положил принцип регулярности: на смену стихийно сложившейся структуре городского плана пришли прямоугольная и радиальная сетки улиц, и новые городские магистрали прошли, как правило, по дворам древних комплексов, а наиболее важные для археологов комплексы древних жилых строений оказались внутри современных кварталов, оставшись непотревоженными. Исторически образовавшиеся прослойки культурного слоя и сегодня сохраняются в их стратиграфической чистоте, что максимально облегчает и их датировку, и их исследование. Все эти особенности превратили Новгород в эталонный источник истории русской средневековой жизни.

Существует еще одно обстоятельство, связанное со свойствами новгородской почвы. В ней идеально сохраняются берестяные грамоты — новый вид письменного источника, открытый впервые в 1951 г. За тридцать лет, прошедших с момента обнаружения первой такой грамоты, в ходе раскопок их обнаружено уже 612. Поскольку большинство этих документов оказалось в земле там, где жили их адресаты, возникла постоянно повторяющаяся возможность определять принадлежность исследуемых усадеб конкретным лицам. Среди них большинство воскрешено для нас самими, обнаруженными теперь берестяными текстами, но есть немало и таких, кто и прежде был известен по сообщениям древних хроник и свидетельствам актов. Благодаря этому возник прочный мост между миром традиционно безмолвных археологических источников и миром красноречивых письменных документов. Если раньше археология тяготела к генерализации выводов, имея дело с массовыми предметами и их статистической обработкой, а история испытывала склонность к персонификации процессов, следя за деятельностью конкретных лиц, то теперь оба направления органично слились. Современная археология Новгорода персонифицирует свои комплексы, переставшие быть безмолвными, и обра-

щается к изучению того круга проблем, который традиционно считался безраздельной собственностью историков, далеких от археологии. О некоторых из таких проблем пойдет речь в дальнейшем рассказе.

* * *

Сегодняшний Новгород — большой город с населением около 200 тыс. человек, широко раскинувшийся по обоим берегам Волхова. Он давно переступил линию своих средневековых валов, окружающих пространство в 260 га. Но и это пространство весьма значительно в масштабах средневековья. Живший в Новгороде в первой половине XII в. ученый монах Кирик, рассуждая о научных знаниях, сравнивал их рост с ростом города: «Как город сначала бывает небольшим, а затем постепенно увеличивается, так и знания постепенно растут». Ко времени Кирика Новгороду было не меньше 250—300 лет, поскольку древнейшее упоминание о нем имеется в хронике за 859 год. Каким он был во времена Кирика? Где находился древнейший район этого города, тот корень, из которого он вырос? Почему один из древнейших городов Руси носит парадоксальное название «нового города» и существовал ли «старый город»?

Проблема происхождения Новгорода волнует исследователей и сама по себе, и в связи с теми особенностями его административного устройства в XII—XV вв., объяснение которых заключено, по-видимому, в его первоначальной структуре. Существо этих особенностей состоит в том, что город делился на административные районы, отличавшиеся политической замкнутостью и постоянно враждовавшие между собой, а система организации общегородской и государственной власти была основана на паритетном представительстве от этих административных районов, называвшихся «концами».

На протяжении многих десятилетий археологи занимались поисками предшественника Новгорода — «старого города». В числе претендентов на эту роль назывались Старая Ладога, Старая Русса и Городище в 2 км от Новгорода. Эти поиски оказались безуспешными. В Руссе, которая стала называться Старой только в XVI в., когда возникла Новая Русса, нет слоев

ранее XI в. В Ладоге, которая стала называться Старой с XVIII в., когда рядом с ней появилась Новая Ладога, имеются слои даже VIII в., однако древнейшие слои Новгорода не обнаруживают прямой генетической связи с ними. Древнейшие слои Городища практически синхронны древнейшим слоям Новгорода.

Между тем термин Новгород (новый город) даже в XII в. в хрониках применяется в первую очередь не ко всему городу, а больше к его кремлю. Именно эта крепость поначалу называлась новым городом, дав этим свое название городу в целом. Нельзя ли предположить, что предшественник «нового города» находился не за десятки километров от него, а где-то на территории самого Новгорода? Можно ли попытаться ответить на этот вопрос до тотальных раскопок города? Ведь сегодня, несмотря на полувековые исследования, изучено всего лишь около 2,5 га его древнего пространства, т. е. около 1%, а древнейшие зафиксированные археологами слои датируются только первой четвертью X в.

Возможность заглянуть под землю до раскопок была найдена. Дело в том, что современные строители, прежде чем начать строить любое здание, производят геологическое бурение, необходимое для оценки грунта и расчета несущих конструкций. Эти данные бурения (а их собрались многие сотни) были положены на карту города, обозначив наличие на одних участках мощных культурных напластований толщиной до 7—9 м, а на других — гораздо менее значительные слои, а порой даже отсутствие их. Известно, что в целом мощность культурного слоя зависит главным образом от продолжительности его образования. Следовательно, участки с более толстым слоем особенно перспективны для поисков именно на них древнейших районов города.

Таких районов, обладающих значительными напластованиями, оказалось три: один — на Торговой (восточной) стороне Новгорода, два — на Софийской (западной) его стороне. Эти районы точно совпадают с местоположением древнейших административных членений города, известных уже в хрониках XI в.: Славенским концом (на Торговой стороне), Людиным и Неревским концами (на Софийской стороне). Раскопки, произведенные в пределах этих районов повышенной

мощности культурного слоя, обнаружили только в них ранние слои X в. Там, где слои не отличались подобной мощностью, древнейшие напластования датируются более поздними столетиями.

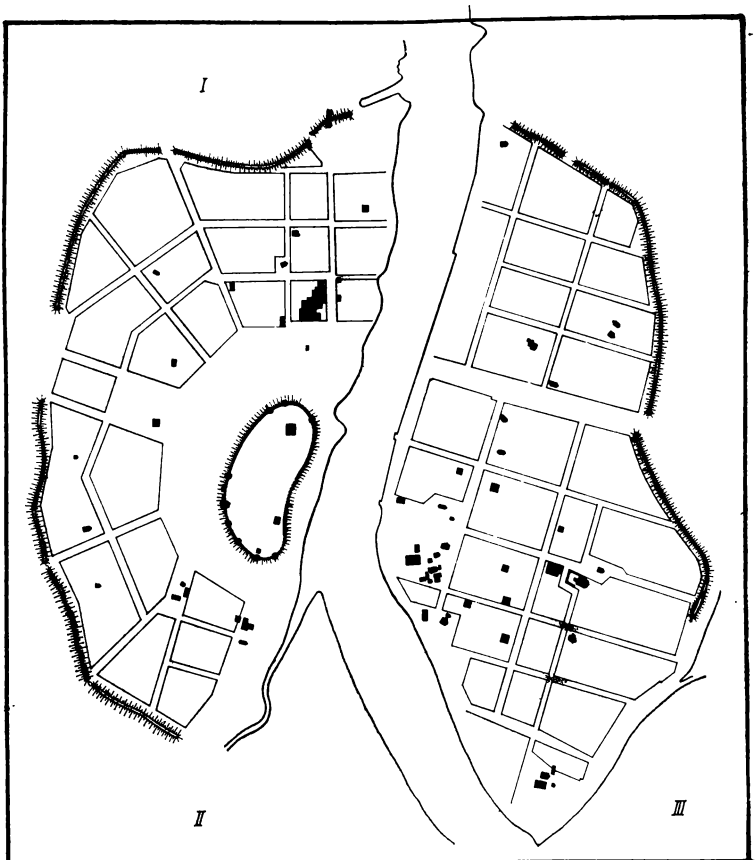


Рис. 2. Раскопы в Новгороде.

В высшей степени любопытным и важным оказалось то обстоятельство, что на Софийской стороне, центральное положение на которой занимает кремль, оба района повышенной мощности культурного слоя только соприкасаются с кремлем. Следовательно, эти

районы первоначально были отделены один от другого, представляя самостоятельные жилые массивы — поселки.

Таким образом, раннему Новгороду присуща не моноцентрическая, а полицентрическая структура. Он возник не из одного древнейшего центра (например, кремля), постепенно расширяя свою территорию, а из трех изолированных один от другого центров, застраивая постепенно пустопорожние пространства между ними. Поэтому вполне логичной представляется мысль о возникновении «нового города» (кремля) на базе «старых» городков, расположенных рядом с ним, на территории современного города.

Кремль («Новый город») создается, по-видимому, как крепость и административный центр этих трех ранних городков, заключивших между собой политический союз. Проверка этого предположения — дело будущего, как и поиски возможных систем древнейших укреплений первоначальных поселков. Однако некоторые важные гипотезы относительно первоначальных поселков могут быть высказаны и сегодня.

Славенский конец в средневековых русских хрониках носит и иное название — Холм, или Славенский холм. Между тем в Скандинавии на протяжении многих столетий Новгород именуется Холмгардом, что представляется огласовкой русского топонима Холмгород. Не было ли это «Холм-город» самоназванием того поселка, который до возникновения «Нового города» (кремля) находился на Торговой стороне? Именно там размещались торговые пристани и возникли западноевропейские торговые фактории. Останавливаясь в Холм-городе, скандинавы могли по традиции сохранить это название для обозначения Новгорода в целом и в позднейшее время.

Неревский конец Софийской стороны — этноним. Он несет в своем названии обозначение аборигенного финно-угорского племени неревы или наровы, территорией которого были районы северо-запада Новгородской земли (это обозначение до сих пор сохраняется, в частности, в обозначении реки и города Нарвы у Финского залива Балтийского моря). Если бы все три поселка, предшествовавшие созданию «Нового города», были славянскими, как тогда объяснить наличие другого этнонима — Славенский (славянский) конец?

Людин конец в своем названии не содержит этнического указания. Однако главной его улицей была Прусская, а легенды о происхождении Новгорода, сохранившиеся в летописных записях, сохранили и версию о приходе по крайней мере части новгородцев с территории Пруссии (с центром в городе Малборке). Имеется в виду движение кривичей через земли балтов на территорию русского Северо-Запада.

Если эти наблюдения верны и первоначальные поселки Новгорода были действительно разноэтничными, их политическое объединение окажется фактом чрезвычайной важности. Такое объединение тождественно образованию межэтнической конфедерации Северо-Запада, превращающей Новгород в столицу не только славян, под эгидой которых она возникает, но и значительной группы финно-угорского (чудского) населения. Говоря о столичном характере этого города с момента возникновения политического союза трех разноэтничных поселков, т. е. не считая этот союз фактом узколокального значения, мы должны учитывать одно весьма существенное обстоятельство. На протяжении всей истории самостоятельного Новгорода земельная аристократия концентрируется в самом городе, владея громадными землями за его пределами, иногда за сотни километров от Новгорода. Эта концентрация изначальна. Иными словами, уже ранние поселки предстают перед нами как центры обширных областей, составляющих в совокупности Новгородскую землю.

Изложенные здесь наблюдения не противоречат представлениям средневековых новгородцев. В русских хрониках новгородского круга понятие «новгородцы» неоднократно расшифровывается как «славяне, кривичи и чудь».

Трудность проверки этой гипотезы заключается в активности процессов этнической нивелировки в условиях городской жизни. Городская мода стремительно стирает этническую специфику костюма, бытовой утвари, строительных приемов. Эта нивелировка должна была сказаться уже в первые десятилетия совместного существования разнородных групп населения. Между тем, как уже сказано, археология еще не располагает в Новгороде древностями старше первой четверти X в. Первые десятилетия истории этого города пока не могут быть ощупаны руками исследователей, вынужденных

обращаться к ретроспекции и построению гипотез на материалах косвенных свидетельств. Однако высказанные предположения хорошо объясняют особенности внутренней структуры Новгорода XIII—XV вв., указывая их возможные корни.

В то же время археологические работы последних лет медленно, но верно приносят материалы, подтверждающие изложенные мысли. В частности, раскопками и наблюдениями при строительстве городских коммуникаций были обнаружены остатки древних фортификаций, одна из которых окружала Неревский конец, а другая — Людин. Эти фортификации относятся, правда, ко второй половине XII в., они окружают значительно бо́льшие пространства, нежели территории этих двух изначальных поселков. Однако обе фортификации являются отдельными, изолированными одна от другой системами, объединенными только в конце XIII в., когда в них было заключено и пространство, разделяющее Неревский и Загородский концы и носящее весьма характерное название — Загородье (местность, находящаяся за городом). С этого момента Загородье стало Загородским концом, т. е. приобрело статус особого административного района со всеми принадлежащими ему правами.

* * *

С проблемой происхождения Новгорода и его названия тесно связана другая, более дискуссионная проблема, касающаяся роли норманов в истории русской, в частности (и даже в первую очередь) новгородской, государственности.

Возникновение норманской проблемы в русской и скандинавской историографии связано с рассказом новгородской хроники о призвании в Новгород варяжского князя в 859 г. Существо этого рассказа состоит в следующем. На протяжении какого-то времени («во времена киевского князя Кия») новгородцы («словене, кривичи, чудь и меря», под последней понимают «нереву») владели (каждое племя) своими землями и платили дань варягам. Затем они восстали против варягов, изгнали их за море, начали сами владеть землями без уплаты варяжской дани и ставить города. Однако эти города стали воевать друг с другом, после чего новго-

родцы пригласили варяжского князя Рюрика «княжить и владеть ими», сказав, что земля у них велика и обильна, а «наряда» (порядка) в ней нет. Этот рассказ и особенно слова об отсутствии «наряда» вызвали к жизни концепцию об отсутствии на Руси государственности и правопорядка, которые якобы установились только в результате призвания скандинавского князя.

Легко заметить, что очевидные реалии этой легенды соответствуют той гипотезе, которая была изложена выше. Возникновение городов у словен, кривичей и чуди после изгнания варягов возможно понимать как возникновение тех трех городков, о которых речь шла выше. Военные столкновения между городами («встал город на город», говоря словами легенды) — та вражда между ними, которая и в дальнейшем проявлялась в виде постоянных междукончанских столкновений. Призвание Рюрика в Новгород представляется в этой связи действительно новгородской акцией, исходящей от уже существующей конфедерации племени Северо-Запада, переживающей трудный кризис. Иными словами, к моменту призвания варяжского князя конфедерация уже существует и, следовательно, располагает общим центром — кремлем («Новым городом»).

Такое предположение может быть проверено археологическим путем. Кремли (цитадели, замки) в средневековых городах создаются всегда для защиты в первую очередь центральной власти города и государства. Поэтому немаловажно выяснить, служил ли новгородский кремль резиденцией князя в ранний период его существования, был ли он создан властью Рюрика или существовал до него как средоточие иных форм государственности.

Традиционный ответ на этот вопрос обычно извлекался из наблюдений над топографией новгородского кремля, который в позднейшее время делился на две половины, различающиеся по своему административному характеру. Северная половина кремля именуется владычной (т. е. епископской), южная — княжеской. Предполагалось, что это деление имеет глубочайшие корни, восходя к начальной поре новгородской истории.

Археологические исследования кремля были проведены в последние три десятилетия в связи с его реставрацией. В ходе этих работ, однако, было установлено, что вся южная (княжеская) половина цитадели возник-

ла лишь в 1116 г., когда кремль был расширен примерно вдвое. В предшествующую эпоху здесь находились окраинные районы Людина конца с сложившейся системой уличной планировки: прибрежные части его улиц были отсечены новой крепостной стеной. Но даже оказавшись внутри цитадели, эти части улиц сохраняли вплоть до конца XV в. свое административное подчинение тем районам города, от которых они физически были отторгнуты. Наименование этой части кремля княжеской возникло не ранее конца XV в., когда с присоединением Новгорода к Москве здесь была размещена московская княжеская администрация.

Что касается северной половины кремля, то древнейшая цитадель не была адекватна и ей. Древнейший кремль соответствует северо-западному сектору существующей крепости, целиком занятому постройками епископского двора и городским Софийским собором, у стен которого располагалась вечевая площадь. Единственная улица, пересекавшая первоначальную цитадель, уже в ранних письменных свидетельствах носит наименование Пискуплей (от «бискуп» — епископ).

Место княжеской резиденции в Новгороде хорошо известно. Двор князя находился на Торговой стороне, у берега Волхова, на участке, носившем название Ярославова дворища, названного так после сооружения здесь деревянного дворца Ярославом Владимировичем в конце X или в начале XI в. Этот участок находился в любом случае вне системы фортификаций Славенского конца, и создание княжеской резиденции потребовало здесь сооружения мощной дубовой оборонительной стены, частично раскрытой раскопками 1948 г. Загородная резиденция князей — Городище, в 2 км от Новгорода — возникает на рубеже XI—XII вв., в эпоху обострившейся в Новгороде антикняжеской борьбы.

Таким образом, появление в Новгороде призванного волей конфедерации князя не повлекло его внедрения в городскую цитатель, занятую иными общественными институтами. Князь оказался как бы экстерриториален относительно кремля, став во главе некой параллельной системы государственной власти, обладавшей, надо полагать, не всеми присущими ей функциями. Сам факт призвания князя трактуется в Новгороде в дальнейшем как одна из главных конституционных основ города, а именно «вольности в князях»: призвание и изгнание

князя и в XII, и в XIII в. считаются непреложной прерогативой веча, со ссылкой на исконность такого порядка.

Средоточием каких же общественных сил может быть признан первоначальный кремль? Как уже сказано, в нем находилась вечевая площадь. Именно в кремле вече собиралось в дальнейшем по таким важным поводам, как утверждение на престоле приглашенных князей, выборы епископов и т. п. До установления второй вечевой площади на Ярославовом дворище в XII в. (что имело и символический характер торжества победившей боярской власти над князем) такая площадь в кремле была единственной. Кроме того, в конце X в. в кремле сооружается дубовый 13-верхий Софийский собор, главная церковь Новгорода. Хорошо известно, что первые христианские храмы на Руси ставились на месте языческих капищ, освящая и очищая тем самым места отправления «поганского» культа. Здесь же размещена резиденция епископа, сменившего представителей предшествующего языческого культа — жрецов. Имеются определенные основания полагать, что первоначальный кремль в Новгороде был создан для защиты именно жречества и вечевых органов власти, т. е. имел назначение межплеменного центра, что, естественно, дополняется и функцией убежища для населения жилых поселков в минуту военной опасности.

Понимая таким образом раннюю расстановку политических сил Новгорода в момент призвания скандинавского князя, мы обнаружим, что вся дальнейшая история города, вплоть до знаменитого антикняжеского восстания 1136 г., является историей борьбы двух форм государственности — традиционной вечевой, сложившейся на основе древних родо-племенных институтов, и привнесенной княжеской. Эта борьба ведет к постепенному перераспределению юрисдикции, уточнению функций вечевой и княжеской власти.

Важнейший этап этой борьбы — время Ярослава Мудрого, который в результате поддержки, оказанной ему новгородцами, утвердился на киевском престоле. Поддержка не была бескорыстной, поскольку она была компенсирована вынужденным предоставлением новгородскому боярству «Ярославлих грамот», под которыми понимается Краткая правда, — законодательный кодекс, предоставляющий боярству право неподсудности

князю. Это право реализуется в конце XI в. созданием важнейшего республиканского органа — боярского посадничества, а в дальнейшем — изъятием из-под юрисдикции князя и податного населения Новгорода, подчиненного республиканскому тысяцкому.

Вече, посадник, тысяцкий — элементы противостоящей князю государственной структуры — не возникают и не могут возникнуть из недр княжеской администрации. Они генетически восходят к институтам родо-племенного периода. Тем самым древняя, докняжеская государственность продемонстрировала свою исключительную жизнестойкость, наличие более значительных творческих сил и органическое соответствие структуре новгородского общества.

Роль приглашенного князя в этих условиях оказывается ролью третейского судьи, которая по существу и закрепляется за ним в ходе республиканских преобразований в Новгороде XII в. В подтверждение этого можно привести одно обстоятельство, которое на первый взгляд способно показаться парадоксальным. Одной из важнейших регалий княжеской власти в Новгороде была свинцовая булла, которую князь в XI — начале XII в. привешивал к официальным документам. В ходе восстания 1136 г., когда новгородское боярство окончательно восторжествовало над князем, можно было бы ожидать, что роль его сведется до минимума. Размышляя о функциях князя после 1136 г., исследователи предполагали, что он сохранен в Новгороде как символ военного и политического союза с наиболее сильными русскими княжествами или же как профессиональный глава новгородского войска. Последнее предположение не основательно, поскольку в Новгород довольно часто приглашались князья-младенцы, не способные даже сесть на коня. Между тем к настоящему времени в Новгороде найдено много сотен свинцовых печатей, некогда скреплявших официальные акты. Их хронологический анализ показал, что именно начиная с 1136 г. наблюдается небывалый расцвет княжеской буллы. От периода 1136 г. — начала XIII в., например, сохранилось около 800 печатей новгородских князей, тогда как предшествующая пора представлена тремя-четырьмя десятками этих предметов. Договоры с князьями XIII в. свидетельствуют, что печатями скреплялись документы поземельных отношений и иные

судебные документы, причем, будучи первым в суде и получая пошлину за печать, князь не имел права окончательного решения без санкции посадника. Мы видим, что восстание 1136 г. в виде главной функции закрепило за князем его судебную деятельность, ради которой он некогда и был впервые приглашен.

* * *

Вопрос о призвании князя теснейшим образом связан с проблемой формирования на Руси законодательных норм. Когда формируются нормы права? Каковы этапы совершенствования этих норм? Разумеется, ответ на эти вопросы необходимо искать в самих юридических кодексах, сохранившихся среди русских средневековых памятников. Однако древнеший из них — Краткая правда — записан в начале XI в. Что касается более раннего времени, то определенные материалы для сопоставления и наблюдения над динамикой развития ранних норм исследователи в основном извлекают из текстов договоров Руси с греками, составленных в 907, 911 и 944 годах.

Обычная схема трактовки этих материалов основывается на представлении о застойности развития права. Так, поскольку в договорах с греками нормой русского права называется кровная месть и компенсация родственникам убитого или потерпевшему (если он был ограблен) без взятия с преступника штрафов в пользу государства, а Краткая правда фиксирует уже существование системы штрафов, делается вывод, что отмеченное изменение возникло только после принятия христианства в 988 г. В более же раннее время действовали древние нормы обычного права, возникшие в догосударственную эпоху родо-племенного строя. Отсутствие в Краткой правде и более поздних модификациях Русской правды XI—XII вв. разделов, касающихся процессуальных норм, впервые зафиксированных в Псковской судной грамоте XV в., привело к мысли о весьма позднем оформлении самого порядка судебного процесса. Все эти мысли самым естественным образом проецировались все на то же представление об основополагающей роли скандинавов в учреждении на Руси правопорядка. Что для изучения этой проблемы дают раскопки Новгорода?

Начать следует с вопроса о процессуальных нормах. В 1976 г. при раскопках в Людином конце Новгорода в слоях рубежа XII—XIII вв. была найдена берестяная грамота № 531. Это большой, длиной в 43 см лист бересты, исписанный с обеих сторон. Он содержал письмо некой Анны к ее брату Клименту. Анна сообщала о судебном деле, в котором она оказалась ответчицей, и просила Климента о помощи. Истцом в этом деле был Коснятин. Анна и ее дочь находившиеся у них деньги Коснятина якобы давали людям в долг под проценты, но при этом не оставляли каких-либо расписок. Коснятин, заподозрив, что они бесконтрольно пользуются доходами от этих операций, грубо оскорбил женщин. Муж Анны Федор, бывший в этот момент в отъезде, вернувшись, избил жену и выгнал ее из дома, а Коснятин вызвал Анну в погост (административный центр сельской округи) и пригрозил послать исполнителей для взятия с нее штрафа.

В тех же слоях обнаружена берестяная записка (грамота № 502), в которой один из участников суда во время разбора уголовного дела посоветовал другому члену суда задать вопрос свидетелю о том, где он находился во время расследуемого грабежа. Именно этим вопросом следовало начинать разбор дела о грабеже по Псковской судной грамоте, которая также предписывает вызов ответчика в погост, если он является сельским жителем, и получение компенсации от ответчика только через судебных исполнителей.

Таким образом, вновь найденные документы, оказавшиеся на 200 с лишком лет более ранними, нежели Псковская судная грамота, наглядно демонстрируют применение сложившихся норм судебного процесса в весьма ранний период, резко изменяя привычные представления о времени возникновения этих норм.

Еще более существенными оказались находки при раскопках долгое время остававшихся загадочными предметов, о которых следует рассказать подробно.

Еще в 1951 г. в слое второй половины XI в. на Неревском конце был найден странной формы деревянный цилиндр длиной около 8 см с двумя сквозными, взаимно пересекающимися каналами. На поверхности цилиндра имелись отпечатки некогда обматывавшего его шнура, вырезанное изображение геральдического княжеского знака и надпись «Емца гривны три».

Наличие на цилиндре княжеского знака свидетельствовало о принадлежности предмета к княжескому хозяйству. Термин «емец» известен из Краткой правды: он обозначал княжеского чиновника, которого посылали для сбора судебных штрафов с общин, отвечавших за преступления, совершенные в пределах их территорий. Однако само назначение цилиндра оставалось загадочным.

Рис. 3. Деревянная бирка сборщика дани.

Спустя четыре года, в 1955 г. проблема функционального назначения этого предмета снова встала перед археологами, когда на той же усадьбе и в слоях того же времени был обнаружен еще один такой же цилиндр с надписью «княже» (т. е. княжеское). Третий цилиндр был найден в 1970 г. на Славенском конце в пластах XI в. На нем не было надписей, но дважды был вырезан княжеский знак. Особенность этой находки заключалась в том, что короткий поперечный канал в ней был плотно забит деревянной пробкой слегка конической формы, противоположный более узкий конец которой расщеплен и заклинен, благодаря чему извлечение пробки максимально затруднено. Четвертый цилиндр обнаружен в 1973 г. при раскопках в Загородском конце в слое XI в. В нем имелась такая же пробка, а на его поверхности надпись «Емца 10 гривен». Пятый цилиндр той же конструкции, с пробкой, но без надписей найден при раскопках на Славенском конце в 1980 г. Наконец, в том же 1980 г. еще два цилиндра, один из них с подобной же пробкой, найдены при раскопках Людина конца. На одном изображен княже-

ский знак и надпись «В 9 гривнах и гривне — гривна». На другом — княжеский знак, изображение меча и длинная надпись: «Мешок мечника Плотвицы под этой метой».

Последняя находка стала ключом к пониманию всей группы загадочных находок. Цилиндры оказались бирками к мешкам с ценностями, выполнявшими в то же время роль замков, гарантирующих сохранность содержимого этих мешков. Концы веревки, продернутой через горловину мешка, пропускались навстречу друг другу в длинный канал цилиндра, затем вместе выводились наружу через короткий канал, завязывались узлом, после чего узел убирался внутрь цилиндра и заклинивался неподвижной деревянной пробкой. После этой операции проникнуть в мешок можно было, только разрезав шнур или расколов цилиндр, или же разрезав сам мешок.

Надписи на цилиндрах свидетельствовали, что содержимое одних мешков предназначалось для князя, других — для сборщиков судебных штрафов (емец и мечник — синонимы), третьих — для церкви или жрецов (надпись «в 9 гривнах и гривне — гривна» соответствует норме церковной десятины). Между тем, согласно Краткой правде, именно князь, сборщики штрафов и церковь были получателями судебных штрафов, раздел которых на три указанные доли определялся по нормам этого кодекса и производился самой общиной.

Таким образом, деревянные цилиндры с надписями оказались материальными памятниками юридической практики. Но самое важное, связанное с ними обстоятельство состоит в том, что два последних цилиндра обнаружены в слое 70-х годов X в. и несут на себе знаки князей Ярополка Святославича (977—980) и Владимира Святославича (970—977). Иными словами, они доказывают существование штрафов в пользу государства еще в языческий период, причем эта система, как и сама организация сбора штрафов, соответствует той, какая была известна по более позднему источнику начала XI в. В данном случае небольшая временная разница в 30—40 лет имеет принципиальное значение, заставляя иначе понимать хронологические основы формирования важнейших законотворческих процессов.

Как же в этой связи объяснить отсутствие системы штрафов в договорах с греками? Анализируя имена

упоминаемых в них послов Руси, возможно утверждать, что все они являются норманнскими и принадлежат представителям варяжской дружины Олега и Игоря, отражая нормы скандинавского права, характеристика которого, таким образом, нуждается в документальном уточнении в неменьшей степени, чем рассмотренная здесь проблема формирования правопорядка на территории славянской Восточной Европы.

* * *

Находка деревянных цилиндров оказалась важной и для понимания другой исторической проблемы: что такое новгородское боярство? В чем состояла экономическая, материальная основа его могущества и его успехов в борьбе с княжеской властью? Чтобы оценить значение новых материалов, надо в краткой форме остановиться на характеристике новгородского боярства, сложившейся в современной историографии. Давно прошло то время, когда в боярах видели крупнейших купцов, занявших главные посты в государстве после удачных торговых операций. Обстоятельное изучение письменных источников еще в 30-х годах нашего столетия привело историков к обоснованному выводу, что материальной базой боярства в Новгороде было крупное и крупнейшее землевладение. Письменные свидетельства показывают наличие у бояр громадных латифундий как в пределах новгородской метрополии, так и на вновь освоенных землях Севера.

Очевидным в общей характеристике боярства оказывается еще один элемент: это сословие не пополнялось извне. Купец, даже став крупнейшим землевладельцем, не превращался в боярина и не мог претендовать на занятие поста посадника — главы боярской республики. Разбогатевший ремесленник, как и купец, входил в сословие житьих (зажиточных) людей, не обладавшее полнотой политических привилегий. Боярство основано только на наследственном праве и было, таким образом, сословием аристократии. Логично думать, что корни этого сословия растут не из пришлой с князем дружины, а из той родо-племенной старейшины, которая, пригласив князя, оставалась враждебной ему, коль скоро и завоевание государственной власти боярами произошло в результате их антикняжеской борьбы.

Однако существует одно немаловажное обстоятельство, нуждающееся в специальном обсуждении. Принято полагать, что успехи боярства Новгорода в 30-х годах XII в. и его торжество над князем в 1136 г. явились результатом дальновидной политики бояр и недальновидной политики князей в отношении к землевладению. В то время как князья (а в Новгороде, как правило, в XI в. княжили старшие сыновья и потенциальные преемники киевского князя) рассматривали свою новгородскую деятельность как последнюю, временную ступень перед занятием киевского престола и не стремились к созданию домениальных владений на территории Новгородской земли (что в равной степени касается и княжеских дружинников, т. е. двора князя), местная аристократия на протяжении X—XI вв. исподволь прибирала к рукам общинные земли, превращая их в свои личные владения. В результате уже в XI в. рядом со слабым князем выросло крепко стоящее на земле боярство, что и предопределило его успех в борьбе с князем за власть в государстве.

Между тем в последние годы, особенно в результате исследования берестяных грамот, стало очевидным, что формирование вотчинной системы, в том числе и домениальной системы княжеского землевладения, началось не ранее первого десятилетия XII в. или, в лучшем случае, последнего десятилетия XI в., т. е. тогда, когда новгородское боярство уже добилось существенных успехов в антикняжеской борьбе. К 80-м годам XI в. относится формирование главного органа боярской государственности — посадничества. В 90-х годах XI в. князья создают загородную резиденцию, избегая опасности жить в накаленной обстановке Новгорода. Принцип вольности неоднократно применяется вечем во второй половине XI в., а еще в начале столетия Ярослав Мудрый вынужден был идти на существенные уступки боярам, признав их право неподсудности ему.

Отсутствие в этот период личного боярского землевладения снова возвращает нас к вопросу об экономической базе боярства в эпоху, предшествующую наступлению на общинную собственность. Возможность ответить на такой вопрос дают все те же деревянные цилиндры.

Если бы цилиндры сборщиков судебных штрафов были обнаружены в пределах княжеских резиденций,

не было бы места сомнению, что сбор штрафов и других видов государственных доходов был сосредоточен в руках княжеской дружины, непосредственного аппарата княжеской администрации. Однако во всех пока известных случаях цилиндры найдены там, где в XII—XV вв. стояли усадьбы бояр, вершивших судьбы Новгородской республики в период ее расцвета. Они встречены уже в четырех новгородских концах, на Софийской и Торговой сторонах. На тех же усадьбах в слоях XI в. не один раз были найдены и трапециевидные шейные подвески с изображением княжеских геральдических знаков, которые трактованы исследователями как удостоверительные регалии сборщиков податей.

Очевидно участие местной аристократии в сборе государственных доходов с территории Новгородской земли в X—XI вв. и в разделе этой ренты по иерархическому принципу. И в хрониках имеются указания на существование такого принципа раздела. Так, в 1016 г. после победы над Святополком Ярослав вознаграждает новгородцев, раздав старостам и новгородцам по 10 гривен, а смердам по 1 гривне. Можно догадываться, что отдельные территории Новгородской земли были закреплены за определенными боярскими семьями для сбора с них государственного дохода. Любопытное подтверждение этой мысли было обнаружено при анализе берестяных грамот, найденных при раскопках на древней Черницыной улице Людина конца.

В документах разного времени, происходящих из этого комплекса, фигурирует один и тот же погост, находившийся в верхнем течении реки Шелони, неподалеку от города Порхова. Самые поздние из этих документов относятся к XIV в., однако обращение к письменным источникам XV в. обнаруживает, что эти земли и в последний период новгородской независимости не были личной собственностью, а входили в фонд государственных земель. Документ XII в. прямо свидетельствует, что в нем идет речь о государственных доходах. Однако самым важным оказывается берестяной документ 70-х годов XI в., происходящий из того же комплекса и упоминающий те же земли, но не только их.

В нем (берестяная грамота № 526) содержится список неких людей, которые должны автору документа в общей сложности около 26 гривен (примерно 1 кг 320 г

Рис. 4. Берестяная грамота № 526.

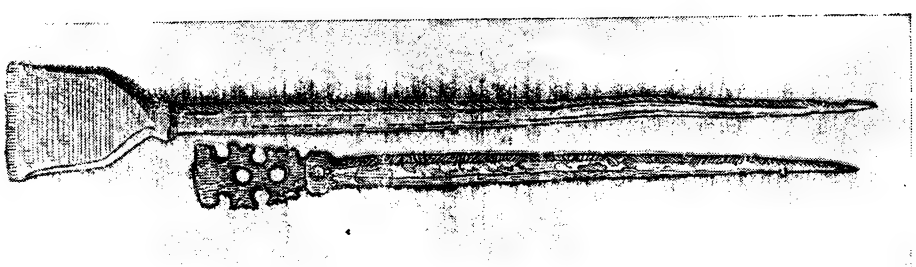


Рис. 5. Орудия письма на бересте — металлические писала.

серебра). Эти должники живут на Луге, на Шелони, в Руссе, на Селигере, в Дубровне, т. е. в диаметрально противоположных концах Новгородской метрополии, на удалении от Новгорода от 80 до 250 км. Столь широко раскинутая паутина ростовщических операций одного человека в эпоху почти непотревоженного натурального хозяйства до возникновения личной земельной собственности могла быть сплетена только лицом, имевшим прямое отношение к государственному фиску. Связанные со сбором государственных доходов разъезды придавали ему особую мобильность, позволяя использовать ее и для личного обогащения, активно эксплуатируя денежное обращение заключением ростовщических сделок.

В этой связи особенно важным представляется давно замеченное противопоставление берестяных грамот XI—XII вв. более поздним берестяным документам. В первых речь идет в основном о денежных, чаще всего ростовщических операциях, во вторых — о земле и связанных с ней заботах. Эпохе решительного наступления на землю предшествовала эпоха накопления материальных средств для такого наступления.

* * *

Одним из важнейших достижений археологии в Новгороде является изучение городских усадеб и превращение усадебного комплекса в главный объект раскопок. Оно началось в 1951 г. на Неревском конце, где был заложен постепенно, из года в год расширявшийся раскоп, который к 1962 г. достиг общей площади в 8840 м^2. Преимущество раскопок широкой площадью не нуждается в особых обоснованиях. В небольшом раскопе, как правило, оказываются лишь части отдельных построек, не дающие уверенности даже в определении их объема, не говоря уже об определении их назначения. Если сравнивать такой раскоп с летописью, то его можно уподобить даже не странице, а клочку страницы с обрывками фраз, не поддающимися осмыслению.

Неревский раскоп можно сравнить с книгой, каждая страница которой — откровение. В его пределах были обнаружены три мощеных деревом улицы — Великая (главная магистраль Неревского конца, начало торговой дороги из Новгорода к Балтике) и пересекающие ее Холопья и Козмодемьянская. По сторонам раскопано

восемь усадеб, из них четыре почти полностью. Поскольку на раскопанном участке уличные настилы возобновлялись с X по XV век 30 раз, значит, и история этих усадеб, разделенная на 30 последовательных этапов, предстает перед нами в ее динамике.

Усадьбы Великой улицы отличаются несколькими особенностями, которые можно назвать типическими. Все они весьма велики по своей площади; их размеры колеблются в пределах 1200—1500 м², что уже само по себе содержит социальную характеристику владельцев, бывших, несомненно, очень богатыми людьми. Во-вторых, площади этих усадеб оказались в высшей степени стабильными. Линии частоколов, проведенные в момент заселения участка в первой половине X в., остаются неизменными на протяжении всего последующего периода вплоть до самых верхних, сохранивших древние деревянные конструкции слоев, которые здесь датируются серединой XV в. Очевидно, что на усадьбах исследованного участка жили люди не просто богатые, но принадлежавшие к экономически устойчивому сословию, которому не приходилось дробить свои владения, отказываться от части их или каким-либо иным способом демонстрировать свою нестабильность.

Социальная характеристика владельцев извлекается и из наблюдений над планировкой усадеб. В набор построек всегда входит большой двух- или трехэтажный господский дом, менее значительные по своей площади жилые дома зависимых людей, хозяйственные постройки (баня, амбар, навес для летнего содержания скота), почти всегда какая-нибудь ремесленная мастерская с остатками сырья, полуфабрикатов и инструментов. Сочетание на одной усадьбе господского жилища с жилищами челяди и вотчинных ремесленников остается неизменным.

Конкретная принадлежность ряда усадеб на раскопанном участке в XIV—XV вв. была определена находками здесь многочисленных берестяных грамот (всего на Неревском раскопе обнаружено около 400 берестяных документов в слоях XI—XV вв.). Выяснилось, что в начале XIV в. на Великой улице жил глава Новгородской республики посадник Варфоломей Юрьевич и его сын посадник Лука. В середине того же столетия многими берестяными грамотами, в том числе и двумя автографами, здесь зафиксировано место жительства

крупнейшего политического деятеля Новгорода посадника Онцифора Лукича (внука Варфоломея), при котором по его инициативе была проведена важнейшая реформа государственного управления Новгородской республики. Во второй половине XIV — начале XV в. здесь жил знаменитый дипломат, военачальник и градостроитель посадник Юрий Онцифорович, а затем его сын Михаил и внуки Андреян и Никита. Таким образом, участок на протяжении полутораста лет был связан с пребыванием на нем одной из самых знаменитых боярских семей, давшей Новгороду несколько поколений руководителей государства.

Установление этого обстоятельства поставило исследователей Новгорода перед важной методической проблемой. Если все открытые на Великой улице усадьбы примерно равновелики, каким же образом проявлялась в конкретном материальном выражении исключительность подобной семьи? Ведь трудно представить себе, что быт горожан был нивелирован даже в пределах одного сословия. Между тем открытые здесь усадьбы не различались ни по площади, ни по планировке, ни по ассортименту материальных бытовых остатков. Решение этой проблемы привело к неожиданному формированию новых проблем, вернувших исследователей к вопросу о первоначальной структуре Новгорода.

Прежде всего изучением топографии открытых на Неревском раскопе берестяных грамот установлено, что документы, адресованные разным членам боярской семьи Варфоломея и его потомков, концентрируются на разных усадьбах. В пределах раскопа три усадьбы, компактно расположенные в его южной части, принадлежали представителям этой семьи. Однако этими усадьбами городское землевладение Варфоломея и его потомков не ограничивалось. Раскопанный участок окружен несохранившимися ныне средневековыми церквами, так или иначе связанными с семьей Варфоломеевичей. В одной из них они хоронили своих покойников, в другую совершили вклад как ее прихожане, в строительстве еще двух принимали непосредственное участие. Одни из церквей отстоят от раскопа на 50—70, другие — на 120—130 м. Было высказано предположение, что эти церкви возведены на земле, принадлежавшей посадничьей семье. В 1969 г. это предположение проверено раскопками на участке, примыкавшем к одной из

таких церквей, и первая же найденная в новом раскопе берестяная грамота оказалась письмом, адресованным Юрию Онцифоровичу.

Материалы летописей и кадастровых описей конца XV в. содержат указание на то, что в ближайшем соседстве с раскопанным на Неревском конце участком находились усадьбы посадника Александра Самсоновича и знаменитой в истории Новгорода Марфы Исаковой Борецкой («Марфы-посадницы»). Сбор генеалогических сведений об этих лицах позволил выяснить, что они принадлежали к тому же роду. Предком Александра Самсоновича и Исаака Андреевича Борецкого был сын Варфоломея Матфей, родной брат Луки Варфоломеевича. Между тем усадьбы этой линии боярской семьи в пределах раскопа не были обнаружены. Значит, они находились на прилегающих к нему участках. Очевиден вывод, что землевладение боярских семей в Новгороде было клановым, образующим компактные гнезда из 10—15 усадеб. И хотя берестяные грамоты при всем их обилии не позволяют проследить генеалогию семьи Варфоломея дальше рубежа XIII—XIV вв., нет основания сомневаться, что подобное гнездо не могло возникнуть в указанное время. Сама стабильность усадебной планировки и обширность гнезда свидетельствуют в пользу того, что семейное землевладение было здесь изначальным.

В древнейших слоях Неревского раскопа, в материковой яме было обнаружено жертвоприношение, состоящее из девяти деревянных ковшей и кусков воска, определяемое как строительная жертва. По-видимому, расчищая яму, мы как бы присутствовали при возникновении этого кланового гнезда: девять членов рода, будущих дворохозяев, принесли своим языческим богам жертву перед началом застройки своего участка.

Иная картина открылась при раскопках в другом районе Новгорода — на Ильиной улице Торговой стороны, где в слоях XI—XIII вв. были обнаружены небольшие по 400—450 м^2 усадьбы, в которых никак не проявляется социальная неоднородность их жителей. В каждой из них жилой дом был единственным и небольшим, но также имелись хозяйственные постройки и ремесленные мастерские. В начале XIV в. эти небольшие усадьбы были поглощены одним крупным владением с господским домом и дополняющими его жилыми

домами небольшого размера. Найденные в слоях XIV в. берестяные грамоты показали, что новое владение принадлежало двинскому наместнику боярину Феликсу. Масштабы усадеб и их нестабильность позволяют определить их как владения свободных горожан непривилегированного состояния — ремесленников, средней руки торговцев и т. п. Указанный участок находится вне районов распространения наиболее мощного культурного слоя, о чем говорит и его первоначальное заселение только в XI в.

Сопоставляя боярский и небоярский участки, мы вправе предполагать, что в начальный период существования Новгорода его районы-концы отличались весьма рыхлой структурой. Боярские гнезда компактно расположенных и родственно связанных усадеб отделялись одно от другого пустопорожними пространствами, впоследствии заселенными свободным непривилегированным населением. Эти участки образовали как бы соединительную ткань между древнейшими боярскими гнездами. Эти две разные структуры находились и в разном административном подчинении. Источники говорят о двух фигурах в государственном руководстве Новгородом. Интересы бояр выражал глава республики — посадник. Интересы свободного тяглого населения представлены тысяцким и подчиненными ему соцкими. Если боярские концы были способом объединения аристократии, находящейся вне княжеской юрисдикции, то децимарная система (организация населения по сотням, тысячам и т. д.), сосредоточенная поначалу в руках князя, в дальнейшем перешла в руки республиканского тысяцкого, должность которого к XIV в. также была узурпирована боярами. Чересполосное расположение боярских и сотенных участков не позволяет, характеризуя Новгород, пользоваться привычным термином «посад», которым в средневековых городах обозначаются районы, заселенные ремесленниками, торговцами и прочим свободным, но непривилегированным населением. Посаду в нем соответствуют участки причудливой конфигурации, составляющие ту соединительную ткань между боярскими гнездами, о которой речь шла выше.

Возвращаясь к боярским гнездам, следует обратить особое внимание на их внутреннюю структуру. При раскопках Новгорода археология получила во много десят-

ков раз больше материалов по истории городского ремесла, чем в любом другом древнерусском городе. В нем открыто более 130 ремесленных мастерских разных веков. Среди них — мастерские замочников, кожевников, ювелиров, литейщиков, токарей, бочаров, гребенников, бондарей, сапожников, пивоваров, ткачей, красильников, хлебников, пряничников и т. д. Однако в большинстве случаев эти мастерские обнаружены на боярских усадьбах, т. е. они были вотчинными, принадлежавшими хозяину усадьбы, который использовал в них труд зависимых от него мастеров.

Поскольку в состав боярского гнезда входило много усадеб, а почти на каждой из них была та или иная мастерская, то в своей совокупности они образовывали значительные ремесленные комплексы разнородных производств, которые все вместе удовлетворяли основные потребности такого гнезда в предметах ремесла, но каждое из производств, несомненно, было также товарным, поставляющим свою продукцию и на рынок, принося главный доход владельцу усадьбы. Такая структура производства объясняет некоторые особенности экономического развития Новгорода. В нем не возникло цеховых организаций, несмотря на высокий профессионализм мастеров во всех отраслях ремесла, поскольку отсутствовали необходимые условия для объединения мастеров по профессиональному признаку. Напротив, система вотчинного разделения воздвигала между ними рубежи, существование которых, несомненно, культивировалось боярством.

Постоянно участвуя в борьбе за власть и политическое влияние в Новгороде, «призом» в которой была выборная и ежегодно обновляемая должность посадника, родственно консолидированные территориальные группировки бояр всегда имели возможность направить социальное недовольство ремесленников против существующих властей, так как и сами они, стремясь к власти, были их противниками. Убеждая население конца в том, что все беды и невзгоды происходят от того, что власть принадлежит представителям иного конца, они добивались известного политического единства семей собственной территории. Лишь в XV в., когда организуется коллективное посадничество из представителей всех концов и устройство боярской республики приобретает ярко выраженный олигархический

характер, замечается консолидация простого населения, направленная против боярства в целом. Но главной акцией такой консолидации оказывается отказ в поддержке боярского государства в момент присоединения Новгорода к Москве в 1478 году.

* * *

Одним из существенных вопросов истории Новгорода всегда было выявление степени демократизма новгородского политического устройства. Во времена Радищева и декабристов историки и публицисты видели в Новгородской республике оплот народовластия, антитезу монархии. На последующие поколения историков большое влияние оказало красочное изображение новгородского веча Н. М. Карамзиным в его повести «Марфа Посадница». Повесть начинается с рассказа о звоне вечевого колокола, на который собирается 10 тыс. жителей Новгорода для обсуждения важнейших политических дел. Неоднократно высказывалась мысль о том, что в вечевом собрании участвовало все свободное взрослое население города — от бояр до простых ремесленников и мелких торговцев.

Эта проблема встала и перед археологией, которая в процессе раскопок способна установить размеры вечевой площади и, следовательно, составить представление о ее емкости. Поскольку многочисленные показания летописей и актов определяли местонахождение главной вечевой площади XIII—XV вв. на Ярославовом дворище, около церкви Николы, этот район оказался в центре пристального внимания археологов еще в 1937 г. Раскопки велись здесь на протяжении нескольких лет, в последний раз — в 1948 г. Было заложено 13 больших и малых раскопов, густой сеткой покрывших почти всю возможную территорию местонахождения этой площади. Однако везде, во всех слоях, в том числе и в напластованиях XIII—XV вв., здесь были обнаружены лишь остатки обычной жилой и хозяйственной застроек. Ни настилов мощеной площади, ни просто пустых пространств, которые могли быть использованы для размещения народного собрания, в исследованных раскопах не было.

Однако эти работы имеют и несомненный положительный результат. Поскольку существование вечевой площади около церкви Николы несомненно, значит она

находилась на той территории, которая еще остается неисследованной. Неисследованным между тем оказывается лишь один участок, занятый в настоящее время поздним западным притвором к церкви Николы и стоящим напротив него двухэтажным зданием, построенным во второй половине XIX в. Величина этого простанства составляет примерно 1200—1500 м², т. е. не превышает объема боярской усадьбы Великой улицы. Сколько человек может разместиться на ней?

Из показаний письменных источников, в том числе летописей, известно, что на вечевой площади стояла «степень» — трибуна для посадников и других руководителей республики, занимавших магистратские посты. Площадь также была оборудована скамьями. В одном летописном сообщении XIV в. рассказывается, что, провоцируя конфликт, жители одного из концов в доспехах, замаскированных верхней одеждой, подсели к своим безоружным противникам. Значит, участники веча сидели, а не стояли.

Принимая во внимание эти обстоятельства, можно утверждать, что состав вечевого собрания был сравнительно невелик — максимально 400—500 человек. Эта цифра близка к показанию немецкого источника 1335 г., называющего главный орган новгородской власти «300 золотыми поясами». Возможно предположить, что такое наименование было традиционным и восходило к той поре, когда в Новгороде до последней четверти XII в. было только три конца. В эту раннюю эпоху каждый конец посылал на вече сотню своих представителей. С расширением числа концов сначала до четырех, а с последней четверти XIII в. до пяти пропорционально увеличивалось и число участников веча.

Однако приведенные цифры сопоставимы с другим рядом явлений. Громадные усадьбы, открытые на Неревском конце, существовали не только в нем. Точно такие же дворы были обнаружены в процессе раскопок во всех районах Новгорода, располагавших наиболее значительным культурным слоем. Сравнение этих данных с объемом таких территорий дает цифру, примерно равную 400—500. Если приведенное сопоставление справедливо, то мы получаем право говорить об узкосословном характере городского веча. Его участниками, представителями концов были наиболее богатые дворовладельцы, прежде всего бояре. Даже если это мнение

требует какой-либо корректировки, представление о многолюдности городского веча, об участии в нем всего свободного населения оказывается несостоятельным.

В то же время несомненным представляется наличие в Новгороде более высокой творческой инициативы народных масс, которая находит косвенное отражение, например, в широком развитии грамотности в среде ремесленников и торговцев. В прежние времена существовало устойчивое мнение, что в древней Руси грамотными были лишь князья и попы, да и то не все. Открытие нового массового источника — берестяных грамот — показало, что это представление ошибочно. Авторами многих грамот были ремесленники, холопы, крестьяне и, что особенно показательно, женщины.

По-видимому, преимущества республиканского строя и его внешний демократизм покоились на иных основах. Одной из них могла быть гласность народного собрания. Хотя его участниками были богатейшие новгородцы, но работа веча шла под открытым небом, и не имеющие официального права голоса на нем все же располагали видимостью деятельного участия, криками порицания и похвалы реагируя на ход дебатов. Другая основа может быть связана с многоступенчатостью вечевого собрания. Кроме общегородского веча, характеристика которого уже изложена, в Новгороде существовали кончанские и уличные вечевые собрания. Если общегородское представительное вече было по существу искусственным образованием, возникшим в результате создания межкончанской политической конфедерации, то низшие ступени веча генетически восходят к древним народным собраниям, и их участниками могло быть все свободное население концов и улиц. Именно они были важнейшим средством организации внутриполитической борьбы боярства за власть, так как на них проще было разжигать и направлять в нужное боярам русло политические страсти их представителей из всех сословий конца или улицы.

Той же цели служило и массовое строительство боярами церквей на границах своих гнезд. Выше уже рассказывалось о том, что гнездо боярских усадеб потомков Варфоломея было окружено церквами, количество которых явно превышало потребности населения самого этого гнезда. На одной из раскопанных усадеб этого комплекса был обнаружен и значительный уча-

сток, выделенный для размещения на нем клириков ближайшей к нему церкви. По-видимому, избыточное с точки зрения внутренней потребности церковное строительство было рассчитано на то, что прихожанами таких церквей становились и жители соседних территорий, влиять на которых входило в обязанности находившихся на жаловании у бояр клириков. Наблюдения над топографией новгородских средневековых церквей обнаруживают ряд подобных комплексов в разных районах. Эти комплексы представляются как бы индикаторами местонахождения боярских гнезд, подобных исследованному на Неревском конце.

Что касается уличных вечевых собраний, то дважды во время раскопок (на Неревском конце и в Людином конце) были обнаружены выгороженные для них участки на перекрестках улиц. В обоих случаях эти участки находились на боярской земле.

* * *

Существовавшее ранее представление о том, что новгородские бояре как сословие оформились в результате первоначальной купеческой деятельности, исходило из общих представлений о выдающемся торговом значении Новгорода в системе международных связей Запада и Востока. Новгород действительно был таким центром, и археологические исследования каждый год приносят яркие материалы, совершенствующие картину дальних торговых путей, соединявших Новгород с разными странами.

Одной из впечатляющих в этом смысле была находка, обнаруженная в 1965 г. на Ильиной улице Торговой стороны. Тогда в слое XIV в. был найден слиток свинца весом в 151 кг в виде отрубленной четверти большого диска с отщепленным крюком для удобства его транспортировки. После очистки этого слитка от налипшей земли на нем обнаружили клейма с изображением коронованного одноглавого орла и буквой К под короной. Эти клейма принадлежали польскому королю Казимиру Великому (1333—1370) и хорошо известны по изображениям на его монетах, чеканенных для Червоной Руси. Металлографические исследования рудной свиты этого свинца установили, что он добыт в краковских полиметаллических месторождениях, а вес слитка оказался равным прусскому шиффунту, приме-

нявшемуся в польской торговле XIV в. До находки слитка хорошо было известно об употреблении в Новгороде английского и венгерского свинца. Новая находка показала, что и Польша состояла в числе поставщиков металла в Новгород.

Одной из наиболее массовых находок среди новгородских древностей являются деревянные гребни для расчесывания волос. Многие сотни их найдены во всех слоях, кроме слоев XI в. Главная их особенность — великолепная сохранность. Если в подавляющем большинстве случаев извлеченные из новгородского культурного слоя древние деревянные предметы, идеально сохранив свою форму, до предела насыщены избыточной влагой, и главной заботой археологов в работе с ними оказывается способ их дешевой стабилизации, то деревянные гребни, как правило, не нуждаются в особых мерах по их сохранению: они прекрасно высыхают на воздухе, не подвергаясь деформации. Эта их особенность потребовала исследования древесины, в результате которого выяснилось, что все они сделаны из самшита. Однако ближайшие районы, в которых растет это дерево, — склоны Талыша у южного берега Каспийского моря и Черноморское побережье Кавказа. Статистическое исследование гребней установило, что самшит в Новгород привозили по Волжскому пути, а их отсутствие в слоях XI в. объясняется тем, что в указанное время Волжский путь был блокирован враждебными Руси кочевниками — половцами. В XII в. в Новгороде были вынуждены пользоваться костяными гребнями. С восстановлением торговых связей снова стал употребляться излюбленный самшит.

Можно было продолжить число примеров такого рода, но все они ведут к одному важному наблюдению. Главным предметом импорта в Новгород оказывается ремесленное сырье. И это хорошо объяснимо бедностью русского Северо-Запада именно в поделочных материалах. Только железо в виде болотных и луговых руд распространено здесь повсеместно. Только строительный камень встречается в окрестностях Новгорода. Ни золота, ни серебра, ни меди, ни свинца, ни олова, ни поделочных камней в недрах Новгородской земли нет, и ремесло, не способное обходиться без этих материалов, вынуждено было ориентироваться на его ввоз извне.

Какое же место занимала торговля в общей системе экономики средневекового Новгорода? Была ли она ее основой?

Для наглядного ответа на этот вопрос следует остановиться на некоторых технологических особенностях такого, казалось бы, простого предмета, как обычный нож. В XI в. ножи в Новгороде изготовлялись техникой «пакета». К стальной полосе-лезвию приваривались с обеих сторон железные полосы-щечки. Благодаря этому нож приобретал свойства самозатачивающегося. В процессе работы им мягкие железные щечки постепенно стирались, а более твердая стальная полоса обнажалась, стираясь гораздо медленнее. Такой нож служил его владельцу практически до тех пор, пока не превращался в узкую полоску металла. В первой четверти XII в. на смену этому приему приходит другой. На широкую железную полосу наваривалась узкая рабочая часть — лезвие. Когда эта часть стиралась, широкий остаток становился бесполезным и его выбрасывали. Срок жизни такого инструмента непродолжителен, зато на его изготовление уходило гораздо меньше труда и рабочего времени.

Сходные процессы в начале XII в. наблюдаются и в других видах ремесла. Например, ювелирные изделия X—XI вв. всегда поражают своей виртуозностью и ярко выраженной индивидуальностью. Они чаще всего чеканены с помощью пуансонов, украшены сканью или зернью — системой мельчайших золотых или серебряных шариков, напаянных на мельчайшие колечки и образующих сложные орнаменты. С начала XII в. эта виртуозная техника уступает место более простой. Предметы той же формы изготовляются в литейных формах, лишь имитирующих старые сложные приемы. Но с упрощением техники резко увеличивается масса ремесленной продукции и возрастает ее доступность более широким кругам населения.

Отмеченное упрощение технологических процессов не является признаком регресса производства. Напротив, оно свидетельствует о важнейшем шаге вперед в области экономики — переходе ремесленников от изготовления своей продукции на заказ к ее преимущественному производству на рынок, о существенном развитии внутренней торговли.

Однако связанное с этим движением вперед резкое

увеличение масштабов производства было возможно только при условии такого же резкого увеличения объема импорта ремесленного сырья. И не случайным в этой связи представляется тот хорошо известный факт, что именно на рубеже XI—XII вв. наступает этап сильнейшего укрепления торговых связей Новгорода с Западной Европой. В это время в Новгороде возникает первая торговая фактория иноземцев — Готский двор с церковью святого Олава на ней.

Увеличение объема импорта, естественно, должно было потребовать эквивалентного увеличения и объема экспорта. Наблюдения над составом экспорта в позднейшие столетия — XIV и XV — показывают, что главные его статьи связаны с потребностью Западной Европы в специфических продуктах северных промыслов. На Запад везли пушнину и моржовую кость, мед и воск, кожи и ценные рыбные продукты. Могли ли сами ремесленники противопоставить эти товары встречному потоку импорта сырья?

Именно на рубеже XI—XII и в 1-й пол. XII в. активизируется колонизационная деятельность новгородцев в северных промысловых районах. В состав Новгородской земли включается территория по течению Северной Двины, побережье Белого моря, земли по северным рекам Печоре и Мезени. Но это — боярская колонизация, характер которой хорошо виден по условиям договоров Новгорода с приглашаемыми князьями, согласно которым князьям не было доступа в так называемые «новгородские волости» (вновь приобретенные земли). Эти земли приносили некоторый доход князю, но доход собирался новгородскими боярами, а не княжескими чиновниками.

Мы видим, таким образом, действие сложного механизма экономических взаимоотношений разных слоев новгородского населения, в разной степени связанного с торговлей. Пружиной этого механизма оказывается преобладающее в Новгороде вотчинное ремесло. Боярин, владея разносторонним ремесленным комплексом, основывал свое материальное могущество на владении землей и при помощи купцов реализовывал продукт землевладения и промыслов, получая главный доход от этой операции. Полученный им доход обменивался на импортные товары, главным среди которых было ремесленное сырье. Этим сырьем снабжались зависимые

от него ремесленники, а главный доход от их производства снова поступал в казну боярина. При очевидной роли торговли в экономике она все же была вторична по отношению к землевладению, бывшему главной экономической основой правящего в Новгороде сословия.

* * *

С землевладением в первую очередь связано и столь яркое явление новгородской средневековой жизни, каким было широкое распространение письма на бересте.

Берестяные грамоты встречены во всех прослойках новгородского культурного слоя, начиная с XI в. и до середины — второй половины XV в. Но особенно много грамот встречается в слоях XIV—XV вв. В конце этого периода получает широкое распространение бумага, вытеснившая в силу своей дешевизны бересту, и берестяное письмо быстро идет на убыль. Проявлением этого, в частности, оказывается следующее обстоятельство. На стенах новгородских церквей сохранилось немало древних надписей, нацарапанных по штукатурке. Палеографически эти граффити датируются XI—XV вв., но со второй половины XV в. они исчезают. Объясняется это тем, что граффити процарапывались тем же орудием письма — металлическим или костяным стилосом, которое применялось для выдавливания надписей на бересте. С массовым переходом к бумаге и гусиному перу привычный атрибут грамотного новгородца— стилос — уходит из употребления, а вместе с ним исчезает и возможность процарапывать надписи на стенах.

Древнейшая берестяная грамота датируется первой половиной XI в., однако существует надежда отыскать и более древние документы, так как орудия письма на бересте встречены в слоях 953—989 гг. К настоящему времени в Новгороде найдено 612 берестяных документов, в Старой Русе — 14, в Смоленске — 10, в Пскове — 4, в Витебске и Мстиславе — по одной. Всего, таким образом, известны уже 642 грамоты на бересте.

Возникает весьма существенный вопрос: является ли резкое преобладание берестяных грамот в Новгороде только результатом более масштабных археологических раскопок в нем или же сравнительная редкость

таких находок в других городах вызвана какими-то иными причинами?

Разумеется, плановый поиск на протяжении более 30 лет — очень важный фактор, определивший сегодня указанное выше соотношение. И тем не менее возможно утверждать, что и при резком увеличении масштаба работ в других древнерусских городах преимущество Новгорода не исчезнет.

Бóльшую часть берестяных документов составляют письма. А переписка предполагает наличие значительного расстояния между автором и адресатом. Писать письма городским соседям, особенно когда письмо требует определенного физического усилия (а выдавливать буквы на бересте гораздо труднее, чем писать гусиным пером по бумаге), не слишком разумное дело. Изложить просьбу или получить совет гораздо проще, посетив нужного человека лично. Иное дело — необходимость общения на расстоянии. Большинство берестяных писем и появилось в результате этой потребности. Главную часть берестяной переписки составляют письма, полученные от крестьян или сельских управляющих, их господами. Эти письма содержат крестьянские жалобы, просьбы о предоставлении семян или инвентаря, донесения управляющих о ходе полевых работ или о состоянии урожая.

Между тем именно Новгороду свойственна неповторимая в таких размерах особенность, в силу которой землевладельцы, особенно распоряжавшиеся крупными вотчинами, были сосредоточены в самом Новгороде, тогда как их владения располагались на значительном удалении от их городских дворов. Проявлением той же особенности может служить любопытный факт, бросающийся в глаза при одном взгляде на карту расположения древнерусских городов XII—XV вв.

Карта любого княжества, будь это Киевское или Смоленское, или Рязанское, демонстрирует наличие в нем множества небольших городов, возникших чаще всего как замки феодалов, вассалов князя. Новгородская земля почти лишена центров городской жизни. Только Псков, Ладога и Русса лишают эту карту пустоты. Другие города — Порхов, Копорье, Ям, Корела, Орлец и т. п. — возникали в XIII—XIV вв. как крепости, узлы обороны на дальних подступах к сердцу земли — Новгороду. Они и не стали в средневековое вре-

мя городами в полном смысле слова: в них содержались гарнизоны и жило какое-то количество людей, обслуживавших военный люд.

Такая ощутимая разница между Новгородской землей и русскими княжествами объясняется достаточно просто. В княжествах вассал князя был по своей природе центробежен; на удалении от своего сеньора он приобретал большую самостоятельность, был сам монархом по отношению к окрестным жителям. Он стремился основать замок и господствовать, живя в нем, над округой. Новгородский боярин, напротив, был в высшей степени центростремителен. При ежегодном обновлении магистратских должностей он располагал реальными шансами быть избранным на любую высокую должность в государстве, в том числе и на пост руководителя республики — посадника. Но для этого ему необходимо было постоянно находиться в гуще политической борьбы, в центре хитросплетений, интриг. Уйти из Новгорода и поселиться в замке вдали от столицы — самый простой путь для того, чтобы превратиться в политического анахорета. Новгород, как сильнейший магнит, притягивает к себе всех претендентов на власть. На территории Новгородской земли были археологически изучены некоторые городища — центры вотчин. На них практически нет культурного слоя: боярин приезжал в них только для личного наблюдения над основными полевыми работами, всякий раз стремясь вернуться в Новгород. Это разделение землевладельца и его землевладения и стало главной причиной активной переписки, вызвав к жизни постоянную необходимость в берестяном письме.

Когда в 80-х годах XV в. после присоединения Новгорода к Москве Иван III вывел из Новгородской земли всех сколько-нибудь значительных землевладельцев, переселив их в московские земли, а на их место послал своих людей, наделяя их за службу бывшими новгородскими вотчинами, превращенными таким образом в поместья, начался активный процесс оседания землевладельцев в местах расположения их поместий. Деятельность новых землевладельцев в этих новых условиях уже не фиксировалась так, как это было в прежнее время, поскольку распоряжения стали отдаваться устно. Подобный порядок, естественно, был свойствен тем же московским землям и в более раннее время.

Что касается научного значения берестяных грамот, то теперь, когда их число достигло столь внушительной цифры, мы можем оценить их открытие как особо выдающееся достижение археологии. Грамоты позволили по-новому характеризовать многие стороны средневековой истории и городской культуры, осветив самые потаенные их уголки, заглянуть в которые еще недавно казалось абсолютно нереальным. Сравнивая их информативные возможности с возможностями других, традиционных источников, можно отметить следующее. Главным источником сведений о средневековой жизни Руси до сих пор остается летопись, погодная хроника. Но интерес летописца всегда был избирателен, он акцентировал свое внимание на необычном. Объявление войны, заключение мира, рождение или смерть князя, выборы епископа, голод, неурожай, эпидемия или эпизоотия, явление кометы и солнечное затмение, даже рождение страшного урода — вот главные его темы. Летописца не интересовал медленный, видимый на удалении процесс развития тех явлений, которые сегодня стали главным предметом, изучаемым историком. Зачем писать о том, что было известно отцу и деду и, по-видимому, останется неизменным при детях и внуках?

Важнейшим источником являются акты, но, отражая конкретное действие, они писались по традиционному, мертвому формуляру, оставляя за гранью своих сообщений общеизвестные прежде, но неизвестные современному исследователю знания. Так, в договорах Новгорода с князьями, написанных по древнему формуляру, конституционной основой называются «грамоты Ярослава», духа и буквы которых должен был придерживаться каждый приглашаемый в Новгород князь. Но «грамоты Ярослава» до нас не дошли, и смысл их с трудом может быть реконструирован совокупным изучением косвенных свидетельств.

Археология в ее обычном понимании способна ввести исследователя в усадьбу и дом средневекового горожанина, показать ему во всех подробностях окружавшую его и изменчивую во времени бытовую обстановку, но она не в силах воскресить человека, заставить зазвучать его голос и дать нам представление о его повседневных заботах, радостях и горестях.

Поэтому находка любой новой берестяной грамо-

ты — маленькое чудо воскрешения давно умершего человека, имя и самое существование которого, казалось бы, навсегда было забыто его ближайшими потомками. Уже найденные к сегодняшнему дню берестяные документы, сообщив нам сотни таких забытых имен, населили Новгород целой толпой говорящих теней, способных рассказать о себе и о своих современниках.

Мы теперь иначе представляем себе и состояние грамотности в древнем Новгороде, и характер внутриусадебных отношений, и те динамические процессы, которые лежали в основе развития новгородской экономики и политики. Однако главным результатом открытия берестяных грамот является персонификация жилого комплекса, возможность сомкнуть тяготеющие к генерализации вещественные материалы раскопок с конкретностью письменного документа, не только увидеть исчерпывающий репертуар предметов и сооружений, которыми пользовался средневековый новгородец, но и услышать голос этого новгородца. Эта новая возможность видоизменила саму манеру археологического исследования, поставив перед ним проблемы, бывшие прежде традиционными для исследователей письменных источников.

Оценивая перспективы дальнейших поисков берестяных грамот в Новгороде, можно произвести, пусть самый приблизительный, подсчет. За пятьдесят лет раскопок в Новгороде вскрыто 2,5 га культурного слоя, на которых обнаружено более 600 берестяных грамот. Если принять активно используемую площадь древнего города за 100 га (общая его площадь в пределах валов конца XIV — начала XV в. равна 260 га), то количество еще не открытых, но хранящихся в земле документов приближается к 20 000. Такая цифра может показаться фантастической, но ее подкрепляют материалы о насыщенности новгородского культурного слоя берестяными грамотами на разных раскопах. В большинстве их одна грамота приходится на 20—30 м^2 культурного слоя. Общая цифра берестяных грамот может быть меньше или больше, но в любом случае Новгород таит в своих недрах многие тысячи берестяных документов, которым еще предстоит войти в фонд первоисточников нашей истории.

Можно только позавидовать будущим исследователям. Главным документом, с которым придется иметь

дело грядущим историкам экономики и государственного устройства, культуры и права, политики и языка древнего Новгорода, станет лист бересты, покрытый прожилками и трещинами, подчас безжалостно изорванный, но неизменно порождающий чувство живого соприкосновения с прошлым.

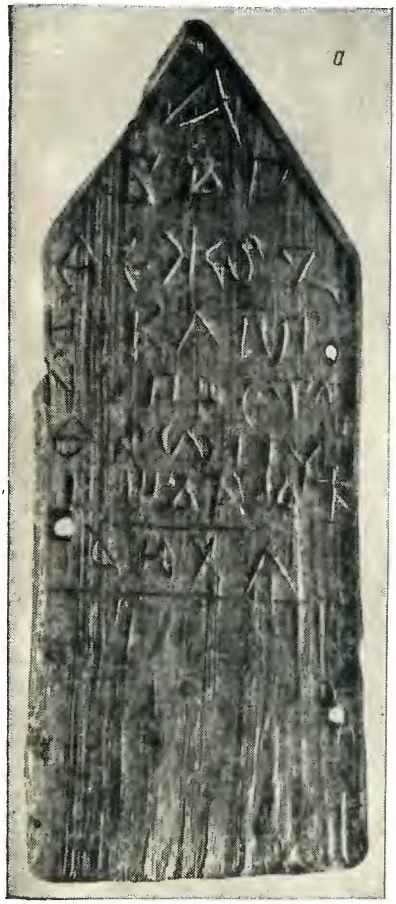
Коснемся теперь некоторых частных вопросов, связанных с берестяным письмом.

Надо полагать, что способ этого письма сыграл немаловажную роль в формировании как палеографических особенностей русской письменности, так и особенностей древнерусского литературного стиля. Как уже отмечено, письмо на бересте требует заметного физического усилия, фактура же берестяного листа — простоты линий. Письмо на бересте и скоропись (курсив) — понятия взаимоисключающие. Между тем скоропись становится характерной для письма на Руси только с середины XV в. Трудно не обратить внимание на совпадение двух важных дат — исчезновения берестяного письма и распространения скорописных почерков. Если последнее связано с массовым внедрением бумаги и гусиного пера, то вряд ли следует сомневаться в том, что популярность берестяного письма служила главной причиной, консервировавшей уставные и полууставные почерки пергаменных рукописей с их прямолинейными буквами. Наличие в коллекции новгородских берестяных грамот значительного числа разновременных школьных упражнений, самым известным из которых является комплекс берестяных грамот мальчика Онфима (XIII в.), лишний раз подтверждает, что формирование почерков прямо связано с берестяным письмом.

К слову, школьные упражнения на бересте демонстрируют уже сложившиеся навыки письма. Рядом с алфавитами и примерами слогового письма («ба, ва, га, да ... бе, ве, ге, де...» и т. д.) той же рукой бывают выписаны целые фразы. По-видимому, первоначальный процесс обучения письму был связан с использованием дощечек, покрытых воском. Такие дощечки (церы), оборотные стороны которых богато орнаментированы, а в одном случае снабжены вырезанной азбукой, складывающиеся в виде диптиха или триптиха, неоднократно были найдены на раскопках. На них писали тем же стилосом, который употреблялся при берестяном

письме. Как правило, противоположный конец стилоса оформлен в виде лопаточки для стирания написанного по воску. Надо думать, что слабая рука ребенка привыкала сначала к восковому письму, а затем только переходила к обучению на бересте.

В неменьшей степени письмо на бересте формировало и литературный стиль. Вынужденная лапидарность такого письма накладывала неизбежный отпечаток на



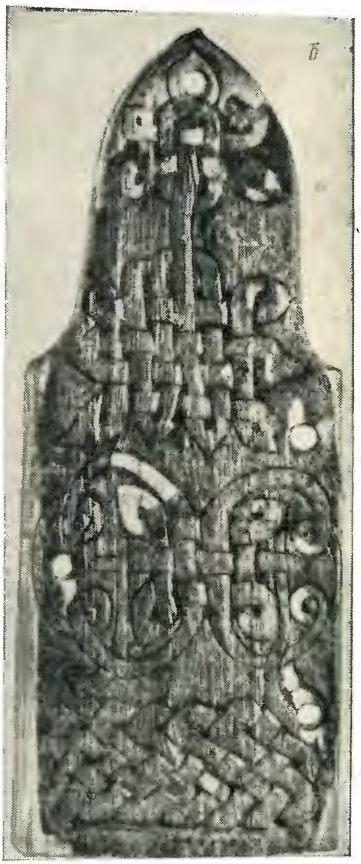


Рис. 6. а) Цера с вырезанной на ней азбукой. Рубеж XIII—XIV вв. б) Орнаментированная цера.

саму манеру изложения мысли, сохранявшей всю свою емость при максимальной экономии слов. Полагаем, что вопросы древнерусской стилистики могут быть весьма интересно исследованы в связи с изучением литературного стиля берестяного документа.

Однако рассматриваемый аспект проблемы, по-видимому, немаловажен и для обсуждения вопроса о возможных поисках и открытии берестяных грамот в археологических комплексах Центральной и Западной Европы. Орудия берестяного письма не единожды были найдены на городищах Польши. Существуют сведения о применении бересты как писчего материала в средневековой Скандинавии. Известны шведская и немецкая (последняя из Таллина) берестяные грамоты XV—XVI вв., написанные чернилами (две чернильные берестяные грамоты найдены и в Новгороде в слоях середины XV в.). Однако Олаус Магнус в XVI в. недвусмысленно писал о шведских грамотах, явно процарапанных на бересте, а не написанных чернилами: «Применяли бересту тем охотнее, что письма не повреждались и не портились ни дождем, ни снегом». В поисках западноевропейских берестяных грамот, таким образом, существует определенная обнадеживающая перспектива. Однако надо полагать, западноевропейское берестяное письмо в целом исчезает раньше русского. И бумала, и беглые курсивные почерки появляются в большинстве стран Западной Европы еще в XIII в. Вероятность находки берестяных грамот в таких условиях повышается для более ранних слоев и понижается для напластований XIV—XV вв.

Тем не менее первая процарапанная берестяная грамота, написанная немцем на латинском языке, была найдена в Новгороде, на территории ганзейской фактории «Готского двора», в слоях рубежа XIV—XV вв. Она содержала начальные строки 94 псалма Давида и конспективную запись очередности литургических служб в апрельские календы. Ее нетипичность подчеркивается применением готического курсива (т. е. почерка, сформировавшегося на бумаге) и местом находки, где береста в указанное время сохраняла все качества преимущественно употреблявшегося дешевого писчего материала.

Коснувшись иноземных для Новгорода текстов, нужно упомянуть и берестяную грамоту № 292 XIII в.,

написанную на карельском языке кириллицей. До нее самые ранние известные в науке карельские тексты относились только к XIX в.

Обилие и разнообразие находок в новгородских раскопках поразительно. За 50 лет археологических работ в Новгороде собрано более 125 тысяч индивидуальных находок из всех известных в средневековье материалов, которые распределяются более чем по 600 категориям. В это число не входят такие массовые предметы, как обломки керамических сосудов, исчисляющиеся сотнями тысяч. Будучи четко привязаны к стратиграфическим уровням и усадебным комплексам, они стали основой типологической шкалы каждой категории, благодаря чему во многих случаях приобрели самостоятельные датирующие признаки. Эта типология явилась основой для археологических датировок и в тех древних городах, где в силу почвенных условий плохо сохраняется дерево и применение дендрохронологического метода оказывается невозможным. Изучение каждой категории находок постоянно ставит перед исследователями новые, порой неожиданные проблемы. Остановимся на некоторых из них.

Много нового внесли результаты раскопок в историю средневекового русского денежного обращения. Из-за отсутствия собственных месторождений серебра древняя Русь вынуждена была на протяжении длительного времени использовать в обращении иноземную монету В IX — начале XI в. это был мусульманский дирхем, в громадных количествах поступавший из стран Передней и Средней Азии, в XI — начале XII в. его сменил западноевропейский денарий германской, английской и скандинавской чеканки. В связи с употреблением этих монет в научной литературе давно обсуждается вопрос о скорости поступления такой монеты на Русь из тех центров, где она чеканилась. Принимая во внимание дальность расстояний и предполагаемую медлительность движения по средневековым торговым дорогам, исследователи склонны были делать значительные хронологические надбавки к датам младших монет древних кладов. Порой предлагалось делать надбавки в 50—100 лет. Очевидно, что от решения этого вопроса прямо зависит проблема датирования кладов и общие представления о развитии денежного хозяйства древней Руси. Клады обычно обнаруживаются случай-

но, при сельскохозяйственных или строительных работах, и прежде чем они окажутся в руках специалистов, бывают, как правило, полностью потеряны сведения о стратиграфической ситуации их открытия. В четких условиях новгородского культурного слоя возникает, напротив, реальная возможность установить разницу между датой младшей монеты любого найденного при раскопках клада и датой перекрывающей такой клад строения или конструкции.

В слое 27 яруса (972—989 гг.) Неревского раскопа были найдены два больших клада арабских монет. В одном из них было 60 целых и 811 обрезков серебряных дирхемов, а также набор разновесов: младшая монета клада датирована 972 г., основная же их масса относится к 40—60-м годам X в. Второй клад состоял из 131 целого и 604 обрезков дирхемов с младшей монетой 975 г., по хронологическому составу оба клада чрезвычайно близки. Между тем существование 27 яруса прекратилось в 989 г., когда он был перекрыт мощной пожарной прослойкой, а места находок обоих кладов, кроме того, и строениями 989—990 гг., наглухо закрывшими доступ к ним. Таким образом, максимальный промежуток времени от момента чеканки младших монет этих комплексов, происходящих из Средней Азии, до их зарытия в землю равен в одном случае 17, а в другом — 14 годам.

Та же закономерность свойственна и движению серебра из Западной Европы. В 22 ярусе (1076—1096 гг.) Неревского раскопа найдены два кошелька с серебряными денариями. В одном было 6 монет, младшие чеканены в 60-х годах XI в., в другом — три монеты, из которых один денарий 1038—1057 гг. Поздним рубежом находок серебряных монет является именно 22 ярус Неревского раскопа, т. е. конец XI в., что совпадает и с показаниями младших монет самых поздних кладов западноевропейского серебра на Руси.

Собственная монетная чеканка в Новгороде началась лишь в 1420 г., а в десятилетие, предшествовавшее ее началу, с 1410 по 1420 г. в Новгороде были приняты в обращение, по свидетельству летописи, «лопци и гроши литовские и артуги немецкие». Долгое время это сообщение не находило материального подтверждения в находках иноземных монет этого периода. Летом 1979 г. при раскопках на Славенском конце был най-

ден, наконец, первый такой клад. Он состоял из 28 серебряных артигов ревельской и дерптской чеканки (современные Таллин и Тарту). По составу монет и по стратиграфическому залеганию в слое клад датируется десятыми годами XV в.

Вернемся, однако, к кладам арабских монет, найденным на Неревском раскопе. Эти клады обнаружены на разных усадьбах, на значительном удалении один от другого и принадлежали, следовательно, разным владельцам. Условия их залегания в земле таковы, что в обоих случаях можно утверждать, что они были спрятаны в землю не на долгий срок, а составляли казну, находившуюся, так сказать, под рукой. В городе, застройка которого главным образом была деревянной, земля часто оказывалась наиболее надежным местом хранения ценностей. Их укрывали в доступных для постоянного проникновения местах — под полом, под крыльцом и т. п. Однако оба владельца этих денег испытали одинаковую судьбу: после пожара их усадеб они почему-то не смогли извлечь своих сокровищ. Значит, пожар сопровождался и физическим уничтожением этих людей, знавших, где спрятаны деньги.

Год пожара, 989, уничтожившего усадьбы, является весьма красноречивой датой. Это год принятия на Руси христианства и, в частности, крещения Новгорода. Одного только сопоставления этих дат достаточно, чтобы догадаться о далеко не мирной христианизации Новгорода, сопровождавшейся уничтожением людей и их домов. Невольно вспоминается фраза летописца о том, что в этом городе присланные из Киева князем Владимиром «Путята крестил мечем, а Добрыня огнем». Однако эта фраза имеется только в очень поздней летописи — Иоакимовской, о которой иные исследователи думают, что она вообще фальсифицирована.

Дело в том, что Иоакимовская летопись в списке XVIII в. была использована только первым русским историографом В. Н. Татищевым, после чего следы ее навсегда затерялись. Татищев цитировал ее в своем знаменитом труде «История Российская», и эти цитаты демонстрируют решительное противоречие сведений Иоакимовской летописи со сведениями, присущими всей русской летописной традиции более раннего времени. Так, например, все ранние летописные рассказы о крещении Новгорода изображают этот акт как вполне

мирное действие, живописуя единодушное отвращение новгородцев к своим языческим идолам, восторг народа, сбрасывающего статую Перуна в Волхов и глумление над ней. Иоакимовская же летопись рассказывает о новгородском крещении как о сугубо насильственном акте, вызвавшем кровавые столкновения.

Существо этого рассказа состоит в следующем. До прихода в Новгород княжеских миссионеров Добрыни и Путяты там уже существовала христианская община с церковью Спаса. Крещение началось на Торговой стороне, а на Софийской возник оплот сопротивления ему. Тогда Путята со своими воинами ночью переправился через Волхов выше кремля, но был окружен пятью тысячами новгородцев, которые, спеша на битву, разметали церковь Спаса и разграбили дворы христиан. Чтобы отвлечь их, Добрыня распорядился зажечь дома у берега Волхова. Устрашенные новгородцы бросились тушить их, прервали битву и запросили мира, после чего они были насильственно крещены, а церковь Спаса восстановлена.

Поразительным подтверждением этого рассказа оказывается то обстоятельство, что церковь Спаса, хорошо известная и в более позднее время, находилась в непосредственной близости от места раскопок на Неревском конце. Отметим еще, что здесь же в слое 27 яруса, т. е. на горизонте, предшествующем христианизации, был найден нательный крест с изображением распятия, что подтверждает существование ранней христианской общины в Новгороде, о которой упоминается в Иоакимовской летописи. Таким образом, владельцы невостребованных кладов находились в самой гуще событий, описываемых в этой летописи и, вероятно, погибли во время столкновения новгородцев с воинами Добрыни и Путяты.

Слои пожара 989 г., связанного с насильственным крещением новгородцев, хорошо прослеживаются и на Троицком раскопе, расположенном выше кремля неподалеку от берега Волхова. Таким образом, раскопки в слоях конца X в. привели к подтверждению известий поздней и подозреваемой в недостоверности летописи, восстановив и более близкую к действительности картину христианизации Новгорода, важнейшего события в истории того времени. Косвенным образом справедливость этой картины подкрепляется массовым сохране-

нием языческих пережитков в сознании новгородцев не только в первые годы после крещения, но и спустя столетия. При раскопках часто встречаются в слоях XIV—XV вв. разного рода амулеты — от белемнитов и просверленных медвежьих клыков до деревянных фигурок домовых и змеевиков, символов двоеверия.

Рассказывая в этом разделе об отдельных категориях находок, нельзя не упомянуть о музыкальных инструментах. В Новгороде собрана самая большая коллекция средневековых музыкальных инструментов, в которую входят гусли и гудки, свирели и варганы. Коллекция эта — явление уникальное по разнообразию представленных в ней типов и по хронологическому диапазону от XI до XIV в. Здесь и древнейшие гусли XI в. с вырезанным на них именем гусляра Словиша, маленькие гусли XII в. с изображением на тыльной стороне льва и диковинной птицы, крошечный, вероятно детский, гудочек XII в., заготовки таких гудочков. Конечно, большинство музыкальных инструментов дошло до нас во фрагментах, но в умелых руках разносторонне одаренного новгородского художника и первоклассного мастера В. И. Поветкина все они обрели вторую жизнь. Длительные поиски и многолетние занятия средневековой музыкальной культурой привели его к точнейшей реконструкции археологических музыкальных инструментов [1]. Это была очень сложная работа, наиболее деликатной частью которой были поиски подлинного древнего звукоряда. Поветкин решил эту задачу изучением звукоряда древних свирелей, в которых он задан расположением отверстий и их величиной. И сегодня, наконец, мы слышим живой и трепетный звук древней музыки, вдохновлявшей древних новгородцев.

* * *

В последние годы работы археологов в Новгороде сосредоточены в двух районах: на Софийской стороне неподалеку от кремля и церкви Троицы (Троицкий раскоп), где раскопки ведутся с 1973 г., и на Торговой стороне на Славной улице (Нутный раскоп), начало

[1] См.: Поветкин В. И. Новгородские гусли и гудки (опыт комплексного исследования). — Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982, с. 295—322.

работ здесь относится к 1979 г. О самых замечательных открытиях, сделанных здесь, и пойдет сейчас речь.

За 10 лет работ на Троицком раскопе[2] была открыта часть древнего Новгорода с перекрестком мощеных средневековых улиц — Большой пробойной, ведущей из кремля в среднерусские земли (она иначе называлась «Русским путем»), и Черницыной, названной так по имени расположенного по соседству Варварина девичьего монастыря (черницами в старину назывались монахини), — и с четырьмя огороженными частоколами усадьбами, расположенными по сторонам древнего перекрестка.

На территории этих усадеб было обнаружено несколько тысяч средневековых предметов, десятки уцелевших на один-два венца разновременных построек X—XV вв., 72 берестяные грамоты, характеризующие высокий социальный уровень владельцев этих усадеб. Грамоты, найденные на разных усадьбах, в ряде случаев оказывались взаимосвязаны, в них упоминаются одни и те же местности, с населения которых исчислялся доход. Анализ таких документов позволил установить, что все усадьбы, примыкавшие к перекрестку Большой пробойной и Черницыной улиц, принадлежали одной боярской семье, разные поколения которой на протяжении веков контролировали сбор налогов в пользу государства с крестьян, живших в верховьях реки Шелони.

В ходе раскопок было установлено, что во второй половине XII в. часть большого боярского владения, а именно усадьба А, принадлежала священнику Олисею Гречину, что документально подтверждается берестяными грамотами и многими находками. Его имя встречается также на страницах Новгородской летописи в рассказе 1193 г. о выборах архиепископа. Олисей Гречин был одним из претендентов на эту должность и, следовательно, занимал высокий пост в новгородской церкви.

В 1977 г., когда исследование усадьбы Гречина было продолжено, в ее пределах были обнаружены остатки огромной постройки площадью больше 100 м². Отметим, что это в 3—4 раза превосходит площади любых новгородских построек, известных по раскопкам ранее.

[2] Общая площадь Троицкого раскопа составляет 1 988 кв. м.

Данная постройка не была жилым, хозяйственным или производственным помещением. Это сооружение имело открытую галерею, которая покоилась на мощных деревянных колоннах диаметром 70 см. В самой построй-

Рис. 7. Остатки мастерской живописца.

ке и вблизи нее были найдены остатки разных красок и большое количество минералов, которые после специальной обработки превращались в необходимые краски. Здесь же обнаружены специальные керамические чашечки, покрытые глухой поливой, служившие для разведения красок. Весьма выразительна собранная в развале постройки коллекция тиглей, тиглей-льячек, необходимых для термического приготовления искусственных красок (прежде всего киновари) и лаков.

Среди других находок следует назвать 15 дощечек — заготовок для небольших иконок высотой 10—20 см. Одни из этих дощечек прямоугольны, другие — имеют полукруглый верх с плечиками, но все снабжены на лицевой стороне выемкой-ковчегом, а на некоторых сохранились следы окраски, нанесенной прямо на дерево без левкаса. Найдены и обломки окладов для икон, выполненных виртуозной чеканкой на тонком бронзовом листе. На одном из них сохранилась надпись «АГІОС НИКОЛАО», соответствующая изображению

св. Николая. Упомянем также обрывки золотой, серебряной и бронзовой фольги для разных работ по золочению, серебрению и бронзированию фонов икон и окладов.

В очень большом количестве на усадьбе А был собран янтарь (учтено 1150 мелких кусков), непригодный

Рис. 8. Заготовки иконок.

для изготовления каких-либо изделий. Находки глиняных горшков со спекшимся янтарем, в другом случае — спекшейся массы янтаря, обернутой в промасленную ткань, сделали очевидным применение янтаря на усадьбе А. Из старых рецептов известно, что янтарь был составной частью олифы, специального лака для покрытия икон. Основой такого лака было оливковое или другое растительное масло, поступавшее в Новгород с юга. На усадьбе Гречина в большом количестве обнаружены обломки красноглиняных амфор, в которых и доставляли в Новгород оливковое масло.

Все перечисленные находки, несомненно, свидетельствуют о существовании на усадьбе А в слоях второй половины XII в. мастерской художника.

После открытия мастерской возник вопрос: кто был художником — сам ли владелец усадьбы или зависи-

Рис. 9. Оклад иконки.

мый от него человек, работавший по заказам Олисея Гречина? На этот вопрос ответили найденные в 1977 г. берестяные грамоты, среди которых два заказа: «Поклон от попа к Гречину. Напиши мне двух шестокрылых ангелов на две иконки на верх деисуса. И целую тебя. А бог вознаградит. Или договорись обо всем» (№ 549). Следовательно, по заказу попа Гречин должен изобразить серафимов на двух иконах, предназначенных для их размещения над деисусной композицией. Исторически важно то, что речь здесь идет, несомненно, о сборной композиции, т. е. об иконостасе; иными словами, о заказе не на домовые, а на храмовые иконы, требовавшие от мастера несомненного профессионализма.

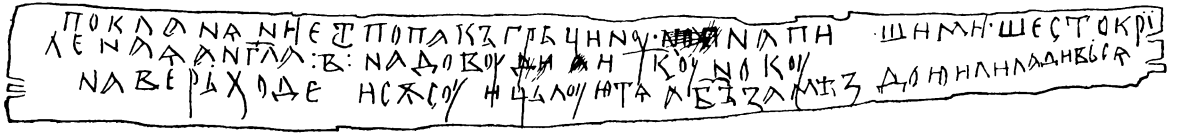


Рис. 10. Берестяная грамота № 549.

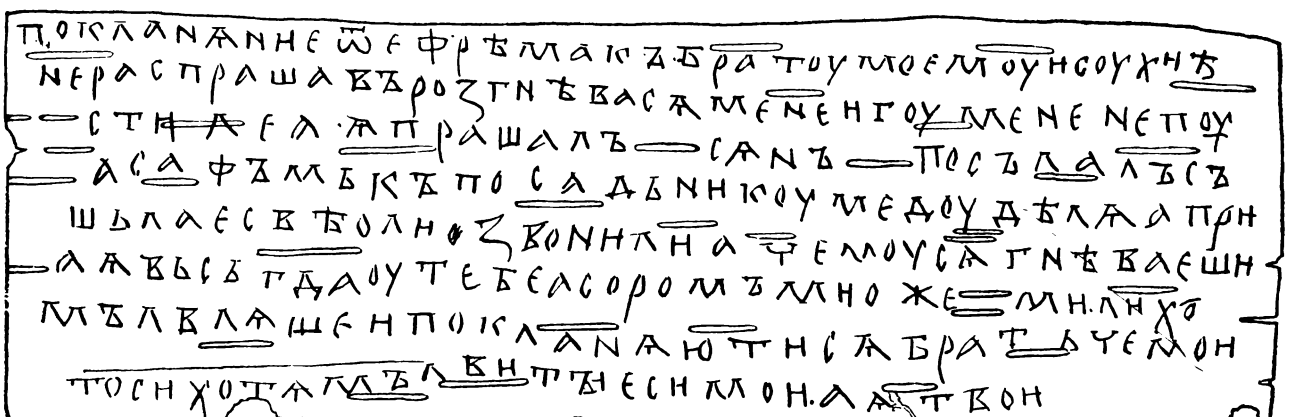


Рис. 11. Берестяная грамота № 605.

Другая грамота-заказ под № 558 лаконичнее: «От попа Мины к Гречину. Будь здесь к Петрову дню с иконами серафимов». Таким образом, мы узнали, что владелец усадьбы А Олисей Гречин был не только священником и претендентом на пост архиепископа, но и художником-иконописцем, выполнявшим заказы на изготовление храмовых икон. Такое совмещение профессий в одном лице не должно смущать современного читателя. Из Новгородской летописи известно, что даже некоторые новгородские архиепископы были художниками-иконописцами. Несомненно, Олисей Гречин был руководителем мастерской, в которой работала целая группа художников и подмастерьев.

Коллекция берестяных грамот, заказов Гречину, пополнилась в 1982 г. новыми находками. Дело в том, что в 1977 г. усадьба А была исследована не полностью. Часть ее оставалась под мостовой весьма оживленной современной улицы, ведущей к одному из интереснейших архитектурных памятников Новгорода, Юрьеву монастырю. Тем не менее, принимая во внимание важность открытия мастерской древнего художника, Новгородский горисполком принял беспрецедентное решение о прекращении движения по этой улице и предоставлении ее для раскопок.

Летом 1982 г. усадьба художника Олисея Гречина была исследована полностью, и новые находки стали прекрасным дополнением уже известных фактов. Были найдены две заготовки маленьких иконок, на обороте одной из них процарапана надпись «Фалея», т. е. имя святого, которого нужно было изобразить на иконке. Продолжались массовые находки янтаря и обломков амфор, но, как всегда, самые интересные сведения заключались в грамотах, одна из которых под № 602 гласит: «Дмитрия Христину. На другой Ивана, Марии. На третьей Ивана. На четвертой Семена». Несомненно, это запись заказа на иконы, на которых должны были быть изображены перечисленные святые. Ценность этой грамоты состоит еще и в том, что она позволила определить характер и других грамот с перечислением имен, происходящих с усадьбы Гречина. Все они первоначально были классифицированы как поминальные записки, подаваемые прихожанами священнику. После находки грамоты № 602 становится очевидным, что и прежние

записи имен на бересте относятся к разряду заказов на иконы.

Всякое новое имя в древнерусском искусстве вызывает большой интерес и у специалистов, и у широкой публики; ведь древнерусское и особенно домонгольское искусство по существу безымянно. История сохранила имена Феофана Грека, знаменитого Андрея Рублева и некоторых других мастеров. Теперь же стало известно имя художника, жившего и творившего на два-три столетия раньше известных мастеров. Заманчиво было бы найти среди художественных памятников Новгорода произведения, принадлежащие Олисею Гречину. Исключительный интерес в связи с этим представляет предположение одного из авторов статьи, В. Л. Янина [3], основанное на стройной системе доказательств о том, что Олисей Гречин был одним из главных мастеров, расписывавших в конце XII в. знаменитую церковь Спаса-Нередицы под Новгородом, живопись которой, почти целиком погибшая во время войны, производила огромное впечатление на всех, кому посчастливилось видеть ее. Открытие усадьбы Гречина — бесценный вклад археологов в историю древнерусского искусства, которое пополнилось еще одним именем и конкретными свидетельствами творчества и быта древнерусских живописцев.

А завершим мы наш рассказ о находках 1982 г. на Троицком раскопе грамотой № 605, которая относится к совершенно новому типу писем на бересте. Это — не хозяйственное распоряжение, не духовное завещание, не жалоба крестьян, не деловая переписка родственников, не ростовщическая запись. Грамота № 605 может служить прекрасным образцом эпистолярного жанра первой половины XII в., вот ее текст: «Поклонение от Ефрема к брату моему Исухии. Не расспрашав, разгневался; меня игумен не пустил, а я просился. Но послал с Асафом к посаднику за медом. А пришли [т. е. вернулись] с ним, когда звонили. А зачем гневаешься, ведь я всегда у тебя. А стыдно мне и плохо,

---

[3] Подробнее об этом см.: Янин В. Л. Открытие мастерской художника XII в. в Новгороде. — Вестник АН СССР, 1980, № 1; Он же. Фрески Олисея Гречина? — Вестник АН СССР, 1980, № 6; Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.

что ты сказал: «Покланяюсь тебе, братец мой». Ты бы вот что себе сказал [вместо этого]: «Ты — мой, а я — твой».

Перенесемся теперь на другой берег Волхова, в Славенский конец, где четыре года ведутся раскопки на Славной улице. Заметим, что это название улица сохранила с X в. Начатые здесь в 1979 г. раскопки обнаружили остатки Посольского двора XVII в., хорошо сохранившуюся мостовую древней Нутной улицы, прослеженную с XV по XI в. (сверху вниз), уже упоминавшийся клад ливонских монет, различные мастерские по изготовлению кожаных изделий, многочисленные бытовые предметы и 9 берестяных грамот, среди которых 2 азбуки. Одна из них относится к XV в., другая— к первой половине XI в. и является, таким образом, древнейшей берестяной грамотой из всех известных до сих пор документов на бересте.

Есть нечто символическое в том, что древнейшая запись на бересте (она получила порядковый номер 591) оказалась азбукой, с овладения которой всегда начиналось обучение письму и знакомство с письменностью.

В азбуке не хватает некоторых букв. Писавший ее, несомненно, ошибся: он пропустил после буквы З три буквы — И, І (и десятиричное) и К и поменял местами Л и М. Происхождение такой ошибки поддается простому объяснению. По-видимому, нанося на бересту буквы, писавший произносил их названия и, написав З, т. е. «землю», машинально изобразил вслед за ней те согласные, которые следуют одна за другой в этом названии.

Однако принципиальный характер имеет нехватка некоторых других букв. Азбука состоит не из 43 знаков, а только из 32. Правда, некоторые из отсутствующих знаков, таких, как «пси», «кси», иотованные буквы, не применяются и в более поздних берестяных азбуках. Они были достоянием грамотеев более высокого порядка, имевших дело с книжным письмом. Но в азбуке, найденной на Нутном раскопе в 1981 г., отсутствуют и такие широко употреблявшиеся буквы, как Щ, Ы, Ъ. Можно было бы предположить, что для этих букв, помещавшихся в конце алфавита, просто не хватило места. Однако такое предположение сразу же отпадает при взгляде на громадный лист бересты, на котором

без труда можно было бы разместить несколько подобных азбук.

Быть может, человек, записавший азбуку, недостаточно твердо знал ее конец и пропустил отсутствующие

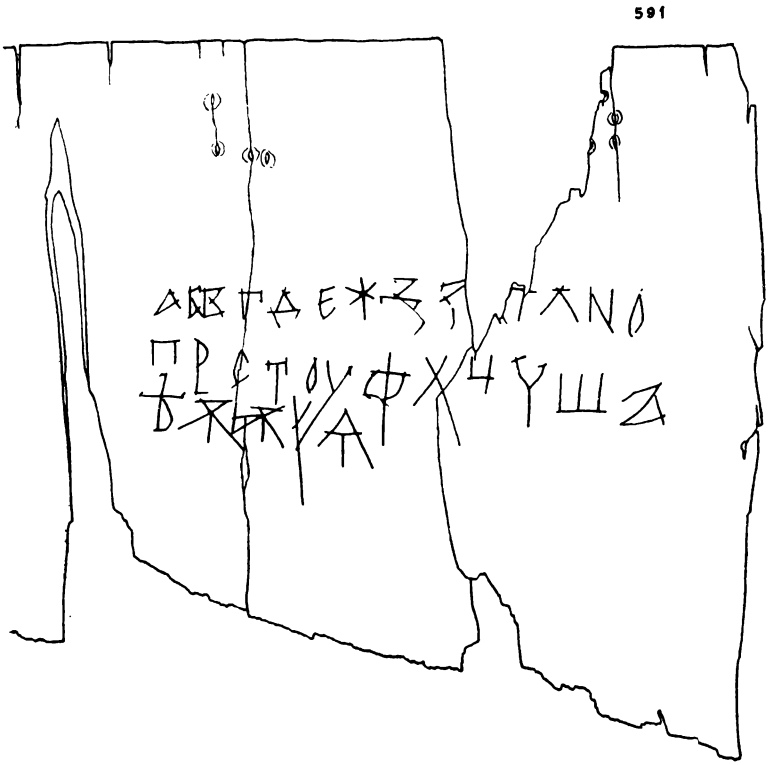


Рис. 12. Древнейшая берестяная грамота-азбука № 591. Первая половина XI в.

в ней знаки по незнанию или невнимательности? И это допущение приходится отвергнуть. Еще в 1969 г. в слое начала XII в. была найдена берестяная грамота № 460 с записью азбуки, в которой недоставало ряда букв, и мысль о недостаточной грамотности написавшего ее человека тогда казалась совершенно естественной. Теперь, сравнив азбуку 1981 г. с находкой 1969 г., мы убедились, что и там, и здесь не хватает одних и тех же букв. А это значит, что в обоих случаях мы встретились с отражением того раннего этапа, когда в Новгороде

кириллическая азбука употреблялась еще в неокончательном ее варианте. Например, на этом этапе еще не было буквы Щ, вместо нее писали ШТ (из лигатуры этих знаков и была образована, как полагают, Щ); буква Ы рождалась соединением Ъ и І, а сама буква Ъ употреблялась для передачи и мягкого, и твердого знаков.

Несомненно, существование такой неполной азбуки в начале XII в., зафиксированное в грамоте № 460, было реликтовым. Сохранившиеся до нас рукописные новгородские книги середины XI — начала XII в. демонстрируют употребление всех букв, в том числе и отсутствующих в наших азбуках. Речь в данном случае идет о традиции, сохранившей в обучении письму употребление азбук более раннего этапа.

Еще одна азбука XI в. была открыта в Киеве на одной из стен Софийского собора. Это тоже необычная запись. В ней, как и в новгородских берестяных азбуках ранней поры, нет полноты состава, но она отличается и иным порядком букв. Включая ряд славянских букв, т. е. будучи, несомненно, кириллицей, она придерживается в целом той очередности знаков, которая свойственна греческому алфавиту.

Таким образом, мы наблюдаем на Руси в XI в. употребление разных вариантов кириллической азбуки, не набравших еще всей полноты буквенных знаков. Насколько важно это открытие?

Известно, что изобретение славянской азбуки связано с деятельностью болгарских просветителей Кирилла и Мефодия в третьей четверти IX в. В древности у славян употреблялись две азбуки — кириллица, которой, в частности, написаны все берестяные грамоты и которой мы пользуемся и сегодня, и глаголица, отличающаяся вычурностью и очевидной искусственностью букв. Какую же азбуку изобрели Кирилл и Мефодий? На этот вопрос, казалось бы, ответить просто. Если одна из азбук называется кириллицей, то именно она и составляет изобретение Кирилла. Однако кириллицей такую азбуку стали называть только в XVI в.; кириллическая книга середины XI в. содержит приписку о том, что она переписана «из куриловице», т. е. переведена с другого алфавита, под которым возможно понимать только глаголицу. Поэтому заслуживает самого пристального внимания тезис, выдвинутый еще

в середине прошлого века знаменитым славистом П. Шафариком о том, что Кирилл изобрел вовсе не кириллицу, а глаголицу.

Действительно, в последнее время возникали серьезные основания для вывода о том, что великие славянские просветители создали искусственное глаголическое письмо, а та буквенная система, которую мы привыкли называть кириллицей, образовалась постепенно на базе византийского (греческого) алфавита, и к ней на протяжении определенного времени добавлялись те знаки славянского языка, которым не было соответствия в звуках греческого языка.

Думается, что новые находки в Новгороде подтверждают правильность этого тезиса. Эти новые материалы не отвечают на вопрос, пользовались ли славяне в докирилловское время для записи текстов своего языка греческой системой письма с минимальным добавлением оригинальных знаков или таковая система сформировалась не ранее конца IX — начала X в. Однако наши находки, несомненно, отражают ранний этап существования этой системы, когда азбука еще не пополнилась теми знаками, которые придали ей исчерпывающую завершенность.

Начав работы на Славенском конце на древней Нутной улице, археологи «вторглись» в слоях XIV—XV вв. во владения Офонасовых — крупнейших землевладельцев и выдающихся политических деятелей Новгорода того времени. В частности, здесь была найдена костяная печать, принадлежавшая Олферию Офонасову, сыну посадника Ивана Офонасовича. Летом 1982 г. на новом участке раскопа в этих же слоях были расчищены хорошо сохранившиеся остатки каменного терема с мощными стенами, плиточным полом, порталом, со следами перестройки и ремонта в XV в. Обнаружение построек гражданской каменной архитектуры в Новгороде — вещь чрезвычайно редкая. Ведь в Новгороде практически не сохранились гражданские здания XVI—XVII вв., а что касается средневековых построек, то за 50 лет раскопок они встретились третий раз. Впервые каменный фундамент был обнаружен на Неревском раскопе на усадьбе посадника Онцифора; в 1965 г. на Ильинском раскопе вблизи Знаменского собора были выявлены остатки фундамента и стен из красного ракушечника каменного здания XV в. Несомненно, со-

оружение таких построек, резко выделяющихся на фоне рядовой деревянной застройки города, было не под силу не только простым новгородцам, но, видимо, и большинству боярского населения Новгорода, поскольку всякий раз остатки каменных теремов обнаруживаются на усадьбах новгородцев, занимавших высокие посты в государственном управлении Новгородской республики. Открытие этого терема вызвало большой энтузиазм и у археологов, и у историков архитектуры, которые по существу впервые смогли познакомиться со строительными приемами средневековой гражданской архитектуры, а археологи — встретиться с представителями новой посадничьей семьи.

Обнаруженный терем станет в недалеком будущем составной частью музеефицированного раскопа. Вопросы музеефикации открытых в Новгороде древностей давно обсуждались среди археологов и музейных работников Новгорода. Однако их осуществление было связано со сложной проблемой консервации и реставрации деревянных предметов, как крупных, так и мелких, которые, будучи извлеченными из земли, до предела насыщены влагой и при естественном высыхании трескаются, коробятся и рассыпаются.

В последние годы сотрудниками Белорусского технологического института разработан дешевый и достаточно простой метод стабилизации мокрого дерева, который стал широко применяться при раскопках древнерусских городов. В частности, в Новгороде уже законсервированы многие сотни разнообразных деревянных предметов и образцы крупных построек.

Пройдет совсем немного времени и картина древнего Новгорода с уличными настилами, остатками жилых домов, хозяйственных построек, ремесленных мастерских, с демонстрацией здесь же и тех предметов, которые были найдены в этих постройках, видимая сейчас только археологам, станет органической деталью современного города.

Раскопки в Новгороде продолжаются. У них хорошие перспективы.

И. В. Яценко

КРЕПОСТЬ И СЕЛЬСКИЕ УСАДЬБЫ ХЕРСОНЕСЦЕВ НА ОКРАИНЕ СОВРЕМЕННОЙ ЕВПАТОРИИ (IV—II вв. до н. э.)

Крымская экспедиция МГУ уже около двух десятков лет ведет раскопки археологических памятников IV в. до н. э. — I в. н. э., оставленных греками и скифами в окрестностях Евпатории. Одновременно на северо-западном побережье Крыма постоянно работают еще четыре экспедиции (две — Академии наук СССР, одна — Академии наук УССР и одна — Харьковского государственного университета). Такое внимание к археологическим объектам Северо-Западного Крыма не случайно. Оно объясняется прежде всего тем, что обнаруженные еще в XIX в. при раскопках Херсонеса тексты надписей, высеченных на камнях, прочно связали эту область с экономической и политической историей полиса Херсонеса, с одной стороны, и с историей Скифского царства — с другой. Речь идет о знаменитых присяге (или клятве) граждан Херсонеса и декрете в честь Диофанта, полководца понтийского царя Митридата Евпатора. В записанном на камне тексте присяги (начало III в. до н. э.) граждане Херсонеса клянутся, что не предадут «Херсонеса, Керкинитиды, Прекрасной Гавани и прочих укрепленных пунктов», расположенных на территории, «которою херсонесцы управляют или управляли», и что каждый херсонесский гражданин будет «врагом замышляющему и предающему или отторгающему Херсонес или Керкинитиду, или

Прекрасную Гавань, или укрепленные пункты и территорию херсонесцев».

В настоящее время полагают, что Керкинитида находилась на месте современной Евпатории, а Прекрасная Гавань — в окрестностях современного Черноморска. Такая локализация упомянутых в присяге городов позволяет определенно говорить о том, что территория побережья Северо-Западного Крыма принадлежала Херсонесу и что в начале III в. до н. э. херсонесские граждане были обеспокоены нависшей угрозой отторжения этих городов и других укрепленных пунктов побережья.

Вторая надпись на камне — декрет в честь полководца Диофанта (конец II в. до н. э.) — рассказывает о военных походах этого полководца, посланного понтийским царем Митридатом Евпатором на помощь Херсонесу в период наступления на него скифов. Во время третьего похода непогода заставила Диофанта повернуть в приморские местности; он захватил Керкинитиду и укрепления (в декрете они обозначены словом *тейхе*) и приступил к осаде Прекрасной Гавани. Уже факт захвата Диофантом Керкинитиды и ряда других укреплений по северо-западному побережью Крыма и осады им Прекрасной Гавани говорит об изменении политической обстановки, происшедшей к концу II в. до н. э. Совершенно очевидно, что эти пункты, по данным присяги, принадлежавшие Херсонесу, ко времени экспедиции Диофанта находились в руках врагов Херсонеса — скифов.

Приведенные только из двух эпиграфических документов отрывки дают очень важные сведения об освоении Херсонесом территории Северо-Западного Крыма и появлении затем на этом же побережье скифов, укрепленные пункты которых пришлось осаждать и брать полководцу Диофанту. В сохранившемся тексте древнего географа Страбона также имеется лаконичное изложение этих событий. Изучение упомянутых и других письменных источников, начавшееся со времени их открытия, позволило наметить канву исторических событий, связанных с историей Скифского царства и Херсонеса, и одновременно привело исследователей к постановке ряда вопросов, на которые изучаемый материал уже не мог дать однозначного ответа. Когда началось освоение Херсонесом территории Северо-Западного

Крыма? Как оно проходило? Что представляли собой укрепленные пункты, называемые в присяге и декрете в честь Диофанта «тейхе»? Как жило население в этих пунктах? Чем оно занималось, из кого состояло? В настоящее время эти и многие другие вопросы, связанные с историей населения Северо-Западного Крыма, Херсонеса и Скифского царства, оживленно обсуждаются исследователями на страницах специальных и научно-популярных книг с привлечением новых археологических данных. Но изучение археологических объектов Северо-Западного Крыма еще далеко от завершения. В результате полевых исследований все время появляются данные, раскрывающие новые стороны в жизни населения этого края и иногда даже меняющие наши ранее сложившиеся представления. В работах Крымской экспедиции в последние годы таким важным моментом стало открытие винодельни на античном поселении «Чайка» в 1978—1979 гг.

Но прежде чем перейти к рассказу о винодельне, следует сказать несколько слов о памятниках Северо-Западного Крыма вообще и объектах, изучаемых Крымской экспедицией МГУ, в частности.

Нельзя не заметить, что малая заселенность Северо-Западного Крыма в новое время (в XIX и первой половине XX в.) способствовала сохранению значительного количества разнообразных археологических памятников: древних крепостей, поселений без оборонительных сооружений, кладбищ, размежеванных сельскохозяйственных участков и древних дорог; хорошая сохранность многих делает очень перспективным их изучение. В настоящее время территория Северо-Западного Крыма и его побережье все больше и больше осваиваются — растут населенные пункты и возникают новые, строятся пионерские лагеря и пансионаты для отдыхающих. В этих условиях археологические древности рассматриваемого района нуждаются в особенно интенсивном изучении. Сегодня на небольшой по существу территории ведут работы пять больших экспедиций, занимающихся исследованием памятников античного времени.

На побережье Северо-Западного Крыма археологическими разведками и раскопками выявлена почти сплошная цепочка из поселений, основанных Херсонесом или включенных им в свои владения в IV в. до н. э

Она протянулась по побережью от округи Евпатории почти до Крымского перешейка (расстояние между населенными пунктами обычно в среднем составляет около трех километров). Среди них представлены города, укрепленные поселки или крепости, неукрепленные поселения, земельные наделы с усадебными постройками на них. Некоторые из этих памятников прекращают свое существование в начале или первой половине III в. до н. э. Другие же, это особенно касается укрепленных поселков, перенеся сильные разрушения и пожары, доживают до II в. до н. э. Жизнь возобновляется на них во второй половине или в конце II в. до н. э. Однако с этого времени наблюдаются значительные изменения в материальной культуре жителей этих поселений по сравнению с предшествующим периодом, что позволяет предполагать смену населения на этой территории. Эти предположения, основанные на археологических наблюдениях, удачно согласуются с рассмотренными выше письменными источниками, свидетельствующими о захвате этого района скифами. Скифские поселения Северо-Западного Крыма функционируют до конца I или начала II в. н. э., а это свидетельствует, что скифы прочно укрепились на побережье, несмотря на победы, одержанные Диофантом в борьбе с ними.

Крепость на городище «Чайка» и открытие винодельческого комплекса

Основным объектом работы Крымской экспедиции Московского университета почти во все ее полевые сезоны было городище, расположенное на окраине Евпатории у санатория «Чайка». Только в последние годы в связи с предполагаемой застройкой района центр тяжести работ был перенесен на соседние с памятником объекты: сельскохозяйственные усадьбы у Евпаторийского маяка и некрополь у деревни Заозерное — предполагаемое кладбище жителей поселения городища «Чайка».

На чайкинском городище открыта площадь около 7 500 м². При его раскопках в нижних слоях обнаружены остатки крепости, возведенной в IV в. до н. э. херсонесцами на месте более древнего греческого поселения, о котором пока известно очень мало, так как оно

в значительной мере было разрушено при постройке херсонесского укрепления. В настоящее время на всем протяжении выявлены восточная стена укрепления херсонесцев, частично северная и южная, обнаружены также незначительные фрагменты западной стены. По раскопанной части крепость может быть реконструирована как сооружение, имеющее в плане форму вытянутого с севера на юг прямоугольника размером 100×50 м, по углам которого и в средней части восточной стены находились башни. По внутреннему периметру стен располагались большие полуподвальные помещения, составлявшие единый архитектурный комплекс с оборонительными стенами и башнями. Первоначально эти полуподвалы носили функции складских помещений. После первого разрушения крепости в складских помещениях поднимают полы и переделывают их в жилищно-хозяйственные помещения меньшего размера. Стены и башни крепости были возведены в лучших традициях греческого монументального строительства. Они сложены из больших, хорошо обработанных и идеально пригнанных друг к другу квадров. Пригонка настолько плотная, что при расчистке поверхности квадров восточной стены швы между ними почти не были заметны. Фундамент стен опущен со скалы.

С момента открытия строительных остатков памятника и реконструкции его плана, предложенной А. Н. Карасевым, специалисты неоднократно пытаются определить его назначение. Автор раскопок рассматривал комплекс как укрепленный складской пункт, построенный Херсонесом для хранения в нем сельскохозяйственных продуктов перед отправкой их в город морским путем. Большое значение в функционировании этого пункта, по мнению А. Н. Карасева, имела торговля с местным населением Крыма.

Другие исследователи (И. Т. Кругликова и А. Н. Щеглов) склонны были видеть в чайкинском архитектурном комплексе большую сельскохозяйственную усадьбу, укрепленную многочисленными башнями. В последних своих работах А. Н. Щеглов колеблется между определением «Чайки» как военного сельскохозяйственного поселения и большой усадьбы. Сторонники трактовки памятника в качестве усадьбы отмечали сходство его плана с планами ряда сельскохозяйственных усадебных построек, имеющих одну или две башни,

помещения, расположенные по внутреннему периметру ограждающих комплекс стен, и большой внутренний двор. Раскопки последних лет показали, что предполагаемый двор уже в первый период существования херсонесского укрепления был застроен домами. Этот новый факт должен учитываться при определении характера данного пункта.

О застройке внутреннего пространства крепости пока мало известно. В южной части площади в последние годы открываются остатки двух многокомнатных домов. В этих домах привлекают внимание приемы, характерные для греческого жилого строительства. Кладки стен домов имеют нижнюю часть высотой до 1 м, возведенную из камней неправильной формы и среднего размера, выше же стены выкладывались из сырцовых кирпичей (в ряде случаев удалось зачистить несколько рядов в высоту сырцовой кладки, рис. 1).

Рис. 1. Остатки сырцовой стены жилого дома, открытого в южной части греческой крепости городища «Чайка».

Судя по находкам, в домах имелись помещения разного назначения: жилые комнаты с очагами и кладовые с пифосами, амфорами и разнообразной глиняной посудой. Обнаружены помещения и производственного характера. В одной из комнат найдено скопление глиняных грузиков от ткацкого станка, рядом с ним лежало много галек, точильных камней, терочников, несколько отбитых амфорных ножек. При этом глиняные грузики были только сформированы, но обжечь их не успели из-за внезапного пожара и разрушения дома. Совершенно очевидно, что эта комната служила местом для выполнения различных работ, связанных с домашним хозяйством.

Самым же интересным представляется обнаруженный в доме специализированный производственный комплекс — хорошо оборудованная винодельня. Она занимала две комнаты, расположенные в северо-вос-

точной части дома. В восточной части одной из комнат имелись две каменные ступенчато расположенные площадки и два каменных ящика трапециевидной формы. В юго-западном углу комнаты была устроена печь. Площадки, обрамленные невысокими бортиками, составлены из хорошо обработанных и плотно пригнанных друг к другу известняковых плит. Верхняя площадка (1,50×1,50 м) имела длинный слив, сужающийся к концу носика и нависающий над нижней площадкой (рис. 2). Вторая, или нижняя, площадка (1,50×1 м) имела глубокий сток в каменный желоб, пересекавший западную половину комнаты, выходивший под западной стеной помещения во двор к цистерне. Первоначально длина стока составляла 9 м, впоследствии его западный конец был разрушен.

Как уже говорилось, в комнате между северной стеной и нижней площадкой находились два каменных, выполненных из монолита резервуара (ванночки) трапециевидной формы (см. рис. 2). Оба совершенно одинаковы по форме, деталям устройства и размерам. Длина их 1,10 м, наибольшая ширина 0,82 м (по северной стене), глубина ванночек 0,25 м. У их широкой северной стены сделано по ступеньке. В дне у южной стенки каждой ванночки имелись округлые углубления. Ванночки поставлены с уклоном к югу (10°) и плотно примыкают друг к другу. Они не имели никаких стоков, в том числе и на нижнюю площадку, впритык к которой были установлены. Наклонная постановка ванночек, углубления, расположенные в нижнем их конце, и отсутствие стоков свидетельствуют, что они были наилучшим образом приспособлены для полного вычерпывания из них жидкости.

На восточном бортике восточной ванночки были поставлены две прекрасно обработанные плиты, плотно подогнанные друг к другу и к поверхности бортика резервуара. Они увеличивали глубину ванночек до 0,75 м. Две такие же плиты были аккуратно положены во вторую западную ванночку (см. рис. 2). Плиты могли быть положены или в связи с демонтажем комплекса в момент опасности, или припасены строителями для их последующей установки. Возможно, ванночки не были закончены к моменту, когда разразилась катастрофа, разрушившая комплекс.

Еще одна площадка, сделанная также из известня-

Рис. 2. Винодельня на городище «Чайка». Южная комната.

ковых плит, была устроена в комнате, расположенной к северу от описанной (рис. 3). Площадка отличается от ранее рассмотренных бо́льшим размером и более широкими и вместе с тем более низкими бортиками окаймляющими ее. Пять плит этой площадки составляют фигуру, близкую к квадрату (2,10×1,90 м). Шестая плита выступает к востоку в южном ряде плит. Длина

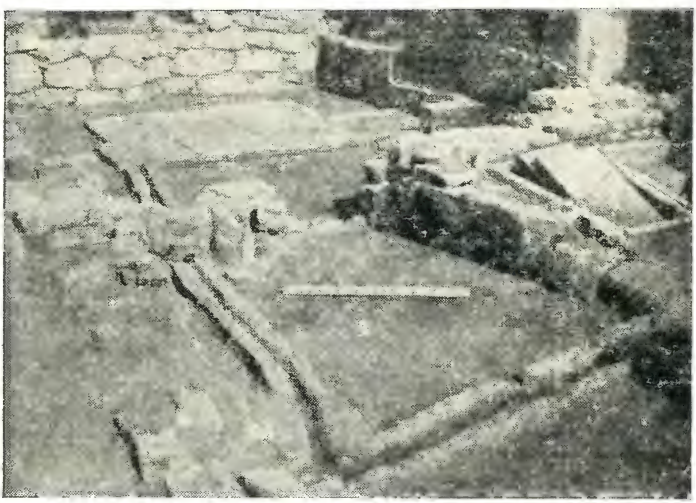


Рис. 3. Винодельня на городище «Чайка». Северная комната с площадкой для пресса (на втором плане).

площадки с выступающей плитой 3,10 м. В юго-западном углу ее был устроен желобок слива. От него начинается сток, сложенный из прекрасно обработанных камней с мелким и нешироким продольным желобком. Этот сток имеет протяженность 4,80 м и соединяется с главным глубоким стоком, отходящим от площадок со ступенчатым расположением (см. рис. 3). Цистерна находилась во дворе дома на расстоянии около 9 м от начала главного каменного стока. Она была вырыта в земляном грунте и углублена в скалу. Глубина цистерны составляет 1 м, диаметр — 0,90 м. Земляная часть стенок была обложена камнем.

Следует обратить внимание, что в помещениях винодельни раскопками были обнаружены следы пожара,

особенно значительные в северной комнате, на полу которой были найдены обгоревшие сырцовые кирпичи, фрагменты сгоревшего дерева и очень много золы. В отделении с ванночками следы пожара выявлены главным образом на верхней площадке. Ванночки же засыпаны чистым желтым суглинком. Возможно эти монолитные и тщательно сделанные вместилища очень ценились и поэтому их специально засыпали перед катастрофой.

Найденная винодельня не имеет точных аналогий среди известных подобных комплексов на территории Северного Причерноморья. Ее отличают и длинный сток, и тарапаны, составленные из отдельных известняковых плит, ступенчатое расположение двух площадок в первой комнате и резервуары-ванночки. Интересно, что совершенно сходные монолитные резервуары (трапециевидной формы со ступеньками в широком конце и углублением в узком) были обнаружены во время раскопок Афинской агоры. Французский исследователь Р. Жинуве, а вслед за ним и американские ученые считают, что это банные или гигиенические ванны, но факт нахождения их in situ в чайкинском винодельческом комплексе ставит под сомнение такую трактовку.

Попытаемся восстановить процесс работы в условиях данного комплекса. Не вызывает сомнения, что на верхней площадке давили или топтали виноград ногами для получения сока, который стекал на нижнюю площадку. Нижняя площадка способствовала растеканию сусла по плоскости с целью его очищения или осветления, как говорят виноделы. Глубокий виносток, идущий от этих двух площадок, безусловно, свидетельствует о первоначальном этапе выжимания виноградного сусла ногами, когда оно должно было поступать в большом количестве при работе на площадке нескольких человек. Таким образом, сусло, пройдя через виносток, заполняло стоявшую под навесом во дворе цистерну.

По мере ее заполнения сусло вычерпывалось и разливалось по пифосам.

На большой площадке в северной комнате происходило отжимание виноградных выжимок (мезги), полученных после первого этапа давления. Незначительный отток сусла в данном случае обусловил мелкий виносток, отходящий от этой площадки. Вероятно, это делалось при помощи пресса. Однако при зачистке пола и

стен никаких следов установки рычажного пресса, употреблявшегося в это время в маслоделии и виноделии, обнаружить не удалось. Кроме того, помещение было недостаточно большим для установки такого рода пресса. Обнаруженное в этой комнате большое количество золы позволяет предполагать, что в ней находилась значительная деревянная конструкция. Весьма вероятно, что над площадкой был устроен пресс, аналогичный изображенному на фресках дома Веттия в Помпеях и в одном из домов Геркуланума. На этих фресках показан процесс отжимания маслин. Такой пресс представлял собой своеобразную конструкцию, состоявшую из стойки с несколькими рядами горизонтальных досок-полок, между которыми при помощи молотов вбивались деревянные клинья (рис. 4)). Расположение площадки на расстоянии 0,80 м от северной и 2 м от южной стены давало возможность рабочим забивать и выбивать клинья с двух сторон этой конструкции, установленной поперек площадки. Что касается ящиков-ванночек, обнаруженных в комнате, где происходило первичное давление винограда, их назначение, вероятно, связано с этим начальным процессом обработки ягод. Но это пока лишь одно из многих предположений.

Рис. 4. Изображение пресса на фреске дома из Геркуланума. I в. до н. э.

Следующий вопрос, который возникает при изучении чайкинской винодельни, — вопрос о ее производительности. Уже один факт создания такого сложного устройства винодельни, с раздельными площадками для давления ногами и при помощи пресса, установка в ней специально изготовленных вместилищ особого назначения свидетельствуют о том, что здесь готовилось вино для продажи. Определение производительности виноделен основывается обычно на запасе пифосов, служивших для розлива полученного сусла, на объеме цистерн, принимавших сусло и, наконец, на сравнении с теми винодельнями, относительно которых уже высказано предположение об их производительности.

При определении сезонной выработки чайкинской винодельни из-за отсутствия винного хранилища с пифосами приходится опираться на размер верхней давильной площадки и на емкость ее цистерны. Цистерна могла принять около 572—600 л сусла. При попытке представить себе количество вырабатываемого сусла винодельней в сезон очень важно понять, чем может быть обусловлен объем ее приемника-цистерны. Заполнялась ли она в результате отжима одной порции, уложенной на площадке, или в результате повторения операции отжима над несколькими такими порциями в течение одного дня? Приемник мог быть рассчитан и на несколько дней работы винодельни. Поэтому необходимо сначала определить количество вина, полученное во время или в результате одного отжима.

Опыт современных виноделов позволяет предполагать, что на чайкинскую рабочую площадку размером 2,25 м^2 укладывалось около 120 кг винограда. Из этого количества сырья могло получиться не менее 72 л виноградного сока, если исходить из самой низкой современной нормы его выхода (60%). Размер площадки позволяет одновременно работать на ней четырем-пяти давильщикам. В современном домашнем виноделии один человек без применения механизмов способен отжать примерно 100 кг винограда. Это обстоятельство делает вероятным предположение, что на чайкинской площадке при указанной загрузке эта операция могла быть повторена четыре-пять раз в день, другими словами, за день могло быть отжато 480—600 кг винограда, что позволило бы получить 288—360 л сока.

К сожалению, в настоящее время нельзя сказать, выходило ли это количество сусла только в результате обработки виноградной массы ногами или уже в комбинации с обработкой мезги при помощи пресса. Так или иначе после первой операции отжима на верхней площадке приступали к работе в северной комнате, где уже применяли пресс для выжимания мезги, получившейся во время первичной обработки виноградной массы. Эта работа производилась одновременно с последующими операциями выжимания сусла на первой площадке. Представление об одновременности проведения этих работ основывается на нахождении в винодельне двух раздельных площадок — для выжимания ногами и при помощи пресса. Если бы работы эти ве-

лись последовательно, то не было бы необходимости строить две площадки — можно было бы работать на одной.

С прессом должны были работать два человека, как это показано на фреске (см. рис. 4). Таким образом, дневная работа шести человек могла обеспечить получение как минимум 288 л виноградного сока, другими словами, около 300 л, что составляет половину объема цистерны. Как будто напрашивается вывод, что цистерна была рассчитана на заполнение ее суслом за период двухдневной работы. В сезон использования винодельни, который мог продолжаться не менее 1,5 месяца, вероятно, получали около 13 500 л вина.

Обратим внимание еще на один интересный факт. В помещении к югу от комнаты с «ножной» давильной площадкой и примерно на уровне ее были обнаружены остатки вымостки из черепицы. Площадь ее близка к размеру верхней площадки. Можно предположить, что перед нами основание еще одной «ножной» площадки. Этот вывод обосновывается нахождением в основании давильных площадок боспорских виноделен черепичных вымосток. Новая площадка должна была бы в два раза увеличить пропускную способность винодельни, и цистерна могла бы наполняться за один рабочий день. Общее число работников винодельни увеличилось бы до десяти человек. Выход вина мог составить в сезон около 27 000 л. Эта цифра определяет производственную возможность комплекса. Но вполне вероятно, что хозяин мог и не стремиться полностью использовать ее. Ему ведь было важно ускорить процесс работы в винодельне в период, когда происходило созревание наибольшего количества ягод, чтобы не задерживать их переработку.

Скорее всего, хозяин с самого начала предполагал сделать винодельню с двумя площадками для обработки винограда топтанием — об этом свидетельствует цистерна, рассчитанная на однодневное заполнение при работе двух площадок. Однако он торопился начать работы. Поэтому сначала решил обойтись без второй «ножной» площадки. Две оформленные площадки были соединены при помощи стоков с цистерной, были готовы или почти готовы для работы и, вероятно, уже использовались. Затем началась постройка и второй «ножной» площадки. Но хозяину не удалось воплотить свои за-

мыслы. Винодельня погибла в сильном пожаре во время нападения скифов (в начале III в. до н. э.).

В дальнейшем разрушенная винодельня не отстраивалась. Установление ее проектировавшейся мощности все же заставляет задуматься еще над одним вопросом — о размере виноградника, принадлежавшего хозяину винодельни. К сожалению, в окрестностях чайкинского городища в силу их современной заселенности и природных условий не удалось обнаружить остатков древних земельных наделов. Но такие наделы были открыты и изучены экспедицией Института археологии АН СССР, руководимой А. Н. Щегловым, на Тарханкутском полуострове. Здесь, около современного города Черноморска, у мыса Ойрат выявлен земельный участок, включавший в себя виноградник площадью 8,2 га. По очень вероятному подсчету исследователя такой виноградник мог дать 16 500 — 24 500 л вина. Ранее было показано, что чайкинская винодельня вполне могла переработать урожай с такого и даже несколько большего участка.

Существование в доме хорошо оборудованной винодельни свидетельствует прежде всего о производстве вина на продажу или, другими словами, о товарном характере этого производства на данном поселении. Сразу следует сказать, что на чайкинской крепости найдены остатки еще одной винодельни, правда, сильно разрушенной. Не исключено, что подобные сооружения еще будут обнаружены под нераскрытой площадью городища.

Открытие винодельни на «Чайке» позволяет более уверенно говорить о начале и развитии товарного виноделия и для других пунктов Северо-Западного Крыма, где найденный ранее археологический материал служит основанием для этого. Так, например, А. Н. Щеглов подчеркивал специализированный виноградарский характер участка у мыса Ойрат. Но определенно говорить о товарном виноделии или хотя бы о его начале исследователю помешало именно отсутствие находок стационарных виноделен на территории Северо-Западного Крыма. В данном случае перед читателем один из примеров, показывающих, как сведения, полученные разными экспедициями, дополняют друг друга и позволяют более полно представить те или иные стороны жизни древнего населения Северо-Западного Крыма.

Можно предполагать, что чайкинское вино и вино других пунктов Северо-Западного Крыма продавалось в амфорах, закупавшихся у херсонесских гончаров. Вероятно, с этим обстоятельством связано наблюдаемое преобладание херсонесских амфор над амфорами других центров на поселениях Северо-Западного Крыма, обеспеченных собственным вином. Начавшееся здесь развитие виноделия в какой-то степени стимулировало гончарное дело Херсонеса.

Работами степного отряда Крымской экспедиции МГУ под руководством В. С. Ольховского зафиксировано большое количество обломков херсонесских амфор в курганах, оставленных кочевым населением Северо-Западного Крыма. Эти курганы, раскопанные у сел Колоски и Приветное Сакского района, свидетельствуют о контактах между кочевниками и прибрежными поселениями херсонесцев. Возможно, вино из «Чайки» и других пунктов Северо-Западного Крыма поступало и на внутренний херсонесский рынок, где ему приходилось конкурировать с дешевым вином из виноградников Гераклейского полуострова (последние приносили более высокий урожай по сравнению с урожаем виноградников Северо-Западного Крыма). Вместе с этим вином северокрымское могло экспортироваться и в другие города Северного Причерноморья — в Ольвию, Тиру, Пантикапей, Танаис и т. д., где обнаружены во время раскопок клейменые и неклейменые херсонесские амфоры. Пока еще трудно сказать, какую долю в общем экспорте вина Херсонесом занимало вино, изготовленное на территории Северного Крыма.

При описании винодельни неоднократно отмечалось, что она погибла от сильного разрушения, сопровождавшегося пожаром, и после этого работа в ней не возобновлялась. Как показало изучение археологического материала, винодельня была разрушена еще в первой четверти или первой трети III в. до н. э. Гибель ее одновременна большим пожарам и разрушениям, зафиксированным и в других местах крепости. А этот слой разрушений в свою очередь соответствует слоям разрушений на других памятниках Северо-Западного Крыма, на ряде которых жизнь уже не возобновилась.

Эта волна катастроф, прокатившаяся по Северо-Западному Крыму, близка по времени к составлению

присяги гражданами Херсонеса и, весьма вероятно, находит в ней отражение. Ведь в тексте присяги ясно чувствуется отзвук либо нависшей угрозы над поселениями Херсонеса в Северо-Западном Крыму, либо уже прошедших грозных событий, после которых жизнь на многих поселениях уже не возрождается. Вероятно, в связи с создавшимся неустойчивым положением греческих поселенцев на северо-западном побережье Крыма виноделие как товарное производство не получает дальнейшего развития.

Факт застройки внутреннего пространства крепости жилищно-хозяйственными комплексами свидетельствует, что она не представляла собой единой большой сельскохозяйственной усадьбы. Стало очевидным, что стены крепости служили защитой нескольким домам, владельцы которых занимались сельским хозяйством, виноделием и торговлей. Однако при этом не следует забывать, что чайкинская крепость представляла собой прежде всего складской и военный опорный пункт херсонесского государства. С уничтожением общественных складских помещений и переделкой их после разрушения крепости в начале III в. до н. э. в жилищно-хозяйственные комплексы памятник становится укрепленным сельскохозяйственным поселком, просуществовавшим до II в. до н. э., когда он был захвачен и окончательно разрушен скифами.

Сельскохозяйственные усадьбы

Резко контрастирует с чайкинской крепостью расположенное в трех километрах от нее поселение у Евпаторийского Маяка. Раскопки этого памятника близятся к завершению. Он состоит из двух почти квадратных в плане усадеб. Площадь каждой из них составляет около 900 м². Они соединены в один блок, имеют обычную для сельскохозяйственных усадеб планировку: помещения располагаются по внутреннему периметру стен; внутреннее пространство каждой усадьбы занято большим двором. В одном из дворов открыт колодец. Рядом с усадьбами находился большой дом с полуподвальными помещениями, углубленными на 1 м ниже поверхности поселения того времени.

По характеру строительства это поселение резко отличается от «Чайки» и всех других херсонесских по-

селений Северо-Западного Крыма. Нижние части стен построек возведены из обкатанной известняковой гальки, вероятно, собранной на морском побережье. К сожалению, нельзя сказать, из чего были возведены верхние части стен.

Это необычное для греческой культуры строительство сразу вызывает сомнение в принадлежности памятника грекам. Однако весь уклад жизни населения усадеб, прослеженный по находкам, ничем не отличается от жизни в чайкинской крепости. На поселении найдено много греческой кухонной и парадной чернолаковой посуды, не говоря уже об амфорах и различной толстостенной керамике. Правда, представлена в небольшом количестве и лепная посуда, повторяющая формы скифской керамики. Кроме того, встречаются сосуды с резным орнаментом, характерным для керамики кизил-кобинской культуры предгорий Крыма и кочевого населения Степного Крыма. Но этих предметов найдено немного и по ним нельзя определять этническую принадлежность основного населения памятника. При этом стоит обратить внимание, что и на территории чайкинской крепости с ее превосходными типичными традициями греческого строительства также находят лепную керамику в которой представлены и скифские горшки, и фрагменты с резным орнаментом, аналогичным орнаменту на кизил-кобинской посуде.

Определение памятника как двух сельских усадеб не вызывает сомнения. Об этом свидетельствуют и их планировка, и размеры, находящие соответствия в памятниках, трактуемых в качестве греческих сельских усадеб. Подтверждается это и находками сельскохозяйственных орудий труда. Остается лишь непонятным назначение большого дома с полуподвальными помещениями. Найденные при раскопках усадеб предметы быта идентичны чайкинским: тот же набор керамики, такие же терракотовые статуэтки. На памятнике обнаружено много монет, среди них больше всего херсонесских, представлены также монеты керкинитидские и одна боспорская.

Разрушение усадеб, сопровождавшееся пожарами, произошло в начале III в. до н. э., вероятно, одновременно с гибелью винодельни на «Чайке» и частичным разрушением самой крепости. Жизнь на Маякских усадьбах к середине III в. до н. э. прекращается.

При раскопках усадеб и крепости было обнаружено много фрагментов сосудов с граффити — процарапанными надписями. Этот материал рассказывает нам о разных сторонах жизни греческого населения. С хозяйственными нуждами связаны буквы, начертанные на горлах амфор или на венчиках пифосов. Это — цифровые пометки, выраженные при помощи букв греческого алфавита. Чаще всего они обозначали объем сосуда, иногда его цену. На донышках сосудов ставили имя владельца, иногда делались посвящения разным богам — Деметре, Коре, Зевсу, Дионису, Гере, Деве, Гераклу; часто имена богов писались в принятых сокращениях. Эти граффити вводят нас в религиозную жизнь населения изучаемых памятников.

Рис. 5. Фрагмент донышка сосуда, принадлежавшего мисту.

Интересно донышко сосуда (рис. 5) с надписью μυστου (миста). Вероятно, сосуд принадлежал мисту — участнику мистерий (тайного священнодействия). К сожалению, мы так и не знаем с мистериями в честь какого божества был связан этот мист.

С почитанием богов, упомянутых в надписях, связаны находки терракотовых статуэток, среди которых особенно много фигурок Коры и Деметры. В разных вариантах они в большом количестве найдены в «Чайке» и на Маякских усадьбах. Статуэтка Деметры представляет собой погрудное изображение полной женщины с согнутыми в локтях и прижатыми к груди руками. На голове ее надет чепец со спускающимися к плечам завязками (рис. 6, а). Кора представлена в образе девушки или молодой женщины. Левой рукой, согнутой в локте и поднятой к плечу, богиня придерживает отброшенное покрывало. Правая рука, прижатая к груди, держит плод или птицу. Длинные локоны спускаются

на плечи (рис. 6, б). Наиболее интересен фрагмент протомы Коры с сохранившимися следами первоначальной раскраски. Богиня изображена в калафе, покрывающем пышные, спускающиеся локонами волосы. Лицо ее и полукруг над калафом покрыты белой краской. Губы красные, волосы коричневые. На калафе следы черной

Рис. 6. а) Терракотовая протома Деметры с городища «Чайка». III в. до н. э.
б) Терракотовая протома Коры с поселения у Евпаторийского Маяка. III в. до н. э.

краски. Ободок полукруга над калафом в момент открытия имел яркий голубой цвет (см. заставку).

В городах Северного Причерноморья исследователями установлена связь между культами Деметры и Коры и статуэтками, изображающими юношу в калафе с длинными крыльями за плечами. Такая статуэтка с крыльями, покрытыми белой краской, найдена и на «Чайке». Таким образом, на рассматриваемых памятниках наиболее ярко проявляется земледельческий культ Деметры и Коры.

При раскопках Маякских усадеб был обнаружен фрагмент чернолакового канфара с каннелированным туловом, украшенного в верхней части накладной росписью. Ниже росписи заметны прочерченные буквы (рис. 7, а). Фрагменты и целые экземпляры таких кубков-канфаров, служивших для возлияний, представляют собой обычные находки во время раскопок гре-

ческих поселений и могильников. Много их было найдено при раскопках крепости «Чайка», Маякских усадеб, в погребениях могильника у с. Заозерного. Изящный образец такого же сосуда (рис. 7, б) происходит из дома с винодельней. Сделанная же владельцем первого сосуда надпись представляет особый интерес. В ней содержится греческое слово Гигиея (Ὑγίεια), поставленное в родительном падеже. Гигиея — имя дочери бога Асклепия, богини здоровья. Надпись как бы говорит от имени сосуда — «Я канфар Гигиеи» (богини здоровья). Внимательно присмотревшись к надписи, обратим внимание, что резчик сделал ошибку и процарапал подряд две буквы «г». Но, сразу заметив ошибку, он переделал лишнее «г» на «и» (греческую иоту ι), зачеркнув мелкими штрихами его горизонтальную черту. Интересно, что окончание слова — две последние буквы написаны другой рукой или, во всяком случае, другим шрифтом (см. рис. 7, а).

Рис. 7. а) Фрагмент чернолакового канфара с надписью «Гигией» с поселения у Евпаторийского Маяка. III в. до н. э.
б) Чернолаковый канфар с городища «Чайка». III в. до н. э.

В Херсонесе, Ольвии и Пантикапее во время раскопок были обнаружены чернолаковые кубки и их фрагменты с процарапанными на видном месте именами богов, поставленными в родительном падеже. Среди них имена Зевса Спасителя, Зевса, Диониса и Афродиты. Часто надписи делались на сосудах, украшенных росписью, придававшей им нарядный и праздничный вид. Все это позволяет предполагать, что эти кубки служили для возлияний богам на праздничных собраниях свободных греков. Стихотворение А. С. Пушкина

«Бог веселый винограда» вводит нас в атмосферу греческого пира:

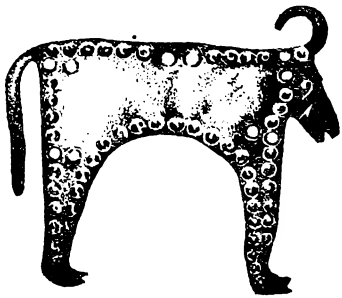
Бог веселый винограда
Позволяет нам три чаши
Выпивать в пиру вечернем.
Первую во имя граций,
Обнаженных и стыдливых;
Посвящается вторая
Краснощекому здоровью,
Третья дружбе многолетней.

Любопытно, что всем посвящениям, приведенным в стихотворении поэта, в археологическом материале соответствуют ритуальные пиршественные чаши.

Находки терракот и многочисленные граффити, написанные греческими буквами на греческом языке, свидетельствуют об отправлении населением изучаемых памятников греческих культов, о соблюдении им греческих обычаев. Это говорит в пользу преобладания греческого населения на изучаемых памятниках или, во всяком случае, о его ведущей роли.

Нельзя не сказать, что эти наблюдения вступают в некоторое противоречие с данными, полученными во время раскопок некрополя у с. Заозерного — предполагаемого кладбища древних жителей чайкинского городища. Здесь наряду с чертами греческого погребального обряда присутствуют и элементы, характерные для погребений местного населения, например курганы, устройство каменных колец вокруг могил, конское захоронение и некоторые другие. Плохая сохранность человеческих костей в могилах пока не позволила специалистам закончить изучение всех сохранившихся черепов. Однако среди небольшого числа изученных экземпляров преобладает негреческий тип.

Таким образом, присутствие местного населения более четко выступает из данных раскопок могильника по сравнению с материалами, полученными при раскопках мест жительства этих людей. Дальнейшие усилия антропологов и археологов в изучении этого материала позволят определеннее говорить о соотношении греческого и негреческого населения на изучаемых памятниках.



Н. В. Рындина

ЧЕЛОВЕК У ИСТОКОВ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Одной из наиболее увлекательных проблем в истории первобытного общества является проблема происхождения и начального развития металлургии. Первыми металлами, известными людям, стали те, которые встречаются в природе в самородном виде — золото и медь. Но золото, несравненно более редкое, находило применение только в изготовлении украшений. Медь же с самого начала стала важным материалом для изготовления орудий труда, а затем и оружия. Греческий эпос рассказывает о временах, когда люди «использовали орудия и оружие только из меди и воевали медью, поскольку черное железо не было известно». Античные авторы не только отдают дань уважения этой далекой медной эпохе, но и с предельной ясностью определяют основные этапы развития человечества по ведущим рабочим материалам древности — камню, меди и железу. Великий философ древнего Рима Тит Лукреций Кар в своем сочинении «О природе вещей» писал в I в. до н. э.:

Прежде служили оружием руки могучие, когти,
Зубы, каменья, обломки ветвей от деревьев и пламя,
После того, как последнее стало людям известно.
После того была найдена медь и порода железа.
Все-таки в употребленье вошла прежде медь, чем железо,
Так как была она мягче, притом изобильней гораздо.
Медным орудием почва пахалась, и медь приводила
Битву в смятенье, тяжкие раны везде рассевая.
Скот и поля похищались при помощи меди, легко ведь

Все безоружное, голое повиновалось оружью.
Начали мало-помалу мечи из железа коваться,
Вид же оружья из меди в людях возбуждать стал презренье.
В это же время и землю возделывать стали
железом,
И при войне с неизвестным исходом равнять
свои силы.

Любознательный читатель, несомненно, спросит, каким образом в столь раннее время могли появиться представления о последовательной смене в истории орудий из камня, меди и железа? Наиболее естественно предположить, что их донесла до античных писателей и мыслителей передаваемая из поколения в поколение память предков. Но потом эта память померкла, а идеи античных авторов были прочно забыты. Человечеству понадобилась почти тысяча лет, чтобы вновь возродить их, но уже на научной основе.

В первой половине — середине XIX в. в Европе развернулись активные археологические раскопки. Они привели к накоплению в музейных собраниях огромных коллекций археологического материала. Попытки их культурно-хронологической оценки, дополненные первыми химическими исследованиями металла, внесли лишь одну коррективу в предложенную античными авторами схему: между веком меди и железа был введен век бронзы — время господства орудий из сплавов на медной основе. Приоритет научной разработки этих проблем принадлежит датскому археологу Х. Томпсону (1836 г.) и венгерскому археологу Ф. Пульскому (1876 г.).

Сейчас уже ни у кого не возникает сомнений, что за веком камня следовали века меди—бронзы, а затем и железа. Такое развитие, в значительной степени связанное с успехами металлургии, проверено археологическими находками на территории основной части Старого Света. Исключением в пределах этого региона является, пожалуй, лишь Центральная и Южная Африка и Северо-Восточная Азия, где позднему появлению железа не предшествовало знакомство с медью и бронзой.

Существует часто повторяемое мнение о том, что открытие меди явилось одним из величайших достижений древности. Действительно ли это так? В чем состояло преимущество меди? Отчего она быстро завоевала признание наших далеких предков и вытеснила камень, бывший до тех пор основным рабочим материа-

лом в течение сотен тысяч лет? Благодаря пластичности меди одной ковкой из нее можно было получить очень тонкие и острые лезвия. Поэтому такие важные для древнего человека изделия, как иглы, шилья, рыболовные крючки, ножи, кинжалы, наконечники стрел и копий, изготовленные из металла, оказались более совершенными, чем сделанные из камня и кости. Благодаря плавкости меди оказалось возможным придать ей такую сложную форму, которая в камне была недостижимой. Поэтому освоение плавления и литья определило появление многих новых, неизвестных ранее орудий — сложных проушных топоров, мотыг, комбинированных топоров-тесел и т. д. Высокие рабочие качества этих орудий определялись не только сложностью их формы, в равной мере они зависели от твердости их лезвий. А повышать твердость металла у лезвий человек очень скоро научился путем его преднамеренной проковки[1]. Итак, высокий рабочий эффект меди стал основной причиной ее широкого и быстрого распространения.

Здесь, пожалуй, уместно рассказать об интересных экспериментах ленинградских ученых. Доктор исторических наук С. А. Семенов с группой молодых археологов в приангарской тайге провел серию опытов по сравнительному сопоставлению производительности медных и каменных орудий. Два одинаковых по форме топора — медный и каменный — были использованы при рубке равных по толщине сосен диаметром 25 см. В роли лесоруба выступал один и тот же человек. Непрерывно орудуя каменным топором, он свалил сосну только через 75 минут после начала работы. Каково же было изумление присутствующих, когда соседняя сосна была срублена им же с помощью медного топора всего через 25 минут! Медный топор оказался эффективнее каменного в 3 раза! Чтобы сопоставить рабочие качества не только ударных, но и режущих орудий, начали строгать деревянный сук медным, а потом кремневым ножом. Производительность медного ножа превзошла каменный в 6—7 раз!

[1] Английский ученый Г. Г. Коглен на опыте доказал, что литую медь с исходной твердостью 30—40 ед. по шкале Бринеля можно довести одной ковкой до твердости 110 ед. Эти цифры приобретут особую значимость, если вспомнить, что твердость железа составляет всего 70—80 ед.

Но наиболее ощутимо выявились преимущества меди при сверлении. Медным сверлом березовое полено было просверлено в 22 раза быстрее, чем кремневым. Таким образом, опыты С. А. Семенова наглядно показали, что коэффициент полезного действия медных орудий намного превосходил коэффициент полезного действия каменных. Но не только поэтому новый рабочий материал занял столь прочное место в быту древнего человека. Переход к использованию орудий из металла вызвал не только общий рост производительности труда, но и расширил технические возможности многих отраслей производства. К примеру, стала доступна более совершенная обработка дерева. Медные проушные топоры, тесла, долота, а позднее пилы, гвозди, скобы позволили выполнять такие сложные работы по дереву, которые ранее были просто неосуществимы. Эти работы способствовали улучшению приемов домостроительства, появлению выпиленного или вырезанного из дерева колеса, а по мнению английского археолога Гордона Чайлда, и первой цельнодеревянной сохи.

Древнейшие свидетельства использования колеса действительно обнаружены только там, где уже стали доступными орудия из металла. Примеров можно привести множество: они отмечены находками в памятниках медного и раннего бронзового веков Месопотамии, Кавказа, Средней Азии, северопричерноморских степей, Венгрии. Колесо предоставляло человеку большие возможности для передвижения и транспортировки. Оно нашло успешное применение в конструкции во́рота. И наконец, от открытия колеса был один шаг к изобретению гончарного круга.

Таким образом, многие, вполне реальные достижения древнего человека могут быть поставлены в связь с успехами металлургии. Представив себе эти достижения, легче понять, почему археологи выделяют в истории первобытного человека в качестве самостоятельных хозяйственно-технических этапов медный и бронзовый века. Они оценивают их не только с точки зрения основного, используемого для изготовления орудий металла, но и с точки зрения общего технического и социального прогресса общества. И тут сразу возникает вопрос, с какого момента мы вправе говорить о наступлении медного века? Можно ли поначалу весьма редкие находки из меди связывать с наступлением века металла?

Археологические открытия, сделанные на протяжении двух последних десятилетий на Ближнем Востоке, позволяют заключить, что первые медные поделки в виде мелких бусин, проколочек, шильев появляются в весьма ранних поселениях так называемого «докерамического неолита» (рис. 1). Обитатели этих поселений не знали керамики и пользовались лишь каменными, деревянными или плетеными из лозы сосудами, обмазанными для водонепроницаемости битумом. Но они уже сделали первые шаги по пути овладения земледелием и скотоводством: выращивали злаки и пасли скот. Культура их, в целом связанная с каменным веком, совершенно неожиданно обнаружила того человека, который первым на нашей Земле держал в руках обработанную медь.

В 60-х годах сенсацией номер один в мировой археологии стали раскопки восточного холма Чатал-Гуюк, расположенного в Южной Анатолии, в солончаковой степи долины р. Конья. Раскопки проводились сотрудниками школы Британского археологического института в Анкаре во главе с доктором Джеймсом Меллартом. Они длились всего три полевых сезона, с 1961 по 1963 год, но дали такую богатейшую коллекцию, равной которой по обилию и великолепию находок не знала первобытная археология. Занимая площадь в 12 га, Чатал-Гуюк является самым большим неолитическим поселком Ближнего Востока. Не случайно позднее на страницах научных журналов развернется оживленная дискуссия, можно ли считать его неолитическим городом.

Мощность культурного слоя Чатал-Гуюка огромна — 19 м, а местами и более. Непрерывное развитие культуры этого памятника демонстрируют 14 строительных горизонтов, которые по времени укладываются в промежуток от 6250 до 5400 г. до н. э. Эти даты получены методом радиоуглеродного датирования 30 образцов, собранных археологами с различных горизонтов.

По образному заключению Д. Мелларта, «культура Чатал-Гуюка является материализованным воплощением всех достижений неолитической революции». Понятие «неолитическая революция», впервые введенное в научный оборот Гордоном Чайлдом и принятое многими археологами, в том числе и советскими, означает революционный переход от присваивающего хозяй-

ства — охоты и собирательства к производящему — земледелию и скотоводству.

В самом деле, жители Чатал-Гуюка знают уже 14 видов культурных растений. Среди них три вида пшениц, несколько видов ячменей, горох, обычная и горькая вика, виноград и т. д. Здесь собрана такая ги-

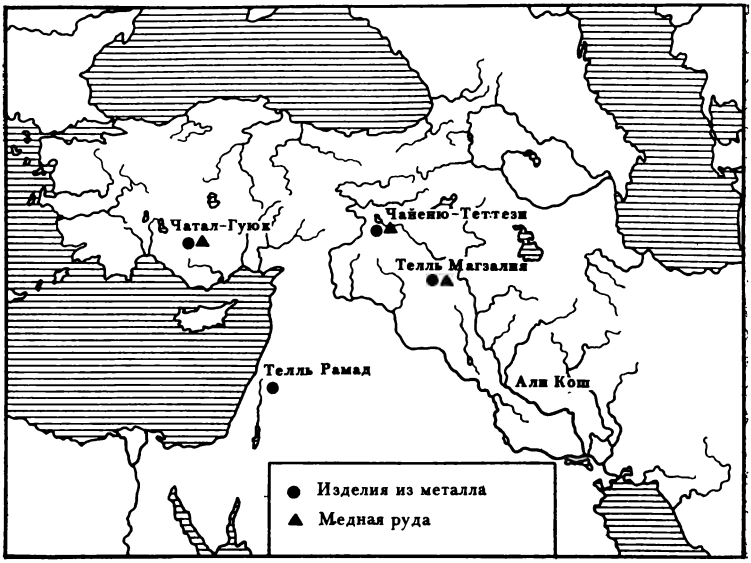


Рис. 1. Древнейшие металлические находки в памятниках докерамического неолита Ближнего Востока.

гантская коллекция зерен и семян различных культурных растений, равной которой нет нигде в мире. Она включает в себя даже семена декоративных комнатных растений, украшавших жилища.

Кроме земледелия обитатели поселка занимались скотоводством. Остеологи, изучившие костные остатки, собранные при раскопках, установили, что в составе стада был и крупный, и мелкий рогатый скот — коровы, козы, овцы. Пищевой рацион пополнялся частично за счет охоты на крупнокопытных животных — оленей, диких ослов, быков, кабанов. Однако роль охотничьего промысла постепенно угасала.

О высоком развитии общества, оставившего нам этот неолитический поселок, свидетельствует расцвет его домашних промыслов и ремесел. Изумительно техническое совершенство изготовления изделий из камня. Наконечники копий и стрел из обсидиана и кремневые кинжалы с великолепной «струйчатой» ретушью являются подлинными шедеврами искусства камнеобработки и оставляют далеко позади все близкие по времени изделия Ближнего Востока (рис. 2). Поражают техникой полировки зеркала из обсидиана — древнейшие зеркала нашей планеты. Из полудрагоценных камней — бирюзы, сердолика, халцедона, яшмы — мастерски выточены бусы. Высверленные в них отверстия тоньше, чем в современных иглах! Из камня же делались сосуды весьма разнообразных форм. При их производстве использовался мрамор, диорит, алебастр. Техническое мастерство и изысканный вкус исполнения разнообразной деревянной посуды, заменявшей в нижних слоях поселения керамику, также не имеет себе равных в мировой археологии. Обрывки прекрасных тканей обнаружили при специальном исследовании настолько высокое качество, что вызвали изумление даже у современных ткачей!

Рис. 2. Кремневый кинжал с костяной рукоятью из VI слоя Чатал-Гуюка.

Архитектура Чатал-Гуюка очень проста и однообразна. Прямоугольные дома и святилища из сырцового кирпича, плотно примыкая друг к другу, взбираются террасами по склону холма. Отсутствие между ними улиц и проходов заставляет думать, что вся жизнь обитателей поселка протекала на их плоских крышах. При переходе с одной крыши на другую и при спуске внутрь дома через прямоугольный лаз — отверстие в потолке — использовались приставные деревянные лестницы. Кро-

ме лаза в каждом доме имелось световое окошко. Оно находилось высоко, почти у крыши и служило не только для освещения, но и для выпуска дыма от топившегося «по-черному» очага. Вдоль боковой стены каждого жилища пристраивался хозяйственный отсек — хранилище для зерна. У внутренних стен жилых помещений возвышались глинобитные платформы-диваны, иногда огражденные деревянными столбами и окрашенные в красный цвет. Они служили для сидения, сна, работы. Под платформами, в пределах дома, погребали и умерших родственников, после чего совершался капитальный ремонт. Настенные росписи в пределах жилых построек, как правило, отсутствовали. Совершенно неожиданным поэтому было открытие расписного панно в одном из домов с красочным изображением плана поселка на фоне вулкана в момент его извержения. Д. Мелларт предположил, что это Гасан-Даг, расположенный рядом с Чатал-Гуюком, вулканическая деятельность которого не угасла до сих пор.

Но особенно впечатляют искусство и религия Чатал-Гуюка. Вызывает восхищение огромный набор статуэток из зеленоватого камня и глины. Это и животные — бараны, быки, леопарды, и люди — идущие, стоящие, сидящие мужчины и женщины, иногда в сопровождении животных. Дошедшие до современного зрителя статуэтки помогают распознать основных божеств, которым поклонялись обитатели поселка. Главной среди них была Богиня-Мать, дающая жизнь ребенку. Чаще всего она восседает на троне, ручки которого оформлены в виде двух стоящих леопардов. Статуэтки находят в святилищах, и это подтверждает, что они являлись особым объектом поклонения. Целый район Чатал-Гуюка, раскопанный Д. Меллартом, был назван им «жреческим» из-за огромного числа вскрытых там святилищ. Видимо, группа из двух-трех домов обслуживалась своим святилищем. Д. Мелларт именует их храмами, что неверно. Храм — это всегда монументальное сооружение, резко отличное по своей архитектуре от жилья. В. Чатал-Гуюке мы имеем дело, несомненно, со святилищами: ни по планировке, ни по строительной технике они не отличаются от жилых домов. Фактически это обычный дом, выделенный для религиозных функций и потому имеющий особенно богатый интерьер. Интерьеры святилищ украшались тремя способами:

росписью, силуэтной углубленной резьбой и рельефами, обычно монументальными, до двух и более метров в высоту, выполненными из глины на основе из связок соломы и дерева.

Для росписей характерны самые разнообразные мотивы. Обычно это красочные геометрические узоры, сплошь покрывающие стены. Скорее всего, они повторяют орнаменты ковров. Часто встречаются фигуры животных — оленей, леопардов. А в святилище V слоя чатал-гуюкские живописцы оставили нам цветную фреску с изображением загонной охоты: маленькие человеческие фигурки преследуют крупного дикого быка. Обилие охотничьих сцен говорит о живучести старых идеологических представлений в среде обитателей поселка: охота занимает всего 10% в их хозяйстве и тем не менее сохраняет устойчивую популярность в религиозной символике. Наряду с этим проявляет себя и символика, связанная уже с земледельческими культами, и прежде всего с культом плодородия. В изображаемых женских фигурах подчеркивается пупок, беременность. Распространены сцены, в которых показана богиня, рождающая голову быка или барана (рис. 3). Весьма показательна в этом смысле и популярность изображений быка, всегда сопряженного в среде ранних земледельцев с культом плодородия. Рельефно проработанные из глины бычьи головы с огромными рогами нависают со стен, а под ними располагаются ряды женских грудей. Целые ряды бычьих голов помещаются друг за другом на скамьи, служившие, видимо, для отправления каких-то обрядов. Иногда головы заменяются одними натуральными бычьими рогами, воткнутыми по краям этих скамеек.

Мы намеренно подробно остановились на описании изумительных древностей Чатал-Гуюка, чтобы показать сложный мир раннего земледельца и скотовода, впервые обратившегося к идее использования металла. Дело в том, что в культурном слое Чатал-Гуюка найден уже целый набор изделий из меди. Сенсационным стало их открытие уже в погребениях IX горизонта памятника, датируемого рубежом VII и VI тыс. до н. э. Это были украшения — бусы и трубчатые пронизки, прикрепленные к краю женской одежды в погребениях. В более поздних напластованиях, связанных с VI тыс. до н. э., появились мелкие шильца, проколки, кусочки медной

руды. Они дошли до археологов в сильно поврежденном от окисления состоянии и, видимо, поэтому привлекли к себе мало внимания. Во всяком случае, Д. Мелларт в своих публикациях материалов Чатал-Гуюка не приводит даже рисунков этих уникальных находок. Он лишь перечисляет их, называя «безделушка-

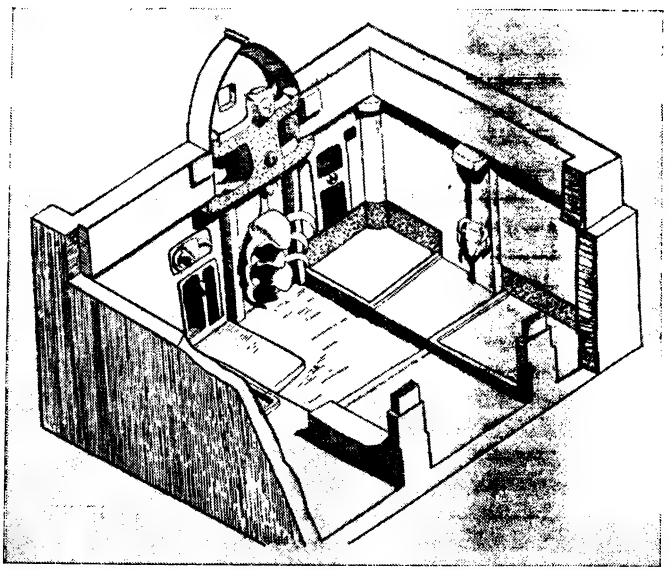


Рис. 3. Реконструкция святилища VI слоя Чатал-Гуюка.

ми». Между тем эти «безделушки» составляют бесценную коллекцию древнейших медных изделий планеты. Д. Мелларт думает, что все эти предметы изготовлены ковкой из самородной меди, но, к сожалению, это лишь гипотеза, не проверенная с помощью специальных химико-технологических исследований, хотя гипотеза и весьма вероятная.

Австрийский археолог Р. Питтиони полагает, что раскопки Чатал-Гуюка предоставили в распоряжение археологов не только данные о древнейшем применении самородной меди, но и о древней металлургической выплавке ее. Он исследовал микроскопически кусочки медной руды, извлеченные из домов Чатал-Гуюка, и

обнаружил в одном из них спекшиеся шлаковые скопления. По заключению Р. Питтиони, такого рода шлак мог быть получен только при преднамеренной плавке меди из окисленных рудных минералов. Вывод явно преждевременный и излишне прямолинейный. В доме, откуда получен этот «шлак», никаких других остатков медеплавильного процесса не найдено. Отсутствуют они и в других раскопанных постройках. Поэтому находки руды и даже руды ошлакованной можно объяснить совсем по-другому, связать с частым использованием в древности в качестве краски рудных минералов, в том числе малахита и азурита. При постоянном применении в быту кусочек такой краски мог случайно попасть в костер или домашний очаг, где и произошло его частичное восстановление и оплавление с образованием спекшейся ошлакованной массы.

Как бы то ни было, находки Чатал-Гуюка сформировали новое отношение к старой проблеме возникновения металлургии на Ближнем Востоке. Важнейший результат открытия медных изделий Чатал-Гуюка — установление замечательного для истории мировой культуры явления: начатки металлургических знаний не были диковиной даже для человека VII тыс. до н. э. А ведь до этого общепризнанным считался факт их зарождения только в V тыс. до н. э.

Находки в Чатал-Гуюке полностью разрушили и старые представления о зоне становления древнейшего в Старом Свете земледелия и скотоводства. Анатолия никогда не включалась в эту зону и считалась заброшенным в эпоху неолита краем. Теперь же она стала одним из самых ярких и развитых центров неолитической культуры, который, по выражению Д. Мелларта, «сияет подобно алмазу среди одновременных тусклых земледельческих культур».

Идея об уникальной древности металлических находок Чатал-Гуюка недолго занимала умы археологов. Вслед за Чатал-Гуюком на Ближнем Востоке последовало открытие целой серии памятников докерамического неолита, в которых также присутствовал очень ранний металл. К востоку от долины р. Конья, в верхнем течении Тигра, неподалеку от турецкого города Диарбекир американским археологом Р. Брейдвудом в содружестве с турецкой исследовательницей Г. Кемпбелл было раскопано еще одно замечательное раннеземле-

дельческое поселение — Чайеню-тепези. Серия радиоуглеродных дат, полученных для его пяти строительных горизонтов, дала временной интервал от 7500 до 6800 г. до н. э. Обломки медного шила и трех медных булавок, а также куски руды — малахита — были обнаружены уже в ранних напластованиях памятника и датированы рубежом VIII—VII тыс. до н. э. Чайеню-тепези расположено в 20 км от Эргани Маден — широко известного в древности месторождения самородной меди и малахита, не утратившего и сегодня роль важного рудного источника. Вероятно, отсюда и получали обитатели поселка необходимое сырье для своих металлических поделок.

Несколько позднее, во второй половине VII тыс. до н. э. металл стал известен в Восточном Средиземноморье. Во время полевых работ 1968 г., проводимых французской археологической экспедицией в многослойном поселении докерамического неолита у местечка Рамад неподалеку от Дамаска в Сирии, был найден сильно окислившийся предмет, явно сделанный из меди и потому сразу обративший на себя внимание исследователей. Назначение предмета и характер его металла были выяснены позднее, после специального изучения в 1970 г. в лаборатории археологии металлов при Центре по исследованию истории черной металлургии во французском городе Джарвиле. Тщательная расчистка коррозии показала, что первоначально изделие имело вид продолговатой подвески, входившей в состав ожерелья или нашивавшейся на одежду (рис. 4, а). Вдоль подвески проходило отверстие, в котором сохранились остатки продетой в него нити, судя по строению растительных волокон, сделанной из джута.

Поразительно интересными оказались результаты металлографического исследования изделия. Здесь уместно рассказать, что такое металлография и каковы ее задачи в археологии. Металлография — наука о внутреннем строении и особенностях металлов и сплавов. Рассматривая излом металлического предмета, можно даже невооруженным глазом заметить, что он неоднороден и состоит из множества кристаллов и зерен. Иногда зерна крупные и легко различимые, иногда настолько мелкие, что увидеть их удается только при значительном увеличении. Характер зерен — их форма, раз-

меры, взаимное расположение — определяется прежде всего природой исходного металла. Так, в металлах самородных, в том числе и в меди, вырастают огромные зерна, имеющие форму геометрически правильных полиэдров. Местами зерна начинают как бы раздваиваться, образуя так называемые «двойники» — узкие, длинные кристаллы, располагающиеся по границам основного зерна (рис. 5, а).

Рис. 4. Медные изделия VII тыс. до н. э. с территории Ближнего Востока: а) подвеска из Телль Рамада; б) подвеска из Али Кош; в) шило из Телль Магзалия.

Но строение металла зависит не только от его природных свойств, а и от методов его обработки. Уже давно ученые заметили, что зерна и кристаллы обладают способностью чутко реагировать на различные механические и термические воздействия. К примеру, достаточно проковать самородок вхолодную, ударив по нему несколько раз молотом, и его полиэдры раздробятся и послушно вытянутся длинными волокнами по направлению ковки (рис. 5, б). Если после холодной ковки его нагреть, то вновь вырастут полиэдры и двойники, но даже при самом сильном нагреве их размеры не достигнут свойственной самородкам величины (рис. 5, в). Этот прием термообработки принято называть отжигом; его часто использовали в древности для разупрочнения деформируемого металла, для снятия возникающих в нем напряжений и возвращения ему прежних пластических свойств, необходимых для продолжения ковки.

Если медь расплавить, то после остывания кристаллы вновь приобретут вид полиэдров, но их очертания станут округлыми, плавными. Потому полиэдры литого металла невозможно спутать с полиэдрами деформированного. Теперь понятно, что структура древнего металла таит в себе очень важную для археолога информацию. Изучив структуру, можно узнать, каким способом сделана вещь, а в ряде случаев и из чего она сде-

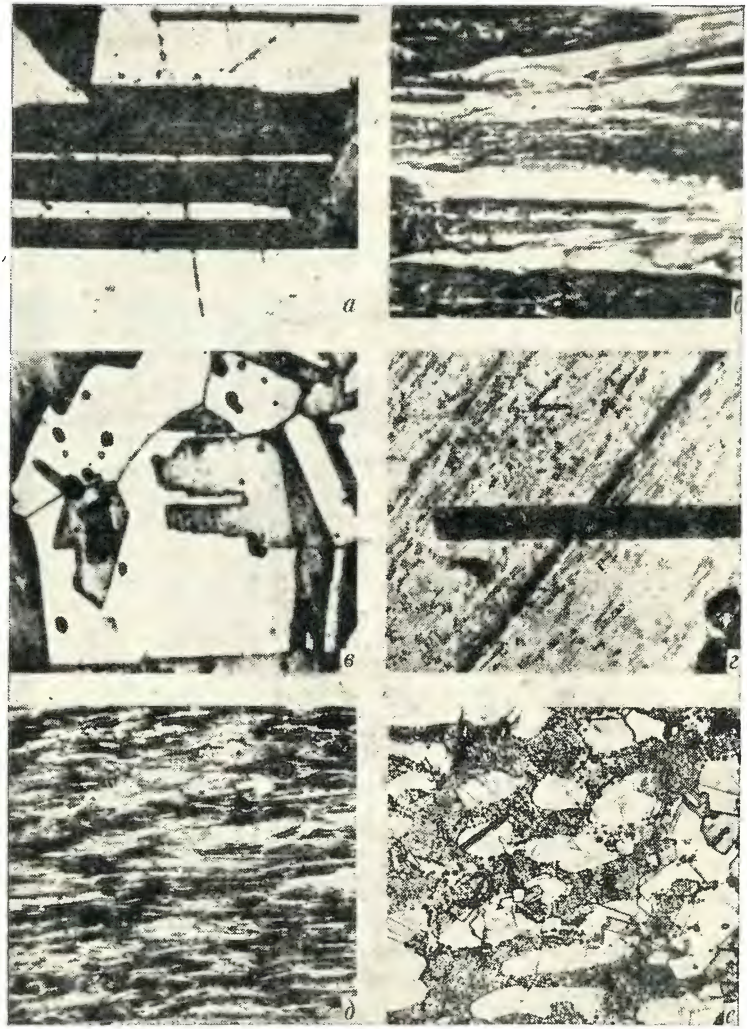


Рис. 5. Фотографии микроструктур (а—г—х400; д—е—х120): а) самородок с Алтая; б) он же, после холодной ковки; в) он же, после холодной ковки и отжига; г) подвеска из Телль Рамада; д) шило из Телль Магзалия; е) тесло-долото гумельницкой культуры из поселения Голямо Делчевс.

лана. Метод исследования, который позволяет распознать загадки строения металлов, и принято называть методом металлографического, или структурного, анализа.

Техника проведения анализа связана со специальной подготовкой металлического образца. Его тщательно полируют и шлифуют до зеркального блеска, а затем травят химическими реактивами. Под действием реактивов явственно проступает характер структуры металла, становятся различимыми границы слагающих ее кристаллов. Их рассматривают в отраженном свете на специальном металлографическом микроскопе. С помощью фотоустановки, вмонтированной в микроскоп, получают микрофотографии, которые документально отражают все увиденное глазами исследователя.

На микрофотографии подвески из Телль Рамада хорошо видно, что она выполнена из самородного металла (рис. 5, г). Обращает на себя внимание полное отсутствие в микроструктуре каких бы то ни было включений. Высокая чистота меди подтверждена и результатами ее микрохимического анализа, который показал только наличие следов мышьяка. По справедливому заключению французских ученых, для изготовления подвески был использован маленький медный самородок, не подвергавшийся никакой особой формующей обработке. К нему отнеслись как к разновидности камня, просто просверлили кремневым сверлом, чтобы получить отверстие для подвешивания, и не подправили даже холодной ковкой, которая, без сомнения, оставила бы свои следы в строении металла. Таким же способом сверлились каменные цилиндры и каменные бусы, в изобилии встреченные во всех слоях Телль Рамада.

В конце 60-х годов в поселении Али Кош на юго-западной оконечности Иранского плато, в долине Дех-Луран американской экспедицией была найдена удлиненная трубчатая подвеска (см. рис. 4, б). Она могла быть современницей пронизки из Телль Рамада, поскольку время существования докерамической фазы, в напластованиях которой она лежала, было четко определено по радиоуглероду интервалом 6750—6000 лет до н. э. Следует, однако, отметить, что технические приемы ее изготовления оказались более совершенными. Это установил с помощью металлографического иссле-

дования профессор металлургии Массачусетского технологического института С. Смит. Хотя весь металл пронизки из Али Кош оказался изъеденным коррозией, тем не менее сам характер ее скоплений позволил «прочесть» исходную структуру изделия, состоявшую из удлиненных волокон, характерных для холодной ковки. Но особенно важным было открытие в толще зеленовато-красных окисных образований ярко сверкавших в поле зрения микроскопа частиц серебра. Ведь С. Смиту было известно, что включения зернышек природного серебра часто сопутствуют медным самородкам. Не оставалось никаких сомнений, что пронизка из Али Кош была свернута из тонко прокованной вхолодную медной пластины, полученной из самородка.

Так, одна за другой из глубины тысячелетий попадали в руки археологов и металловедов древнейшие медные поделки, раздвигая пределы познания истории металлургии. Пришедшие в науку находки из Али Кош, Телль Рамада, Чайеню-тепези, Чатал-Гуюка показали, что первым металлом планеты была самородная медь, обработка которой в VII тыс. до н. э. была вполне обычным явлением. Не менее важный результат открытия этих находок — установление географической зоны, в пределах которой человек впервые познакомился с самородным металлом. Она включала значительный район Ближнего Востока от Анатолии и Сирийского Средиземноморья на западе до Иранского Хузистана на Востоке. Только одно обстоятельство смущало археологов: почему центральная часть этой зоны, приходившаяся на Северную Месопотамию, была лишена ранних находок из металла. Научное предвидение заставляло ожидать их и здесь.

Но вот наступил 1979 год и на археологической карте Месопотамии появился памятник, культурные отложения которого донесли до ученых долгожданный металл VII тыс. до н. э. Это было поселение докерамического неолита Телль Магзалия, раскопки которого проводились с 1977 г. силами советской археологической экспедиции АН СССР на севере Синджарской равнины Ирака.

Поселение почти наполовину разрушено рекой, на берегу которой оно располагалось. Сохранившаяся часть занимала площадь около 1,5 га, толщина слоя превышала 8 м. Слой накапливался непрерывно и до-

статочно быстро: предварительное сравнение археологического материала с вершины и основания жилого холма не дало явных, заметных различий в культуре. Быстроту накопления слоя обусловил характер жилых построек памятника: они были глинобитными и потому часто ремонтировались и перестраивались, а по прошествии нескольких десятилетий сносились. Причем после сноса пришедших в негодность домов площадки под новое строительство просто выравнивались, повышая тем самым уровень новой застройки.

Восьмиметровая толща культурных отложений холма была разделена археологами на 15 строительных горизонтов. На уровне третьего от вершины холма горизонта на глубине 236 см в непотревоженном слое было найдено медное шило (см. рис. 4, в). В четвертом и пятом горизонтах были обнаружены ноздреватые куски руды — малахита.

К сожалению, радиоуглеродных дат для Телль Магзалии пока нет. Но материал памятника проявляет большое сходство с Чайеню-тепези и рядом других ближневосточных поселков докерамического неолита, прочно датированных VII тыс. до н. э. На основании этих аналогий поселение Телль Магзалия также может быть отнесено к этому времени.

Шило из Телль Магзалии было доставлено одним из участников экспедиции Н. О. Бадером в лабораторию структурного анализа при кафедре археологии Московского университета для всестороннего технологического исследования. Это уникальное орудие поражало прежде всего прекрасной сохранностью своей первоначальной формы. Шило имело вид квадратного в сечении стержня с четко обозначенными гранями, один конец которого был плоско обрублен, а другой — заострен проковкой, а возможно, и специальной заточкой (см. рис. 4, в). Угол «заточки» рабочего окончания после снятия поверхностной коррозии металла составил не $>30°$. Общая длина шила 3,8 см, толщина — $0{,}3 \times 0{,}3$ см.

Было ясно, что, несмотря на хороший внешний вид орудия, следует прежде всего установить, в какой степени его металл поврежден окислением. Тончайший поперечный срез изделия был заплавлен мной в органическое соединение полистирол, тщательно заполирован и исследован с помощью бинокулярного микроскопа.

При увеличении в 23 раза удалось проследить три последовательно сменяющие друг друга, разные по степени коррозированности зоны. Первая, наружная, зона состояла из зеленоватых хлоридов меди. За ней следовала зона темно-красного куприта с отдельными зеленоватыми прожилками хлоридов. В центральной части среза находилась третья зона — овальная по форме металлическая сердцевина, практически не затронутая коррозией. Именно этот неповрежденный металл предстояло изучить по составу и структуре.

Спектральный анализ обнаружил, что он состоит из меди с заметными примесями железа и серебра (десятые доли процента) и микропримесями олова, свинца, цинка, никеля, кобальта (тысячные доли процента). Металлографический анализ выявил волокнистую структуру металла, подвергнутого интенсивной холодной деформации (см. рис. 5, д). Ни проявлений серебра, ни скоплений сульфидов железа, которых можно было бы ожидать в кованом самородке, различить даже при самом большом увеличении не удавалось. Как объяснить их отсутствие в структуре при наличии заметных количеств и железа, и серебра в химическом составе металла? Его переплавкой, при которой они растворились в меди? Но строение кристаллов ничего не говорило о расплавлении и литье! И тогда интуиция подсказала мне, что объяснение следует искать в разрешающих возможностях металлографического микроскопа. Даже при самых больших увеличениях он способен улавливать примеси, размер которых составляет больше 0,5 микрон. А что если разгадка кроется в меньших размерах включений?

Зная, что геологи владеют чрезвычайно точными методами исследования металлов и минералов, я обратилась за советом и помощью на кафедру минералогии геологического факультета Московского университета. Уяснив, что речь идет о металле, возраст которого исчисляется девятью тысячелетиями, геологи живо и заинтересованно откликнулись. Вся поверхность продольного разреза металлической сердцевины шила была тщательно изучена ими с помощью рентгеноструктурного и рентгеноспектрального анализов. И вот долгожданный результат: на одном из участков его поверхности обнаружены вытянутые в продольном направлении включения серебра размером 0,3 микрона. Тесное

срастание серебра и меди в некоторых ее природных проявлениях уже давно было замечено учеными. Поэтому факт присутствия таких «сростков» в структуре шила достаточен, чтобы сделать заключение, что оно отформовано одной ковкой из обогащенного серебром самородка меди.

Итак, находки медных поделок в памятниках VIII—VII тыс. до н. э. стали выдающимся событием в истории мировой науки. Но особую радость они доставили археологам, которые поняли, что первый металл планеты связан еще с эпохой становления земледелия и скотоводства, с эпохой новокаменного века, или неолита. Человек в это время знаком только с самородной медью, к которой относится как к разновидности мягкого камня. Ему известны только самые простые приемы ее ковки, стачивания, сверления. И это не удивительно: близкие приемы были освоены им в процессе камнеобработки и поначалу механически перенесены на новый материал.

На первых порах отнюдь не всякая самородная медь могла быть использована человеком в своем естественном виде, ведь медные самородки бывают самых разных размеров: от мельчайших зерен до громадных глыб весом в несколько тонн. Разделить на части такую глыбу с помощью каменных орудий было практически невозможно. Даже теперь это представляет большую трудность: из-за вязкости медь с трудом режется даже стальной ножовкой.

Слишком мелкие зерна или «ноздреватые» образования самородной меди также не годились для обработки ковкой: при ударах они легко распадались, превращаясь в грубую пудру. Пригодными для ковки оказывались только самородки в форме пластин, небольших древовидных сростков. Они, как правило, встречались в приповерхностной зоне месторождений меди, поэтому и становились легкодоступными для первых «рудознатцев» древности. Из меди такого рода с помощью ковки можно было сделать очень небольшие по размерам изделия — шилья, проколки, рыболовные крючки, пронизки, колечки. Единичность этих изделий, их использование только в роли украшений и колющих орудий лишь приближают человека к мысли об особых свойствах нового материала, но не открывают ему этих свойств. Медными крючками удобно ловить рыбу, мед-

ными шильями удобно прокалывать шкуры при шитье одежды, удобно размечать орнаменты на костяных и деревянных поделках. Но операции эти отнюдь не делают погоды в общем строе первобытного производства. Рубить лес, строить дома, обрабатывать землю под посевы продолжают каменными орудиями. Естественно, что время бытования первых медных изделий на фоне безраздельного господства каменной индустрии археологи связывают с веком камня.

Теперь попытаемся понять, когда меняется эта ситуация, когда начинается успешное соперничество металла с камнем. Мощным стимулом обновления производства, резкого увеличения его продуктивности стало распространение режущих, ударных, рубящих орудий из металла. Медные ножи, топоры, тесла, долота, пробойники, молоты раскрыли многие, дотоле неизвестные преимущества металла. Рубить, тесать, пробивать, резать, раскалывать даже твердые, плохо поддающиеся обработке материалы было легче и быстрее орудиями нового типа. И здесь мы вновь возвращаемся к вопросу о границе между веком камня и веком металла. Где проходит эта граница? Видимо, я не ошибусь, заключая, что она проходит там, где появляется устойчивая и значительная серия медных орудий. Металл еще продолжает сосуществовать с камнем, но область его применения расширяется.

Здесь самое время рассказать об одной интересной закономерности, которая открылась в итоге долгого и кропотливого труда по изучению микроструктуры медных изделий древности. Но сначала несколько слов о том, как выглядит научно оформленный результат микроструктурного анализа. Типографски отпечатанная картонная карточка, в верхней части которой приведен рисунок исследованной вещи с подробным указанием места ее находки, даты, состава металла; в нижней части — данные ее микроструктурного изучения. Когда накапливается много карточек, удобно раскладывать их пасьянс, беря за основу тот или иной конкретный признак. Именно такая раскладка по формам орудий привела к заключению, что набор используемых человеком изделий из металла находится в прямой зависимости от уровня его металлургических знаний. Все орудия и оружие ударного и рубящего действия (топоры, топоры-молоты, клевцы и пр.) оказались отлитыми, а

лезвия их — упрочненными дополнительной проковкой. Значит, только открытие литья и упрочняющего эффекта ковки приводит к их широкому распространению. Значит, граница между каменным и медным веками определяется и степенью использования металла, и общим уровнем приемов его получения и обработки. Естественно поэтому обратиться к вопросу о закономерностях развития этих приемов в древнейших центрах возникновения металлургии.

Какова общая схема динамики древнейших металлургических знаний? В историко-металлургической литературе существует несколько таких схем. Одна из наиболее подробно разработанных была предложена в 50-х годах видным английским ученым Гербертом Генри Когленом. Он выделяет четыре фазы в развитии древнейшей металлургии и металлообработки. Фаза «А» характеризуется применением самородной меди, к которой относятся, как к разновидности камня. Вначале единственным методом ее обработки была холодная деформация, позднее — горячая деформация во всех ее разновидностях. Фаза «В» начинается с открытия плавления самородной меди и появления первых изделий, отлитых в открытых формах. Фаза «С» связана с открытием выплавки меди из руд и началом действительной металлургии. Усложняется литейная техника, впервые появляется литье в разъемные и составные формы. Для фазы «D» характерен переход к бронзам — любым искусственным сплавам на медной основе.

Описанные Г. Г. Когленом стадии ранней металлургии и металлообработки долгое время не принимались археологами всерьез. Ведь в 50-х годах факты, накопленные наукой, были малочисленными и давали весьма скудную пищу для историко-металлургических заключений. Важные теоретические построения Г. Г. Коглена питались главным образом умозрительными рассуждениями. Самородная медь встречается в природе — значит, она была первой медью древности. Она мягка и пластична, хорошо поддается холодной деформации — значит, именно холодная ковка была первой осмысленной операцией ее обработки и т. д.

Как же расширились наши сегодняшние представления о первых шагах металлургии! Насколько глубже и серьезнее мы можем подходить к их оценке! Сейчас уже ни у кого не вызывает сомнений правомерность

выделения фазы «А»: факт использования в древности кованой самородной меди подкреплен результатами металлографического изучения ближневосточного металла VII тыс. до н. э.

Знакомясь сейчас с археологическими открытиями последних десятилетий, мы хорошо видим, насколько углубились наши представления и об использовании в древности сплавов на медной основе (фаза «D» Г. Г. Коглена). Этим мы обязаны спектральному анализу: переход от меди к бронзам, сначала мышьяковым, а потом и оловянным, хорошо прослежен по химическому составу ближневосточного и европейского металла III—II тыс. до н. э. Этот переход ознаменовал начало бронзового века.

Гораздо хуже обстоит дело с вопросом о времени и условиях освоения литья и металлургического плавления чистой меди (фазы «В» и «С»). К сожалению, мы располагаем минимальными данными об этих важных технических завоеваниях человека. А они особенно важны для нашего рассказа, поскольку связаны с наступлением века меди.

Ясно, что литье и металлургическое плавление медных руд — два близких по времени и техническим предпосылкам открытия, которые следуют за кузнечной обработкой самородков и предшествуют изобретению бронз. Но какова взаимная последовательность этих открытий? Можно ли с уверенностью полагать, что литье осваивается человеком раньше рудной плавки? Мне представляется, что изобретения эти следовали друг за другом в обратном порядке: для расплавления и литья чистой меди требуется температура 1083°, в то время как для восстановления окисленных медных руд[2] достаточны температуры порядка 700—800°С.

[2] По особенностям минералогического и химического составов медные руды разделяются на два типа: сульфидные и окисленные. Сульфидные минералы меди (халькопирит, ковеллин, халькозин и др.) состоят из соединений меди с серой. В ряде случаев они обогащены другими элементами, чаще всего железом. Получать медь из сульфидных соединений древнейший металлург не умел: для отделения меди от серы требовалось освоение весьма сложных процессов многоступенчатого обжига руды, а затем и ее плавки. Значительно проще плавились окисленные медные минералы — куприт, тенорит, малахит, азурит. Даже простое их нагревание до 700°С в присутствии древесного угля вызывало восстановление меди до металлического состояния. Естественно поэтому, что начальные шаги металлургии связаны с использованием окисленных минералов меди, всегда

Связь зеленых, синих и красных окисленных минералов меди с медью самородной древние рудознатцы подметили сразу. В поисках самородков они постоянно сталкивались с ними, принимая за яркие камни. Поначалу они не замечали их особых свойств и использовали, как и другие камни, для получения бусин и пронизок. Бусы из кусочков малахита, обработанные простейшими приемами сверления и подтачивания, хорошо известны, к примеру, племенам хассунской культуры, обитавшим на севере Месопотамии в VI тыс. до н. э. Прошло немало веков, прежде чем человек научился выплавлять медь из этих давно знакомых ему «камней». Каким путем он пришел к идее металлургической плавки? Вряд ли нам когда-нибудь удастся узнать об этом. И все-таки, давая волю фантазии, попытаемся наметить один из таких возможных путей.

У античных авторов — Диодора Сицилийского, Страбона, Лукреция Кара — открытие выплавки металлов связывается с огромным лесным пожаром. Тит Лукреций Кар так изображает этот чудовищный по опустошительной силе огонь, который послужил толчком к изобретению металлургии и литья:

Пламени жар, от каких бы причин ни возник он,
Дебри лесов пожирал с ужасающим треском и шумом
Вплоть до глубоких корней, и огнем выжигалась там почва.
Золото и серебро заструились потоком обильным
Всюду из жил раскаленной земли и стеклись в углубленья
Так же, как медь и свинец. А когда отвердели металлы
И засверкали впоследствии цветом блестящим и ярким,
Люди, плененные блеском и прелестью, их поднимали
И замечали при этом, что слитки всегда сохраняли
Форму, похожую на замыкавшие их углубленья.
Было открыто тогда, что металлам, расплавленным жаром,
Может дана быть фигура и форма какая угодно
И что из них при посредстве кузнечного молота можно
Лезвия выковать с тонкостью и остротою любою
. . . . . .
Изготовлять себе начали люди орудия эти
Из серебра и из золота, но раньше — из меди.

Действительно, при лесном пожаре в обогащенной рудами местности медные минералы могли с поверхности восстанавливаться, а полученный металл оплавляться. Но даже если человек заметил это, он не сразу

расположенных наряду с самородками в верхних частях рудного тела и потому более доступных для древних рудокопов.

пришел к мысли об искусственной плавке меди. Он лишь установил причинную связь между сильным жаром и изменением вида и свойств зеленых «камней», которые превращались в красную медь. Это подготовило следующий шаг по пути овладения металлом. Видимо, он заключался в том, что человек собрал сразу много таких камней и положил их в костер.

Мог ли костер стать первым примитивным «горном»? Положительный ответ на этот вопрос предоставляют данные этнографических наблюдений. Их приводит историк металлургии Т. Риккард в фундаментальном исследовании «Человек и металл», вышедшем в 1932 г. По его сведениям, английский геолог в начале нашего века наблюдал восстановление меди в огне костра туземцев, живших в Катангской провинции Бельгийского Конго.

По справедливому замечанию Г. Г. Коглена, для того чтобы восстановить окисленную руду до металлической меди в обычном костре, необходимо выполнить два условия: 1) температура огня должна быть достаточно высокой, чтобы восстановительные процессы шли без помощи искусственного дутья; 2) огонь должен быть достаточно большим, чтобы исключить избыток воздуха, который может помешать восстановлению.

В окисленных медных минералах медь всегда химически соединена с кислородом, который требуется отделить, чтобы получить чистый металл. Медь способна отдать свой кислород в условиях сильного жара только углероду, а точнее, одноокиси углерода CO, которая наряду с двуокисью — углекислым газом CO_2 — образуется при горении древесного угля. При восстановительной атмосфере в пламени костра древесный уголь сгорает с преимущественным образованием одноокиси, которая и восстанавливает малахит: $CO+CuCO_3=2CO_2+Cu$. Однако избыточный приток воздуха способен нарушить необходимое соотношение CO и CO_2 и привести к излишнему скоплению углекислого газа. В его присутствии малахит обжигается до окиси меди CuO, и медь при этом не выплавляется.

Неудача такого рода постигла Г. Г. Коглена, когда он предпринял попытку по примеру древних металлургов выплавить на костре медь из малахита. Сложенный конусом уголь, в середину которого были помещены двумя рядами мелкие куски малахита, был подожжен в

ветреный мартовский день и горел несколько часов. Замеры температуры показали, что она достигла необходимого для восстановления уровня — 700—800°С. Но руда только обожглась, и чистой меди не получилось. Этому препятствовал обильный приток воздуха. Когда руда в смеси с углем была засыпана в горшок, прикрытый сверху плоской крышкой, опыт увенчался успехом. Кислород при горении окружающего костра почти не проникал в сосуд, и на его дне скопилась плотная губчатая масса меди.

Более удачными оказались опыты костровой выплавки меди, проведенные советскими учеными В. А. Пазухиным и Ф. Н. Тавадзе, много лет посвятившими исследованию древнейшей металлургии. Они доказали, что восстановительная среда, несомненно, возможна в обычной куче древесного угля, если его накопилось в костре много и если он достаточно уплотнен уложенными поверх поленьями и защищен тем самым от сквозного продувания ветром. В таком костре без всяких особых приспособлений им удалось выплавить чистую медь: малахит и хризоколла «отпотевали» под толстым слоем прогоревшего угля чистым металлом.

Хотя мы и говорим, что в костре можно выплавить медь, это не значит, что ее удается получить в расплавленном виде. Путаница в этих терминах, к сожалению, весьма обычна даже в археологических работах. Часто археологи пишут «плавленая» медь, когда в действительности имеется в виду медь, выплавленная из руды. Плавление означает перевод металла в жидкое состояние, в то время как выплавление является совершенно отличным процессом, с помощью которого из руды получают чистый металл через ее нагревание и соответствующие химические превращения. До открытия специальных горнов, высокая температура в которых достигалась искусственным дутьем с использованием мехов, получить медь в расплавленном виде было невозможно. И в костре, и в первых, весьма примитивных металлургических печах, работавших на естественной, создаваемой ветром тяге, выплавленная медь имела вид губчатой массы, спекшейся из отдельных размягченных, но не расплавленных зерен металла. Это и естественно: прямое его восстановление протекало, как отмечалось, при температуре всего 700—800°.

К сожалению, мы очень мало знаем о конструкции этих древнейших металлургических печей. Условия плавки в них были таковы, что вынуждали металлургов всякий раз разрушать их, чтобы извлечь готовый металл. Пожалуй, наименование «печь» звучит даже слишком громко для этих примитивных поначалу приспособлений. Они представляли собой небольшую, углубленную в землю яму, окруженную плотно уложенными камнями (рис. 6, А). Чаще всего такого рода устройство сооружалось на вершинах или склонах гор с подветренной стороны. Это обеспечивало естественное раздувание жара ветром через специально оставленное в каменной кладке отверстие.

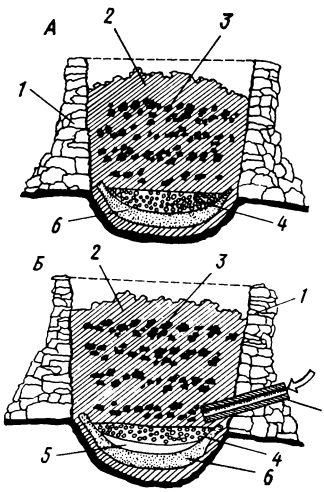


Рис. 6. Медеплавильни простейших конструкций: А — медеплавильня с естественным дутьем; Б — медеплавильня с искусственным дутьем. 1 — каменные стены; 2 — древесный уголь; 3 — окисленные медные минералы; 4 — шлак с медными корольками; 5 — медь; 6 — глиняная чаша; 7 — глиняное сопло для вдувания воздуха.

Перед плавкой на дно ямы в основании печи укладывали плоскую глиняную чашу. Поверх чаши насыпали слой древесного угля, на уголь — измельченную руду. Слои чередовали с необходимыми интервалами до тех пор, пока не заполнялась вся внутренняя полость печи. В ветреный день уголь поджигали. По мере его прогорания струящиеся кверху окислы углерода обволакивали руду, создавая необходимую восстановительную среду. Постепенно металл в руде восстанавливался и, размягчаясь, спускался вниз, где и собирался в чаше в виде губчатых корольков, смешанных со шлаком.

Прямые свидетельства использования таких печей в древнем Египте были обнаружены английским археологом Флиндерсом Питри. В течение многих лет он вел раскопки на Синайском полуострове, который славился по всему древнему миру своими меднорудными богат-

ствами. У одного из рудных выходов он нашел печь, основание которой имело вид овальной ямы диаметром 60×75 см, глубиной 25 см. По краям ямы возвышались вертикальные стены из камня и щебня, сохранившиеся на высоту 67 см. В основании стен располагались два поддувала: нижнее поддувало, на уровне пода печи, имело диаметр 27 см, верхнее, тех же размеров, находилось на 37 см выше пода. К сожалению, сведений об абсолютном возрасте этого горна практически нет. Но ясно, что он работал без дутья, на естественной тяге и отличался весьма архаичной конструкцией. Вероятно, в начале плавки египетские металлурги открывали оба поддувала, чтобы обеспечить скорейший прогрев руды, а затем сосредоточивали жар в нижней части, закрывая верхнее отверстие.

С успехом получить медь в таких низкотемпературных печах можно было только из очень чистых медных минералов, таких, как куприт, тенорит, малахит, свободных от пустой породы. Но чистыми монолитными кусками они встречаются даже в богатых месторождениях редко. Руду же не столь богатую нужно было предварительно измельчить и отмыть от пустой породы. Это удавалось не всегда: тесное прорастание пустой породы с медными минералами часто препятствовало их отделению. Для ошлакования пустой породы при плавке такой руды требовалось использование высокотемпературных горнов с принудительным дутьем. Изобретение искусственного дутья явилось поэтому важным шагом человека по пути овладения металлургией. Оно открыло широкие возможности для резкого увеличения запасов меди, которую удавалось теперь и выплавить в больших количествах, и расплавить, доведя до жидкого состояния. Только в этих условиях человек оказался на пороге освоения литья, необходимого для изготовления крупных и сложных по форме ударных орудий.

В горны новой конструкции воздух нагнетался при помощи мехов, которые и теперь часто применяются в деревенских кузницах (рис. 6, Б). Меха делались из кожаного мешка. С одной стороны в нем прорезалась узкая длинная щель, служившая для притока воздуха. Она открывалась и закрывалась при помощи пришитых к ее краям деревянных рукоятей. С другой стороны к мешку прикреплялась деревянная трубка, конец которой соединялся с глиняным соплом. Оно вставлялось в

отверстие печи и предохраняло трубку от огня. В соответствии с движением рук мастера-металлурга меха то освобождались от воздуха, выбрасывая его через сопло в печь, то вновь наполнялись им. Наряду с такого рода ручными мехами широко использовались в древности и более совершенные ножные меха. Судя по их изобра-

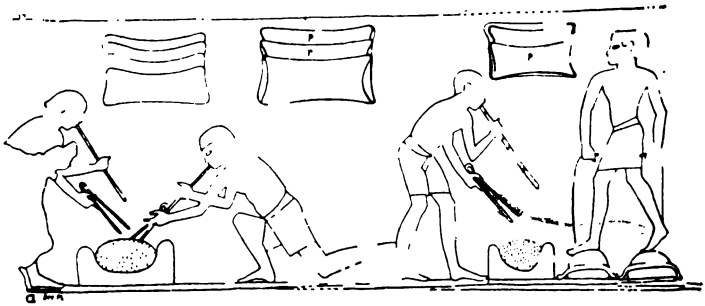


Рис. 7. Древнеегипетское изображение металлургов за работой (из гробницы Хапи. Середина II тыс. до н. э.).

жениям в росписях древнеегипетских гробниц середины II тыс. до н. э., выталкивание воздуха из их резервуаров производилось ногами, а наполнение — руками, видимо, с помощью веревок (рис. 7). При этом, чтобы обеспечить непрерывный приток воздуха, работали совместно парой, а иногда и двумя парами мехов.

К сожалению, археологам неизвестны реальные находки первобытных воздуходувных мехов, но их конструкция, восстановленная по древнеегипетским фрескам и рельефам II тыс. до н. э., претерпела мало изменений за долгую историю металлургии в Старом Свете. Мало изменилось на протяжении тысячелетий и устройство медеплавильных горнов: и в первобытности, и в средние века они сохраняли форму вертикальных, шахтообразных сооружений квадратных, круглых или овальных в плане (см. рис. 6, б). На использование принудительного дутья при выплавке в них металла обычно указывают находки глиняных трубок — сопел.

Так, при раскопках в древнем Лагаше на юге Месопотамии в слоях начала III тыс. до н. э. обнаружены остатки основания горна в форме круглой чаши из обожженной глины с двумя трубками, вставленными в

ее основание под углом. Очевидно, что трубки служили воздуходувными каналами прикреплявшихся к ним мехов. Несколько горнов того же типа прослежено в местечке Тимна в Израиле на памятнике, датированном последней четвертью IV тыс. до н. э.

Остатки этих древнейших в археологии медеплавильных устройств, работавших на искусственной тяге, к сожалению, ничего не говорят нам о времени появления новой технологии металлургического процесса. Ее истоки, без сомнения, относятся к значительно более раннему периоду, чем конец IV—начало III тыс. до н. э.

Научное изучение керамики Ближнего Востока свидетельствует, что печи для обжига горшков уже в V тыс. до н. э. были развиты здесь настолько, что давали температуру 1100—1200°. Если такие высокотемпературные горны были известны гончарам, нет никаких оснований утверждать, что металлурги не могли приспособить их для своих целей. Следуя этим логическим путем, многие ученые ставят в связь древнейшую плавку металла с искусством обжига керамики. Так, Г. Г. Коглен, а вслед за ним американский историк металлургии Л. Эйчинсон пишут о зарождении медной плавки в V тыс. до н. э. в среде «горшечников», обитавших к югу от Эльбруса и обжигавших свою посуду в двухъярусных печах при нагреве до 1200°. Конечно, правильнее говорить не о зарождении металлургии, а о ее совершенствовании на основе использования впервые высоких температур. Зарождение же металлургического процесса в его примитивном, низкотемпературном проявлении, конечно, восходит к еще большей древности, пока не осмысленной археологами с точки зрения абсолютных дат.

Как бы то ни было, открытие выплавки меди из руд в новых печах послужило толчком к открытию литья. Оба изобретения, связанные близкими техническими предпосылками, должны были быстро следовать друг за другом. Это не позволяет рассматривать их в пределах разновременных этапов развития истории металлургии, как это делает Г. Г. Коглен.

А что говорит археологический металл о времени распространения литейной техники? С помощью металлографии первые следы литья действительно установлены на изделиях V тыс. до н. э. Институт востоковедения при Чикагском университете предоставил в рас-

поряжение металловедов серию медных и бронзовых предметов, открытых в двух поселениях-теллях в районе оз. Амук на равнине Антиохии в Северо-Западной Сирии. Культурные напластования поселений подразделяются археологами на десять последовательных фаз, обозначенных латинскими буквами от «A» до «J», и датируются от 6000 до 2000 г. до н. э. Первые медные изделия в виде шильев и булавок происходят из так называемого первого «смешанного слоя», который был расчищен в одном из раскопов между фазами «C» и «F». В более поздних напластованиях фаз «F» и «G» появляются иглы, долота, ножи и другие орудия.

Медь смешанного слоя была подробно изучена и химически, и металлографически. В ней присутствовали заметные примеси никеля и мышьяка. Их концентрация иногда достигала до целых процентов. Это, безусловно, указывало на то, что она была выплавлена из руд сложного состава в горнах с искусственным дутьем. Не менее интересными оказались результаты структурного анализа. Он обнаружил, что шилья второй половины V тыс. до н. э. уже получены отливкой, за которой следовала холодная или горячая доработка металла ковкой. Следы особенно длительной и тщательной кузнечной доработки рабочих окончаний орудий не оставляли сомнений в том, что она имела преднамеренно упрочняющий характер. Интересно отметить, что обитатели Амукских поселений изготавливали прекрасную лощеную и расписную посуду, которая, как и металл, подвергалась высокотемпературному нагреву.

Итак, анализы амукских изделий документально отмечают тот хронологический горизонт, на котором появляются три важных металлургических приема: высокотемпературная плавка, литье и специальное упрочнение металла ковкой. Именно этот горизонт в истории металлургии связан с распространением крупных ударных орудий и оружия из металла, именно он знаменует начало медного века.

Примечательно, что все известные на сегодняшний день древнейшие ударные орудия Ближнего Востока вписываются так же, как и древнейшие литые изделия Амука, в пределы второй половины V тыс. до н. э. Так, к последней трети V тыс. до н. э. относятся плоские клиновидные топоры и долота из ранних напластований знаменитого поселения Сузы в Юго-Западном Иране,

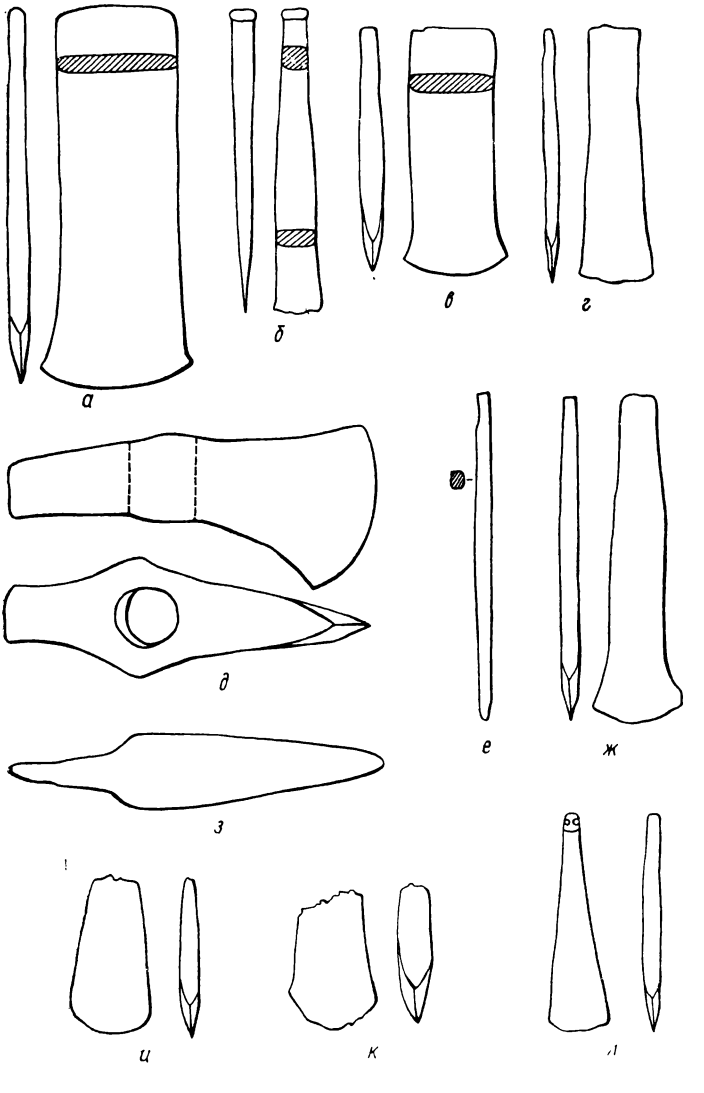


Рис. 8. Древнейшие ударные орудия и оружие Ближнего Востока: а—д — Сузы; е — Бейджесултан; ж—з — Бюйюк Гюллиček; и—л — Мерсин.

ставшего впоследствии столицей Элама (Сузы А, рис. 8, а—г). На сопредельной с Ираном территории Месопотамии они появляются в памятниках так называемой раннеубеидской культуры, датируемых тем же временем. Среди месопотамских находок можно назвать плоский клиновидный топор с двояковыпуклым лезвием из Арпачии и плоское долото из Тепе Гавра.

Свидетельством раннего использования ударных орудий в Анатолии служат находки трех клиновидных топоров в поселении Мерсин в Киликии, в слоях середины V тыс. до н. э. (рис. 8, и—л). Со слоями конца V тыс. до н. э. связано массивное долото (рис. 8, е) и обломки кинжала из поселения Бейджесултан в Западной Анатолии. Кинжалы и плоские клиновидные топоры из центрально-анатолийского поселка Бюйюк-Гюллличек (рис. 8, ж, з) до сих пор не датированы археологами однозначно. Возможно, они относятся уже к более позднему времени: началу—середине IV тыс. до н. э.

По-видимому, наряду с простейшими клиновидными топорами в конце V тыс. до н. э. на Ближнем Востоке стали известны и более сложные по форме топоры-молоты с проушиной — сквозным отверстием для насаживания рукоятки. Об этом говорят глиняные копии таких орудий с рельефно воспроизведенным в пластическом материале литейным швом. Они в изобилии встречены в памятниках убеидского времени и на юге, и на севере Месопотамии. Один из таких предметов обнаружен в Телль Укаире. Это глиняный молот округлого сечения с заметным наклоном корпуса от проушины и в сторону лезвия, и в сторону обуха. Вход и выход проушины отмечены рельефным валиком. Наличие валиков показывает, что прототип изделия был отлит из металла. Этот вывод кажется тем более убедительным, что в Сузах найден медный топор-молот того же типа (рис. 8, д). К сожалению, датировка топора-молота из Суз неясна. Но нет никаких причин, которые помешали бы отнести его к раннему периоду истории памятника, хронологически отвечающему убеидской культуре Месопотамии. Как бы то ни было, период древнейшего использования медных орудий ударного действия в странах Ближнего Востока четко соотносится со второй половиной V тыс. до н. э., историей которого и открывается в этой зоне век металла.

По сравнению с Ближним Востоком появление крупных медных изделий в Европе запаздывает почти на целое тысячелетие. Впервые мы застаем их в юго-восточной, балкано-карпатской ее части, в материалах гумельницкой культуры — так археологи именуют принадлежность памятников середины — второй половины

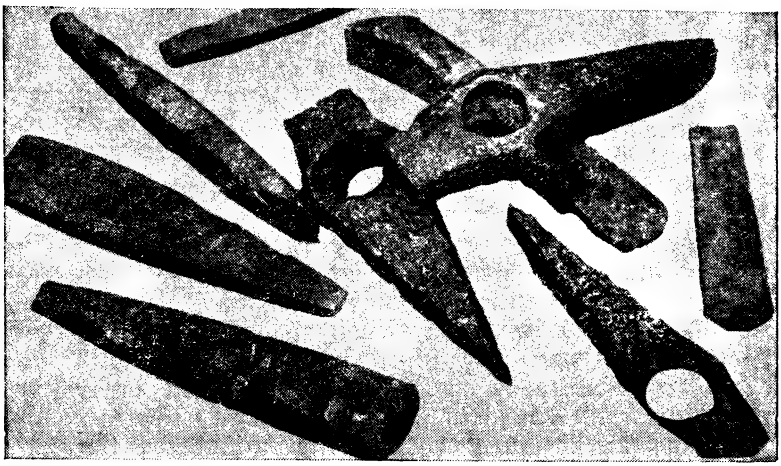


Рис. 9. Гумельницкие медные орудия.

IV тыс. до н. э., распространенных на территории Восточной Болгарии и Юго-Западной Румынии. Невзирая на более поздний возраст балкано-карпатских находок, бросается в глаза их удивительное многообразие и массовость, не имеющие себе равных в азиатских культурах. С пластом гумельницкой металлообработки в настоящее время связывается около пятисот крупных ударных орудий. Среди них — и массивные клиновидные топоры, и долота, и сложные втульчатые топоры-молотки, топоры-тесла, топоры-клевцы (рис. 9). Формы этих находок сильно отличаются от ближневосточных. Это говорит о самостоятельном развитии балкано-карпатской металлургии.

Многие медные изделия были обнаружены при раскопках гумельницких поселений — «жилых холмов», весьма напоминающих азиатские телли с многометровым культурным слоем. Большие по размерам жилые холмы в изобилии встречаются по всей территории

культуры Гумельница, но особенно много их в плодородных долинах Болгарии, где они отстоят друг от друга буквально на несколько километров. Земледельцы и скотоводы, впервые обживавшие эти плодородные земли, вначале строили свои поселки на равнинном участке. Они возводили небольшие, но прочные глинобитные дома, деревянный каркас которых обмазывался толстым слоем глины. Они плотно лепились друг к другу, а иногда обносились по краю поселения деревянной стеной и валом. Когда дом приходил в негодность, его ломали и на его месте возводили новую постройку. После сноса очередного дома оставался культурный слой толщиной в 15—20 см. Так накапливались культурные напластования жилых холмов, высота которых в некоторых случаях достигает 20 м.

Особенно знаменит жилой холм у с. Караново. Он возник еще в эпоху неолита, но был обитаем и в гумельницкое время. Раскопки гумельницких слоев позволили археологам собрать великолепную коллекцию расписанной графитом и разноцветными красками посуды, большой набор орудий из кости и рога, статуэток из глины. Они служили олицетворением местных божеств, среди которых особо почитаемой была Богиня-Мать, хранительница домашнего очага. В нижних слоях Каранова не было найдено никаких следов металла. Выше стали попадаться предметы, одного взгляда на которые было достаточно, чтобы убедиться в их принадлежности к болгарскому медному веку: медные топоры тонкой литой работы, обломки тиглей со следами расплавленной меди, кусочки медной руды — первые свидетельства гумельницкой металлургии.

Похожие орудия из меди археологи находили и при исследовании кладбищ-могильников, оставленных местными племенами. Всемирной известностью пользуются сейчас находки Варненского могильника. Его раскопки дали не только уникальную коллекцию изделий из меди, но и древнейшую в мире золотую сокровищницу. Она насчитывает свыше двух тысяч золотых предметов общим весом 5,5 кг. В нее входят изумительные по совершенству обработки золотые украшения, включающие до 60 разновидностей. Мастера, обрабатывавшие золото, строго соблюдали негласный закон древности, предписывавший употреблять редкий металл только для украшений, орудий из него они никогда не делали.

Погребения Варненского могильника, никак не обозначенные на поверхности, были обнаружены случайно при строительных работах. Осенью 1972 г. на окраине курортного города Варна, раскинувшегося на берегу Черного моря, экскаваторами прокладывалась траншея для электрического кабеля. Экскаваторщик Райко Иванов вдруг обратил внимание на ярко поблескивающие в земле предметы из желтого металла. Он стал перекапывать грунт повторно и рядом с золотыми поделками увидел позеленевшие от времени медные топорики, кремневые ножи и резцы. О своей находке он сообщил в Варненский археологический музей, где она произвела настоящую сенсацию. Кремневые орудия и медные топоры не оставляли сомнений в их принадлежности племенам гумельницкой культуры. Начавшиеся под руководством молодого археолога Ивана Иванова раскопки показали, что экскаватор наткнулся на погребение, относящееся к середине IV тыс. до н. э.

Благодаря планомерным археологическим исследованиям к концу 1976 г. стало известно еще 80 погребений, расположенных на площади около 3000 м². По числу и составу находок они четко подразделяются на бедные и богатые. В бедных могилах присутствует весьма скромный набор погребальных даров. Обычно это глиняные, плохо обожженные сосуды, кремневые ножи и пластинки, иногда медные шилья, очень редко золотые украшения. Они сопровождают покойников, помещенных в прямоугольную могильную яму на спине в вытянутом положении или на боку с подогнутыми ногами. Рядовые, бедные погребения Варненского могильника практически ничем не отличаются от уже знакомых археологам захоронений гумельницкой культуры, обнаруженных в других некрополях Болгарии.

Богатые могилы Варны, напротив, не имеют себе равных не только среди погребальных комплексов Балкано-Карпатского региона Европы, но и всего Европейского континента. До их открытия сходные явления материальной и духовной культуры народов эпохи раннего металла археологам известны не были. Часто их называют «символическими»: при наличии многочисленных вещей человеческие скелеты в них отсутствуют. В могильные ямы, форма и размеры которых обычны для всех погребений Варненского некрополя, помещены огромные скопления медных, золотых, костяных и рого-

вых изделий. Именно в символических могилах найдено подавляющее количество варненского золота в виде всевозможных браслетов, подвесок, колец, пронизей, спиралей, нашивавшихся на одежды бляшек, изображающих козлов, быков и т. д., и т. п.

Особое внимание исследователей привлекли три символические могилы. В каждой из них кроме вещей обнаружены глиняные маски, воспроизводящие черты человеческого лица. Они инкрустированы золотом, которым отмечены отдельные его черты: на лбу укреплены золотые диадемы, глаза обозначены двумя крупными круглыми бляшками, рот и зубы — мелкими бляшками. В погребения с масками положены костяные антропоморфные фигурки — стилизованные идолы, отсутствующие в других захоронениях.

Загадочный ритуал символических могил до сих пор неясен для археологов. Он ставит перед ними массу пока нерешенных вопросов. Как объяснить их невиданное великолепие и богатство? Что таит в себе сам обряд их сооружения? Можно ли считать их кенотафами, т. е. поминальными погребениями в память умерших на чужбине или погибших в море людей? Или более оправдано расценивать их как своеобразный дар божеству, как жертву, приносимую в его честь? Все это остается пока тайной, которую расшифруют лишь дальнейшие полевые исследования археологов. Ясно только, что раскопки Варненского некрополя приоткрыли для нас совершенно неведомые до сих пор стороны жизни балканских племен Европы, показав высочайший уровень их хозяйственного и культурного развития на заре использования металлов. Некоторые ученые полагают даже, что материалы Варны позволяют ставить вопрос о том, что Юго-Восточная Европа второй половины IV тыс. до н. э. стояла на пороге сложения цивилизации. Ее вероятным провозвестником служит факт огромного накопления богатств, говорящий о далеко зашедшем процессе имущественного и социального расслоения гумельницкого общества. Его сложная структура находит отражение и в высокой профессиональной организации гумельницких ремесел, и прежде всего металлургии.

Как уже отмечалось, Варненский могильник выделяется среди прочих погребальных памятников Балкано-Карпатья не только обилием своего золота, но и

разнообразием медных изделий. Свыше 60 медных орудий и украшений найдено в Варне. Наряду с традиционно гумельницкими топорами, топорами-молотками, шильями, долотами здесь встречены предметы, формы которых нигде более в Европе не известны. Среди них — топор-клевец с длинной конически заостренной ударной головкой и уникальный для европейского медного века наконечник копья. Обилие и своеобразие варненской меди наводили на мысль о существовании какого-то мощного и территориально близкого горно-металлургического центра, снабжавшего местное население металлом.

Проблема источников гумельницкого металла стала волновать исследователей еще до открытия древностей Варны, в конце 60-х годов. Уже тогда ученые пришли к выводу, что разрешить эту проблему поможет спектральный анализ самих медных находок. Дело в том, что медные руды разного происхождения имеют различный химический состав: кроме основного компонента — меди — они содержат множество сопутствующих ей примесей, составляющих разнообразные количественные и качественные комбинации. При плавке руды помимо воли металлурга эти примеси попадают в готовый металл и становятся опознавательными знаками его происхождения. Значит, детальное изучение химического состава древних медных изделий и дает ключ к выяснению руды, из которой они получены. Химический состав микропримесей металла проще всего и быстрее всего позволяет установить спектральный анализ.

Первые спектральные исследования гумельницкого металла были проведены в 1969 г. в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР Е. Н. Черных. Изучив комбинаторику его примесей, ученый пришел к выводу, что он происходит не из одного рудного месторождения, а по крайней мере из шести. Параллельно Е. Н. Черных предпринял детальное обследование болгарских меднорудных выходов, чтобы определить их геохимическую характеристику, столь важную для привязки изученных находок. Оказалось, что состав готового металла дублирует состав ряда местных, северофракийских рудопроявлений меди.

Важным итогом исследований Е. Н. Черных явилось открытие им реально действовавших в древности руд-

ников. В их узких щелевидных выработках, приуроченных к поверхностным рудоносным жилам, в изобилии встречались обломки гумельницкой посуды, оставленной рудознатцами IV тыс. до н. э. Таким образом, не только геохимия, но и археология говорила о разработке и добыче в энеолите местных руд. Поражали грандиозные масштабы этих горнодобывающих работ, ставшие очевидными после открытия рудника Аи Бунар, неподалеку от болгарского города Стара Загора. Количество руды, извлеченной из рудника, оказалось поистине фантастическим! Здесь обнаружены настоящие карьеры, глубина которых колебалась от 2—3 до 20 м, а возможно и более. Общая протяженность этих карьеров составила около полукилометра! Принадлежность Аи Бунара племенам культуры Гумельница доказывалась не только керамикой, найденной в руднике, но и характером встреченных в его выработках орудий. Это были обычные для местного населения роговые мотыги-кайла и медные топоры, с помощью которых добывали медную руду.

Спектральный анализ показал, что медь, выплавленная из северофракийских рудников Болгарии, служила важным сырьем не только местной, гумельницкой металлообработки. Сравнение ее химического состава с составом древних медных изделий Восточной Европы обнаружило, что она совершала поразительно далекие перемещения в безрудные области Среднего Поднепровья и даже Поволжья. Проделывая пути, исчисляемые в несколько тысяч километров, она отметила важные для археологов направления древней меновой торговли.

Не менее интересные результаты удалось получить при изучении технологии гумельницких изделий, проведенном в нашей лаборатории. Металлографический анализ установил, что подавляющее число орудий отливалось, а не отковывалось из самородной меди, как было принято считать до недавнего времени. Удивительно широким оказался круг известных местным мастерам литейных операций. Они умело использовали различные по конструкции открытые и закрытые литейные формы: вертикальные и горизонтальные, монолитные и разъемные, со вставным стержнем и без него. К примеру, с успехом был освоен сложный прием отливки крупных орудий в закрытых составных формах,

Так, уже упомянутый топор-кайло с Аи Бунара был получен в трехсторонней закрытой форме со вставным стержнем для формовки втулки орудия.

Искусно применяли гумельницкие мастера и специальную упрочняющую проковку рабочей части отлитых ударных орудий. Явные признаки преднамеренного упрочнения обнаружены нами в микроструктуре долот и топоров-молотков (см. рис. 5, е). С помощью одной ковки их твердость доведена до показателей, превышающих твердость железа (85—109 кг/мм²).

Итак, крупные литые орудия с упрочненным лезвием становятся обычным явлением в жизни племен Балкано-Карпатского региона в середине IV тыс. до н. э. Этот хронологический рубеж знаменует собой начало медного века в Юго-Восточной Европе.

Если подойти с установленных металлургических позиций к древнейшим металлоносным культурам Центральной Европы, то окажется, что медный век вступает здесь в свои права значительно позднее: в первой половине — середине III тыс. до н. э. Клиновидные топоры этого времени найдены археологами в поселениях, принадлежащих племенам культуры воронковидных кубков, расселившихся на огромной территории от Швеции на севере до Альп на юге и от Нидерландов на западе до Украины на востоке. В начальный период своей истории, связываемый с серединой IV тыс. до н. э., воронковидные племена не знали металла. Он появился в их обиходе лишь в III тыс. до н. э. сначала в виде украшений из меди, а затем и в виде упомянутых топоров. Металлография установила, что все они отлиты и доработаны упрочняющей ковкой. О знакомстве мастеров культуры воронковидных кубков с совершенными методами металлургического плавления говорят открытия в местечке Макотршасы под Прагой.

На территории СССР медный век раньше всего наступает в трех южных, приграничных областях: Южной Туркмении, Закавказье, Молдавии и Юго-Западной Украине.

В Южной Туркмении, в предгорных районах Копетдага медные изделия впервые зафиксированы археологами в памятниках так называемой анауской культуры, датируемых концом V — началом IV тыс. до н. э. Наряду с большим количеством невыразительных обломков шильев, проколок, булавок в них найдены из-

делия весьма совершенных форм: двулезвийные ножи, пробойники, зубила, плоские топоры-тесла. Спектральный анализ показал, что все они изготовлены из меди с естественной примесью свинца, концентрация которого достигала нескольких процентов. Весьма заметными примесями были представлены мышьяк и сурьма. Очевидно, что металл был выплавлен из руд сложного состава, скорее всего, доставленных к анауским земледельцам из Ирана.

Структурный анализ обнаружил чрезвычайно развитую технику металлообработки анауских изделий: совершенно определенно установлено использование литья в открытые и закрытые формы, отжига после холодной ковки для снятия межкристаллических напряжений, преднамеренного наклепа рабочих окончаний орудий.

В Закавказье с эпохой медного века можно связывать культуру земледельцев и скотоводов, живших в междуречье Куры и Аракса на рубеже V—IV тыс. до н. э. Они уже хорошо знают металл, который известен по находкам в зольных жилых холмах у села Кюль-тепе в Азербайджане и у села Техут в Армении. К сожалению, коллекция этих находок пока весьма ограничена и представлена только украшениями и орудиями колющего и режущего назначения (шилья, ножичек). Но даже отсутствие топоров не позволяет рассматривать их в рамках первичной, примитивной стадии металлообработки, свойственной неолиту. Дело в том, что в металле большинства закавказских изделий содержатся большие количества мышьяка (до 5%). Они наводят на мысль о переходе уже в это время к индустрии искусственных мышьяковых бронз, предполагающих овладение комплексом весьма сложных и разносторонних металлургических навыков. В настоящее время мы не в состоянии охарактеризовать их в полном объеме, поскольку металлографически древнейшие кавказские поделки еще не изучены. Но и сейчас очевидно, что первые попытки получения сплавов могли развиться только на фоне широкого применения литого металла в быту местных племен. Видимо, полного набора ранних металлических изделий Закавказья мы еще не знаем.

Несколько позднее, чем в Закавказье и Южной Туркмении, формируются начатки металлургических

знаний у широко известных трипольских племен Молдавии и Юго-Западной Украины. Первые медные украшения и мелкие орудия — шилья, рыболовные крючки, проколки — появляются в их обиходе в начале IV тыс. до н. э. В это время трипольцы еще не знают литья и используют одни кузнечные приемы обработки металла: холодную и горячую ковку, сварку, обточку, шлифовку, полировку и т. д. Только в середине IV тыс. до н. э., в финале первого этапа своей истории, они начинают осваивать литье сначала в открытые односторонние, а затем и в закрытые двусторонние формы. Это установлено работами нашей лаборатории с помощью массового микроструктурного изучения трипольских изделий того времени. Параллельно с освоением литейной техники идет расширение ассортимента используемых орудий. Впервые появляются массовые серии клиновидных топоров, тесел, проушных топоров-молотков и топоров-тесел. На их рабочих окончаниях уже имеются следы упрочняющей ковки. Спектральный анализ обнаружил, что местные мастера обрабатывают привозной металл, выплавленный из руд Ай Бунара и близких ему по геохимии болгарских месторождений.

Итак, результаты металлографического и спектрального анализов древнейшего металла нашей планеты делают зримыми первые шаги человека по пути овладения металлургическими знаниями. Доказательства, которыми мы располагаем сейчас, показывают, что существовала четкая последовательность в их развитии. Сначала человек открыл самородную медь и научился придавать ей требуемую форму холодной, а затем горячей ковкой. Затем он изобрел «костровую» выплавку меди из руд и очень скоро усовершенствовал ее, использовав первый горн, работавший на естественной тяге ветра. Плавку меди и медное литье он освоил позже, когда построил высокотемпературный горн с искусственно созданным дутьем.

Открытые литья и высокотемпературного восстановления медных руд сказалось в первую очередь на создании новых орудий труда и оружия. Высокопрочные и удобные инструменты — топоры, молоты, кайла, комбинированные топоры-тесла и топоры-молотки — позволили усовершенствовать способы подготовки и обработки земли под посевы, резко повысили скорость рытья

оросительных каналов в засушливой зоне Евразии. Они произвели подлинный переворот в деревянном и каменном монументальном строительстве. Они дали мощный толчок развитию горного дела: медные орудия помогли быстрее и продуктивнее добывать неведомые руды, выплавлять незнакомые дотоле металлы. «С устранением металла из обихода людей была бы уничтожена всякая возможность... ведения цивилизованного образа жизни. Ибо, если бы не было металлов, люди влачили бы самую омерзительную и жалкую жизнь среди диких зверей», — заключает средневековый немецкий металлург Георгий Агрикола.

Эра металлов, открываемая веком меди, начинается в различных историко-культурных зонах в разное время. Отнюдь не везде наступлению медного века предшествует самостоятельное развитие всех названных этапов металлургии. Знакомство с медью и ее производством у многих племен имеет вторичный характер, основанный на заимствовании достижений более развитых соседей. Так, весьма совершенные черты металлообработки мы застаем во всех трех ранних центрах использования металла на территории нашей страны. Очевидно поэтому, что они возникли под влиянием внешних металлургических импульсов. Южнотуркменский и закавказский металлургические центры складываются под влиянием переднеазиатских очагов цивилизации. Проникновение же металлургических знаний на юго-запад нашей страны, в среду трипольских земледельцев, бесспорно связывается с развитием балканокарпатских металлургических центров. Но в каких бы формах ни возникали проявления ранней металлургии, повсюду с момента своего зарождения они становились мощным двигателем технического и социального прогресса человечества. Ведь именно в эпоху раннего металла происходит становление первых государств III тыс. до н. э. на Ближнем Востоке и Восточном Средиземноморье. Судьбы доисторических народов предопределило не только открытие земледелия и скотоводства, но и открытие металлургии. Вот почему археологи столь пристально исследуют ее начальную историю.

Ю. Л. Щапова

НЕМНОГО О ДРЕВНЕМ СТЕКЛЕ

Современная жизнь оставляет мало досуга, который можно было бы посвятить древнему стеклу, сюжету далекому и малоактуальному на первый взгляд. Появление, открытие, изобретение таких материалов, как камень, керамика, бронза, железо, кардинально меняли облик эпохи, ее производства и культуры. Очевидное значение этих открытий нашло свое отражение в научной терминологии: каменный век, докерамический неолит, бронзовый век, железный век; начало XX века называлось веком электрическим, его вторая половина — космической эрой... Стеклянного века не было никогда, но стекло постоянно присутствует во многих сферах нашей жизни: окна в наших жилищах, витражи и стеклянная облицовка зданий и сооружений; иллюминаторы подводных, надводных, воздушных и космических кораблей; стеклянная посуда — каждодневная и парадная, полезная и декоративная, лабораторная, грубая тарная и изящная парфюмерная; очки и телескопы, лампочки и экраны телевизоров, мозаика и елочные игрушки... Во многих случаях мы скорее заметим отсутствие стекла, настолько оно органично вписано в наш мир.

Всякое человеческое творение имеет свою историю и свои корни. В далекой памяти хранятся воспоминания о музее, куда учительница истории водила нас в пятом классе. В витринах были выставлены бережно нашитые древние вещи, и экскурсовод, поясняя, говорил, что они — свидетельства великих достижений производства, культуры, торговых связей и искусства. С трудом

верилось, что за кособокий кубок римский император Нерон заплатил 6000 сестерций; живее были представления о ценности бус. Из истории великих географических открытий было известно, что и Колумб, и капитан Кук, и Лаперуз в обмен на бусы получали золото, камни, пряности; сибирские купцы за соболью шкурку давали горстку бус, а за беличью — только одну бусину.

Однако существует другой мир, в котором к изделиям из стекла относятся как к произведениям искусства. История стекла знает своих великих мастеров: Фридрих и Мартин Винтеры, работавшие у прусского императора в конце XVII в., Кункель и Нери, Гломи, Галле. Старинное русское стекло беднее именами мастеров и художников, чаще их заменяют названия заводов: Измайловский, Петербургский, Ямбургский или имена их владельцев: Мальцевы, Потемкины, Бахметьевы, Орловы, Полторацкие, российская корона.

Стекло коллекционируют, изучают, экспонируют в музеях и на выставках, копируют древние образцы, нередко подделывают и перепродают коллекционерам-новичкам. Любители и коллекционеры стекла подобно филателистам и нумизматам объединяются в клубы и общества. Однако их связи определяют скорее коммерческие интересы, научные исследования, проводимые в рамках таких клубов, решают прикладные задачи: установление подлинности изделий, их ценности и цены.

Древнее стекло является объектом изучения настоящей науки. Историки стекла 25 лет назад объединились в Международную организацию по истории стекла; при Международном Совете музеев существует специальная комиссия музеев и собраний стекла.

Древнему стеклу посвящена огромная литература, сотни ученых разных стран изучают этот яркий феномен древности и средневековья; выясняют роль и значение стекла в разные эпохи, движущие силы его развития, возникновение, пути сложения и распространения производства, хронологические и территориальные особенности изделий из стекла.

Однако до сих пор многое остается еще не ясным. Например, каким путем люди сознательно стали получать стекло. Когда это свершилось, известно: археология свидетельствует, что стеклоделие как самостоя-

тельное ремесло сложилось в середине II тыс. до н. э., в эпоху поздней бронзы.

Подойдя к вопросу о происхождении стекла, в поисках ответа археологи обращались к стекловидным природным и искусственным материалам: обсидиану, тектитам, металлургическим шлакам, керамике, фаянсам. Ответы были разными, роднило их отсутствие какого-либо предварительного анализа и априорность. Нужны были конкретные данные, прежде всего сведения о химическом составе древних стекол. Ответ на этот вопрос стали ждать от химиков. Самые первые стеклянные изделия, состав которых был изучен, были отнесены к типу натриево-кальциево-кремнеземных, тех самых, которые были наиболее распространенными в практике стеклоделия в начале XX в. Из этого химики заключили, что древнее стекло по своему составу ничем не отличается от современного. Этот вывод был верным лишь отчасти, но он был распространен на все древнее стекло, и на некоторое время важная проблема была закрыта. В 20-е годы к ней обратились снова. Б. Нейман, очевидно, движимый собственным любопытством, взял для исследования разные стекла: древнейшими были найденные в Египте и Месопотамии, кроме того, он исследовал и найденные в римских провинциях по Рейну, и средневековые западноевропейские и византийские (из мозаик в Софийском соборе). Он определил, что римские стекла действительно похожи на современные натриево-кальциево-кремнеземные, но средневековые западноевропейские были иными — калиево-кальциево-кремнеземными. Это различие означало, что одни сварены на соде, другие — на древесной золе; он отметил применение глушителей, обесцвечивателей и красителей; цветные стекла в древности получались вполне современно, с использованием окиси кобальта, окиси марганца и окиси меди, причем последняя использовалась так, что только с ее помощью можно было получать стекла и зеленые, и бирюзовые, и коричневые, и красные. Древнее стеклоделие в его исследовании предстало в таком богатом и ярком виде, что стало очевидным: химический состав хранит в себе очень важную информацию. Интерес к древнему стеклу, точнее, к его составу был четко обозначен, и определилось верное направление работ. Б. Нейман был химиком и он мог не видеть исторического аспекта своих

наблюдений и выводов, но главное было сделано — химический состав древнего стекла стал предметом изучения.

Спустя некоторое время, наблюдая стекла эпохи франков и сравнивая их со стеклом Рима и средневековья, Э. Сален, историк и археолог из Нанси, также пришел к заключению, что состав стекла в древности и средневековье разный. Он связал эти различия с крупными социально-экономическими сдвигами в истории Европы: с образованием государств у европейских народов, с созданием экономики, ориентированной на местные ресурсы, с отходом от привозного сырья и т. д. Эти его выводы оказались принципиально новыми: историки заинтересовались химией древнего стекла прежде всего с той целью, чтобы понять, нельзя ли с его помощью определять происхождение изделий из стекла вообще. Часть такой задачи решили шведские ученые К. Зелигман и Г. Бик, обратившиеся к изучению китайских бус эпохи Хань. Его результат стал своего рода сенсацией: основная часть этих бус, как они показывали, была сделана на Ближнем Востоке, в Сирии и Египте, и попала в Китай по Великому шелковому пути.

Было замечено, что в древности применяли разные щелочи и щелочные земли, разные пески — с алюминием или без него, употребляли разные вспомогательные материалы. Для эпохи средневековья разница в составе была четко определена и детерминирована видом используемого сырья. Наблюдений было сделано много, но они не были объединены в систему, правильнее сказать, система еще не была найдена.

Нужно признать, что никто и не пытался систематизировать эти наблюдения, поскольку господствовало представление о древнем стеклоделии как о системе неорганизованной и подверженной всяким случайностям. Несмотря на объявленную бесперспективность всех усилий, предпринимаемых в этом направлении, ученые вновь и вновь обращались к древнему стеклу. В изделиях из него, иногда асимметричных и наивных, но часто поразительно точных и совершенных, действительно жила тайная сила — стихия огня, в которой рождается стекло и душа мастера, который, укротив стихию, воплотил ее в материале хрупком, мелодично звучащем, ярком и блестящем, вобравшем в себя и от-

разившем всю красоту и бесконечность мира. Люди верили, что изделия из стекла обладают магической силой. Так, сосуд, который вошел в историю под именем кубка святой Ядвиги *, обладал силой превращения воды в вино; бусы с глазками отгоняли недобрых духов, другие — врачевали, утешали, приносили радость.

После войны к исследованию древнего стекла обратились во многих странах и лабораториях: в Нанси и Франкфурте, Париже и Оксфорде, в Брукхавене, Шеффилде и Праге, Нью-Йорке, Лондоне и Варшаве, в Ташкенте, Ленинграде, Тбилиси и Москве, в лаборатории Московского университета. И снова, как в далекие предвоенные годы, в поле зрения исследователей попадали разновременные изделия разных свойств и достоинств.

Археологическая лаборатория в Московском университете родилась в начале 50-х годов. Ее рождение было связано с двумя выдающимися событиями: строительством новых университетских зданий и открытием берестяных грамот Новгородской археологической экспедицией. Инициатива и точный расчет заведующего кафедрой археологии и руководителя экспедии А. В. Арциховского и большие материальные средства решили судьбу естественнонаучных методов в археологии.

В археологии существует деление находок на массовые и индивидуальные, последних при обычном ведении работ немного, но разнообразие их бесконечно. Раскопки в Новгороде перевернули представления об индивидуальных находках: появились статистически представительные серии некогда уникальных вещей, которые хорошо расписывались по ярусам новгородской стратиграфии, датированным с точностью до года. Стеклянные изделия, как и другие древности, стали массовыми, сохранив все качества индивидуальных находок: точный паспорт и собственное лицо. Эти изделия заметно различались между собой формой, цветом и декором. Находимые иногда во фрагментах, они были удобны для исследования их химического состава. К этому времени М. А. Безбородов надежно установил, что в древней Руси наряду с древнерусскими, которые отличали лучшие по своему составу хрустали, сущест-

* В соборе на Вавеле (в Кракове) до сих пор сохраняется его позднейшая копия, изготовленная в конце XVII в. на Шленске мастером Фридрихом Винтером.

вовали и византийские вещи, изготовленные из стекла, близкого к античному. Небольшая группа изделий была аналогична по своему составу тем, которые изготавливались в Западной Европе начиная с XI в. и о которых писали ранее Б. Нейман и Э. Сален, а еще ранее средневековый монах Теофил. Химический состав средневековых изделий из стекла имел свое полное отражение в форме, декоре и стилистике. Знание состава и формы давало однозначный ответ на вопрос о происхождении средневековых изделий: собственно русские — нерусские, если нерусские, то византийские или западноевропейские, изготовленные из «античного» стекла, или совсем иные. Сопоставления состава с формой и техникой изготовления обнаружили, что огромная масса стеклянных бус изготавливалась в средние века на Ближнем Востоке, прежде всего в Сирии и Египте, довольно много в Византии (импорт бус из Западной Европы был очень невелик). Таким же путем можно было бы определять происхождение и более ранних бус, античных и эллинистических. Вопрос о хронологических различиях бус острый, иногда кажется, что обращение к химии и технологии древнего стекла бесполезно, настолько морфологические различия очевидны. Е. М. Алексеева использовала кодирование и ЭВМ и показала, что многие проблемы истории стеклянных украшений можно решить чисто археологически.

Однако перспективность иных подходов к изучению не только украшений, но и других древних изделий из стекла с каждым годом становилась все очевиднее. Технологические классификации З. А. Львовой и исследования химического состава, проводившиеся в разных лабораториях, приносили заметные успехи. Положительные результаты нужно было обобщить, истолковать, чтобы понять систему организации производства древнего стекла.

К решению любой научной задачи можно подойти по-разному. Мы выбрали один подход — теоретико-вероятностный. Он предполагал необходимость составления статистически представительных серий, включавших в себя сведения разного характера. Состав же древнего стекла, аналитически хорошо известный, труднее всего поддавался освоению. Сказывалась иная, естественнонаучная природа и основа этих сведений. Необходим был способ сближения и координ-

нации этих сведений с теми, которые были или стали для археолога привычными: морфология и отчасти технология. Большие серии анализов древнего стекла помогли выявить главное — состав древнего стекла.

Стекло — сложный расплав песка (кремнезема) и легкоплавких фракций, в стекле — это щелочи и щелочные земли. От количества и соотношения последних зависит и температура плавки стекла, и так называемые выработочные свойства стекла, иными словами, каким видам обработки поддается и для каких видов изделий наиболее подходяще стекло данного состава. Эта задача очень хорошо решается современной технологией: оптические стекла, хрусталь и оконное стекло, тарное кислотоустойчивое, жаропрочное и т. д. получают согласно специальной рецептуре. В настоящее время рецептура стекловарения научно подбирается и зависит от поставленных производственных задач. В древности решалась иная задача: к стеклу, сваренному по рецептуре, найденной чисто опытным путем, «методом проб и ошибок», подбирались приемы обработки, соответствующие особенностям его состава. Аналитически давно было установлено, что в древнем мире для получения стекла необходимы были щелочи, щелочные земли и песок. В качестве щелочных земель употреблялся известняк, доломит, иногда магнезит; в качестве щелочей — сода и зола растений. Последняя, как известно, в зависимости от района произрастания растений бывает разной: произрастающие на континенте и в умеренной зоне аккумулируют и содержат соли калия, растения пустынь и прибрежной зоны — в основном соли натрия, солей калия в такой золе немного и играют они второстепенную роль. Из истории химии было известно, что в древнем мире население разных регионов пользовалось разным щелочным сырьем для изготовления мыла и тканей, в медицине, кожевенном деле и кулинарии и т. д. Щелочное сырье, если можно так говорить, было районировано: Ближний и Средний Восток, Средняя Азия, прибрежные районы Средиземноморья использовали в качестве щелочного сырья золу растений, на Востоке она называлась сальсоли кали, в Испании — барилла. Население континентальной Европы для тех же целей использовало древесную золу или поташ. В Египте применялась сода, в изобилии добывавшаяся из озер, среди которых самым зна-

менитым было озеро Вади натрум; его название и дало имя самому веществу — натрум, натрий, натр, именно так сода называлась у египтян, позднее у римлян (и у других народов). В древности были известны только египетские месторождения натра, и на протяжении всего исторического времени содой вели оживленную торговлю, а в эллинистическом Египте торговля содой была государственной монополией. Об одном торговом корабле, везшем на своем борту соду, упомянул Плиний Старший. На египетской соде варили стекло в Риме и в римских провинциях; на той же основе изготовляли стекло и кельты, и мастера, достигшие Поднестровья, Крыма и других районов Северного Причерноморья, византийцы и франки в эпоху раннего средневековья. Мастера, которые и в древности, и в средние века жили и работали на Востоке и в Средней Азии, в своей практике использовали золу местных, пустынных растений. Клинописная табличка, найденная в развалинах библиотеки в Ниневии и относящаяся к VII в. до н. э., сообщила название этой золы — нага. Использование древесной золы или поташа, получаемого из нее, означало, что к изготовлению стекла обратилось население нового и очень большого региона — умеренной лесной зоны Европейского континента.

С древнейших времен соду продавали и покупали, о торговле золой в древности сведений не сохранилось, не исключено, что золой тогда и не торговали, рафинированная зола, поташ, стала предметом вывоза лишь в позднем средневековье, а до этого времени зола выступает только как местное щелочное сырье. Установив вид щелочного сырья, мы делаем заметный шаг вперед, решая один из главных вопросов в археологии — о происхождении вещей.

Состав стекла, с одной стороны, действительно зависел от природных условий, и немалую роль поэтому в образе действий древнего мастера играла традиция. Прямая производственно-географическая связь существовала почти всегда, лишь в начале нашей эры в римскую эпоху эта связь стала менее очевидной: в это время все стеклоделие огромной Римской империи работало на привозной египетской соде.

Рецептура стекловарения в древности определялась видом используемого щелочного сырья и рецептурной нормой — правилом, согласно которому добавляли

другие составляющие стекла — известь и песок. Рецептурные нормы были предельно просты и выражались числами 1, 2, 3; 1,5, 2,5. Именно простота и заставляла обставлять эти знания мистикой и тайной. Древние авторы рассказывали, например, что для получения красного стекла требовалась кровь козла, а для получения самого лучшего стекла — человеческий эмбрион. Все древнее стекло с современной точки зрения нельзя называть лучшим: много пузырей, невелика прозрачность и однородность. Может быть, эти недостатки непрочного и хрупкого материала и служат порукой в том, что до жестоких жертв дело доходило редко. Поняв суть некоторых эволюционных процессов в их развитой форме, можно обратиться к их истокам. Стеклоделие начинает свое существование в эпоху поздней бронзы. Огромный период, около 3 тыс. лет до момента появления первых стеклянных изделий, был временем создания стекла как материала.

Естественным представляется вопрос: были ли у стекла предшественники, природные или искусственные? Стало ли появление стекла решением кем-то поставленной и разумно сформулированной задачи или механизм его рождения был иным? Для столь глубокой древности нам не представляется серьезной мысль о стремлении человечества искусственным путем создать аналог драгоценным камням и самоцветам. По мнению некоторых, именно это стремление и было главной движущей силой становления стеклоделия.

Существует другая «теория» происхождения стекла, подсказанная античной литературной традицией, дошедшей до нас благодаря Плинию Старшему, его «Естественным историям». Нужно признать, удержаться от пересказа этой «теории» трудно. Плиний записал: «Существует предание, будто бы сюда (к устью реки Бел, впадающей в Средиземное море на сирийском побережье) пристал корабль торговцев содой. Рассеявшись по берегу, они готовили обед, и поскольку не оказалось камней, чтобы подставить под котелки, они подложили куски соды; когда эти последние загорелись и смешались с береговым песком, тогда потекли прозрачные ручьи новой жидкости, что и явилось началом стекла». «Теория счастливого случая», к сожалению, никак не объясняет существование долгой доистории стекла.

На стекло более всего похожи «египетские фаянсы», которые представляют собой искусственное соединение на силикатной основе, в отличие от современных, которые делаются из специальных белых глин. Около полувека тому назад известный английский ученый А. Лукас показал, что существует последовательная связь между стеклом и «египетскими фаянсами» через фаянсы с глазурью и «неполноценное стекло». Чем ближе к стеклу располагается «связующее звено», тем больше в его составе щелочей и щелочных земель. Однако до сих пор не найдены (и, вероятно, не будут найдены) все звенья этого варианта эволюции: между стеклом и «неполноценным стеклом» существует не только качественное, но и количественное различие. Появление стекла не было результатом чисто эволюционных превращений, а представляло собой диалектический процесс. Такой подход к проблеме происхождения стекла объяснил бы многое: и отсутствие всех «связующих звеньев», и внешнее сходство стекла с его предшественниками, и даже одно из названий, которое дали стеклу египтяне, дошедшее до нас в греческом переводе λιθινα χυτα — «растекающийся камень».

Первое стекло возникало в виде самонаводящейся пленки и не могло существовать независимо от фаянсовой основы. Самоглазурующиеся фаянсы — прямые предки стекла, оставались фаянсами, а не стеклом. Практика показывает, что взяв больше добавок (щелочей, щелочных земель и минеральных красителей), можно получить более толстый и выразительный слой глазури, но при этом теряется рельефность изделия. Для получения оптимальных результатов требуется соблюдать количественно-качественное равновесие, нарушение которого приводило к невосполнимым потерям: на поверхности «противня», на котором изделия вносились в печь, вместо заданной формы — растекшаяся капля. «Растекающимся камнем» и ничем другим было первое стекло. Нужно думать, что поначалу оно существовало как предупреждение: лучшее — враг хорошего! И тем не менее «растекающийся камень» превращался в полезный материал!

Путь этих превращений был трудным и долгим. Нужно было прежде всего ограничить пределы «растекания». Собственного опыта у мастеров фаянсового дела не было, а вот в другой области, в металлургии, в

это время широко и успешно применялись формы, тигли, льячки. Растолочь «растекающийся камень», неудавшихся скарабеев, бус, ушебти, ссыпать полученный порошок в тигель или в глиняный горшок и поставить в печь было делом нехитрым. Сыпучий порошок (современный термин «фритта») подобно металлу в печи таял и плавился. Аналогично металлу новый материал, остывая, терял сначала текучесть, а затем и пластичность, приобретая свойства твердого тела.

Осознание этой аналогии послужило огромным импульсом развития, поскольку металлургия и металлообработка стали источником, из которого черпались новые знания и идеи. Так, по аналогии, стало возможным делать стеклянные отливки, монолитные или полые, в виде трубок, отливки можно было заготавливать впрок. Первоначально аналогия стекла и металла, очевидно, исчерпывалась на уровне производства материала и создания его запасов. В дальнейшем же стеклоделы заимствовали простые и ясные приемы обработки металла; стали применять сварку, соединяя стеклянные детали, прессовать стекло и применять формы. В то же время они постигали свойства стекла: будучи горячим, оно растягивалось, сгибалось.

Стекло родилось в сфере изготовления украшений и вотивных предметов. Самыми первыми изделиями из стекла стали бусы. Бусина — мелкое украшение, нанизанное на нитку; ее роль могут играть шишки, ягоды и орехи; бусину можно сделать из глины, дерева, металла и камня. Бусы из природных материалов и металлов, самородных и плавленных, были известны и любимы с давних пор, из стекла их стали делать значительно позднее. Может быть, самая первая, во всяком случае одна из первых, принадлежала египетской царице Хатшепсут (1525—1503 гг. до н. э.): бусина с именем царицы была найдена в ее гробнице. На первый взгляд примечательного и удивительного в этой бусине мало: не совсем правильный шар, зеленоватое и малопрозрачное стекло... Но именно это отличало бусину Хатшепсут от всех известных ранее и сотни лет позднее. Благодаря этой бусине мы знаем дату рождения египетского стеклоделия (стекло в виде сплавов и отливок, назначение которых до сих пор не определено, было известно по находкам в Месопотамии, относящимся к XXIII—XXI вв. до н. э.).

Стеклянные бусы были драгоценностью; их носили как украшение, ими расшивали одежды, они играли роль амулетов и оберегов. Постепенно бусы утрачивали свою первоначальную ценность. Стеклянные бусы, будучи предметом торговли, транспортировались по всему свету, то нанизанными на нитку, то россыпью, но всегда в закрытых сосудах. Они служили выгодной формой неэквивалентного обмена, очерчивая сферу интересов античной торговли. Балтийское побережье, Приладожье, Прикамье, среднее течение Волги, Причерноморье, Северный Кавказ и Юго-Восточная Европа окажутся районами наибольшего интереса египтян, сирийцев и римлян, а в средние века — восточных, а затем и византийских торговцев. Египетские и сирийские бусы в раннее средневековье достигают Средней Азии, Сибири, Дальнего Востока и Китая. Повсюду носили примерно одинаковый набор бус, который получали в обмен на самые разные товары. Предметы восточной торговли весьма разнообразны: рабы, шелка, пряности, серебро, драгоценные камни и... стеклянные бусы. С современной точки зрения это кажется фантастически неправдоподобным.

Рис. 1. Бусина египетской царицы Хатшепсут.

Находки стеклянных бус не только обозначают районы, наиболее интересные для иностранных купцов. Исследованием химии, технологии и морфологии бус можно установить источники, откуда они поступают. Все стекло, сваренное с применением золы, мы теперь уже знаем, поступало из районов Ближнего Востока. Бусы здесь делались серийно из разного рода вытянутых трубочек с помощью щипцов и облегчающих производственный процесс приспособлений. Такие бусы очень похожи друг на друга и легко поэтому узнаваемы. С середины II в. н. э. они становятся предметом массового производства, а самые первые образцы появляются ранее, еще в эллинистическую эпоху. Бусы, на изготовление которых шло содовое стекло, и в эпоху эллинизма, и в римское время, и в средние века отличала особая тонкость и сложность работы. Стеклянные

бусы, которые делались из сложноузорных мозаичных палочек, происходили из мастерских Египта, прежде всего из александрийских. Стеклянные палочки служили материалом для изготовления бус не только в Александрии, со временем стало выгодно и рационально эти палочки продавать. На территории Западной Европы в эпоху позднего латена появились грубые бронзовые изделия, украшенные эмалями, непрозрачным стеклом, очень сложными по своему составу. Несоответствие техники получения материала и способа изготовления изделия, украшенные эмалями (непрозрачным стеклом) производство в данном месте начинается с нуля и на привозном материале, происхождение которого связано с такими географическими районами, где стеклоделие имело глубокие корни и развитые традиции.

К изготовлению бус обращаются и в древней Руси, и именно с бус начинается собственное древнерусское стеклоделие. В конце X в. в Новгороде и многих других древнерусских городах находят бусы грязно-зеленого цвета примитивной формы и отделки. Это первые приметы собственно русского стеклоделия. Позднее стеклянных бус стали делать много: форма их была не сложной, техника изготовления простой — навивка вокруг стержня. Хотя в изготовлении бус на Руси следовали византийским образцам, было это следование весьма своеобразным. Так, древнерусские мастера задали современным ученым загадку, которую удалось разгадать совсем недавно, применив такое средство, как спектральный анализ. В древней Руси большим признанием пользовались бусы, которые мы называем золочеными. Каждая бусинка имела неширокий металлический поясок, закрытый сверху слоем стекла. Этот поясок всегда кажется золотым, но золото здесь аналитически никогда не улавливалось. Дело оказалось в том, что древнерусские мастера использовали оптический эффект: серебрянная фольга, покрытая сверху слабоокрашенным желтоватым стеклом, казалась золотой. Таким несложным, но хитрым путем древнерусский мастер добивался того же эффекта, какого византийский мастер добивался, работая с золотом. Как ни интересно рассказывать о разных хитростях и тонкостях изготовления и распространения бус, пора остановиться и перейти к иным сюжетам, более значительным. Подлинные возможности нового материала были откры-

ты значительно позднее, к рубежу новой эры, когда нашли экономичные способы изготовления посуды и оконного стекла.

* * *

Бусы были своего рода «пробой пера», «разучиванием гамм» стеклоделия. Изготовление стеклянных сосудов требовало глубоких знаний и навыков, умения и таланта; сосуд — сложное, нередко многочастное произведение, становившееся подчас целой симфонией. Древний мастер был дизайнером в нашем понимании: сам находил художественное и творческое решение и воплощал свой замысел собственными руками.

Появление стеклянных сосудов отмечало не только рост мастерства стеклодела. Стекло, дотоле существовавшее как материал для занятных безделушек, стало служить полезному делу в изготовлении посуды. Шаг от изготовления бус к изготовлению сосудов гораздо короче, чем это кажется сейчас. В пору, когда еще не знали выдувания, достаточно было в большом стеклянном слитке сделать углубление, чтобы получить чашу, или вместо трубки отлить закрытую с одного конца емкость. Однако такие «пробы» изготовления сосудов до нас не дошли. Самый первый найденный археологами стеклянный сосуд имеет уже сложную форму и декор. Это небольшая рюмка, всего 8 см высотой, и диаметр устья также в 8 см. Толстые стенки делают сосуд неудобным и малоприятным в употреблении, темные, неровные и пористые внутренние стенки усугубляют это впечатление. Снаружи сосуд даже красив: гладкий и блестящий бирюзового цвета с темно-синим и белым декором, в цветной декор включен картуш с именем Тутмоса III, правившего Египтом в 1525—1473 гг. до н. э. (но до 1503 г. властвовала Хатшепсут, его мачеха и соправительница). Благодаря картушу с

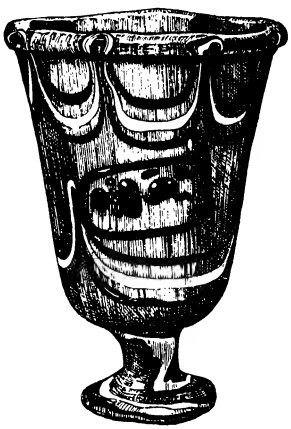


Рис. 2. Кубок египетского фараона Тутмоса III.

именем владельца мы знаем время рождения изготовления сосудов из стекла: не ранее 1503 г. до н. э. Случись это ранее — на сосуде скорее стояло бы имя Хатшепсут, как и на первой бусине из стекла. Совершенно очевидно, что первые стеклянные сосуды не выдерживали конкуренции с традиционными материалами: не только с драгоценными металлами, самоцветными камнями и алебастром, но и керамикой высокого качества. Более широкое применение получили стеклянные сосуды закрытых форм (алабастры, амфориски) с узким горлышком и округлым, неудобным для стояния дном, иногда с маленькими ручками для подвешивания. Вероятно, их единственное назначение — хранить благовония. Древняя эстетика делала возможным подобное сочетание: дорогой сосуд из редкого материала и драгоценное его наполнение. Видимо, в это время появился иероглиф, которым на письме в Египте обозначали слово стекло: три соединенных вместе алабастра.

Сходные по форме и, очевидно, одинаковые по назначению сосуды, но из стекла разного состава делались в Египте и Месопотамии. И если бы мы не нашли способа разграничивать между собой египетские и месопотамские изделия, спор на тему, кто раньше начал их изготовлять, кто у кого заимствовал формы, кто на кого влиял и чего касались эти влияния, никогда бы не кончился. Сегодня появились новые аргументы и первые надежды на разрешение спора. Если к итогам исследования морфологии и стилистики этих изделий, а также географии находок добавить сведения о их составе, то окажется, что изготовление их в Египте и Месопотамии осуществлялось независимо, но по близким техническим канонам, и в этом нужно видеть не столько заимствования и повторения, сколько независимое (конвергентное) развитие, стремление к воплощению общих, а может быть, и единых эталонов красоты, выражение общего понимания прекрасного. В обеих странах, в обоих регионах изготовление сосудов в эпоху поздней бронзы развивалось примерно одинаково.

В железном веке месопотамская стеклянная посуда делалась иным способом: из полупрозрачных, иногда прозрачных неокрашенных отливок она вытачивалась (редко отливалась), а внутренняя полость высверливалась. Из такого же стекла путем прессования в Месо-

Рис. 3. а) древнеегипетские алабастры; б) египетский иероглиф, обозначавший слово «стекло».

потамии делали чаши. Целая серия чаш, невысоких — 5—6 см, диаметром 10—12 см, имела рельефный выпуклый декор в виде лепестков, вся поверхность, и наружная и внутренняя, отшлифована и заполирована. Все лишнее срезано. Считается, что именно о таких чашах говорит персидский посол, один из персонажей комедии Аристофана «Ахарняне», написанной в 525 г. до н. э., называя их ἐκπωματα ὑαλοσατα — «чаши прозрачные». Название экпома ученые распространили на чаши подобной формы, но более позднего времени. Для нас не менее, если не более, интересна вторая составляющая греческого словосочетания в единственном ичсле — ὑαλος. Именно так — хюалос, прозрачный — греки называли стекло; тот, кто делал стекло, назывался хюалург, а все ремесло — хюалургия. Принцип словообразования тот же, что лежит в основе металлург — металлургия, драматург — драматургия, хирург, демиург и т. д.

Вернемся к чашам. В V—IV вв. до н. э. они известны значительно шире: Средиземноморье, Причерноморье, Италия, Испания, материковая Европа. На основании формально-типологического сходства с месопотамскими чашами более раннего времени, их обычно относят к кругу ахеменидских изделий. Однако результаты анализа состава показали, что часть подобных чаш была сделана финикийцами не только в более позднее время, но и в ином регионе на побережье Средиземноморья.

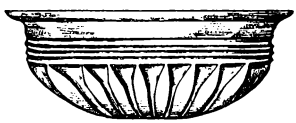


Рис. 4. Многолепестковая чаша (реконструкция).

Изготовление чаш путем прессования в форму стало основой для изготовления открытых форм в эллинистическом и раннеримском Египте и на восточном побережье Средиземного моря; в раннеримское время сначала также путем прессования, а затем и путем выдувания производились ребристые чаши, генетически связанные с финикийскими. Иная техника изготовления определила их новые морфологические особенности: тонкие стенки, легкость и необыкновенную хрупкость. По составу стекла они соответствуют изделиям римской эпохи, а техникой изготовления связаны с традициями,

Рис. 5. Изготовление посуды в средневековой стекольной мастерской.

которые, вероятнее всего, были переданы римлянам потомками финикийцев.

Изготовление стеклянной посуды, ее настоящая история, а не предыстория, связано с римской эпохой и было определено освоением стеклодувной трубки. С ее помощью были открыты свойства, присущие только

стеклу — способность воспринимать формующую силу дутья.

Первоначально использовался весь пузырь, прикрепленный к стеклодувной трубке, почти вся стеклянная масса, набранная из горшка, превращалась в изделие — бутылка становилась главной формой. Изготовление стеклянной посуды ускорялось, каждый сосуд становился более легким, с более тонкими стенками, следовательно, на него шло меньше стеклянной массы, но, с другой стороны, та половинка шара, которая не входила в форму, оставалась без употребления.

В стеклянной посуде рубежа нашей эры на каждые семь-восемь бутылок амфорисков, арибаллов или бальзамариев приходились две-три чаши, тарелки или кубка. Первые полтора столетия нашей эры прошли под знаменем стеклянных бутылок: тарной и парфюмерной посуды, пригодной для небольших порций жидкости, благовоний, мазей, приправ; из стекла же делают урны для праха усопших — большие банки с крышками. Открытые формы — стаканы, кубки — первоначально имели необыкновенно сложный сюжетный рельефный декор: сцены конных состязаний, гладиаторских боев, затейливые орнаменты и тексты. Эти сосуды не были предметами утилитарного назначения, их функция — парадно-представительная. Известны сосуды причудливых форм — человеческое лицо, виноградная гроздь и т. д. Подобная игра воображения продолжалась бы очень долго и стеклянная посуда не стала бы утилитарно необходимой и незаменимой, а стеклянные кубки для питья в первые века нашей эры были бы по-прежнему дороги, за них платили огромные деньги, если бы не одно маленькое изобретение.

Современные техники называют это приспособление понтия, понтиль и даже любовно Пантелей. Что она собой представляет? В развитом виде — это металлический прут, который через стеклянный шарик прикрепляется к дну изделия. После того как изделие отделено от стеклодувной трубки, но закреплено на понтии, его можно многократно вносить в жар печи и возвращать стеклу его пластичность, поскольку только пластичное стекло можно подвергать дальнейшей обработке, наносить вгорячую декор и т. д. Понтия, как явствуют археологические находки, была известна с середины II в. н. э. И в это же время и чуть ранее были

известны сосуды, на дне которых нет следа прикрепления понтии, но есть отпечаток тоненького колечка диаметром около 2 см. Этот отпечаток представляет собой не что иное, как след стеклодувной трубки, функция которой после того, как было выявлено и освоено ее основное назначение, была расширена: она стала применяться для закрепления сосуда с той же самой целью, с которой позднее стала применяться понтия в полном смысле этого слова. Сосуды, имеющие на дне такой следок, снабжены сложно профилированным, а иногда и оплавленным краем.

Это маленькое изобретение совершило переворот в изготовлении стеклянной посуды. Но для этого стеклянной посуде нужно было победить серьезных соперников и конкурентов: металлы, благородные камни, высококачественную глину и другие материалы, традиционные для изготовления посуды. Со временем сказались и многие преимущества стеклоделия. Стекло не требовало специальных, выдержанных и особо подготовленных глин, сложных формовочных приспособлений и т. д. В стеклоделии, если известно сырье, известна рецептура, известны конструкции печей и горшков, все может быть возведено и освоено одномоментно. Все свое мастерство и умение вместе с нехитрым инструментарием и припасом мастер носил с собой и в себе. В III и особенно в IV в. н. э. стеклянная посуда, выйдя из разряда предметов роскоши, стала ординарным бытовым предметом. В это время из стекла делают не только столовую посуду и бутылки; становятся обычными разного рода банки, стаканы, светильники, появляются сосуды специального назначения — детские рожки, воронки, капельницы, висячие лампы и т. д.

Исчерпав все возможности форм сосудов и их назначения, мастера обращаются к их декору. Разрабатывая поочередно разные направления (декоративные сюжеты и технику), подходят к тому, что декорирование сосуда становится дороже его изготовления. Особенно сложным был декор вхолодную: он требовал предварительного долгого, в течение 10—12 лет, обучения мастера, сложного инвентаря и оборудования. Резная стеклянная посуда в себе аккумулировала огромные затраты труда, времени, материалов. Все это снова выводило сосуды из широкого потребления и постепенно превращало в предмет роскоши: византийские импера-

торы в VI в. относили их к аксессуарам придворного церемониала.

Стеклянная посуда в раннем средневековье изменилась: бесконечные постоянно горящие лампы и лампады, сосуды для причастия, сосуды для благовоний и масел, чернил и лекарств, лаконичные по форме, часто без всякого декора пришли на смену богатству форм и декоративному разнообразию римской эпохи.

Примечательно, что производство стеклянной посуды в древней Руси началось в начале XI в. с изготовления ламп, напоминающих собой остродонные кубки

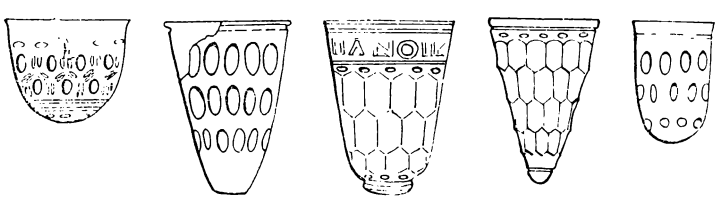


Рис. 6. Позднеантичные кубки и лампа.

для питья. Именно в силу этого внешнего свойства функция первых древнерусских сосудов была двойственной: традиционная форма, напоминавшая рог для питья, позволяла и сакральный сосуд использовать для этой цели.

Специальные сосуды для питья появились вслед за лампами, лишь в середине XI в., тогда же появились лампады новой формы и более удобные кубки, а в середине XII в. — совсем удобные стаканы на поддоне, затем тарелки, бутылки, рюмки и т. д. Древнерусская посуда первоначально была только ярко функциональна и лишена какого-либо декора: новый материал был сам по себе достаточно наряден и декоративен, к нему еще не привыкли, и само владение стеклянным сосудом составляло удовольствие, а мягкий желтоватый оттенок стекла делал ее еще более привлекательной. Только в XII в. на стеклянной посуде появился очень скромный декор — фиолетовые или бирюзовые накладные стеклянные детали: нити, змейки, полосы и капли.

Многие изменения акцентов в раннесредневековом стекле, конечно, связаны с введением христианства, но главная причина видится не в этом. Иная эпоха поро-

дила и новые задачи, устремления, новую идеологию и художественные вкусы, и христианство выступает как одна из составляющих этого сложного процесса. Отправление культа велось круглый год. В климатических условиях континентальной Европы плотно закрытые двери и окна надежно защищали от ветра и непогоды. Лучший материал для окон — стекло, оно прозрачно и пропускает свет, оно достаточно прочно, чтобы защищать от ветра, снега и дождя. Оконное стекло (для средних веков) — это новая сфера применения стекла.

Интересна история оконного стекла. Самые первые оконные стекла известны по находкам в Помпеях, в городе, засыпанном во время извержения Везувия в 79 г. н. э. Плоские толстые, отлитые из цветного стекла, прозрачные плиты не предназначались для застекления оконных проемов в нашем смысле. Архитектура римского жилища исключала такую необходимость. Жилые и производственные помещения в Риме освещались дневным светом. И тем не менее плоские стекла, найденные в Помпеях, предназначались для застекления окошка, правда, небольшого, располагавшегося рядом с калиткой. Это окошко своего рода маяк: оно защищало светильник, который ставился в нишу, чтобы в кромешной тьме южной ночи как-то наметить вход в дом.

Дело не только в том, что климат Италии позволял обходиться без застекленных окон. Дело еще и в том, что способ получения больших прозрачных плоскостей был найден далеко не сразу. Первоначально в первые века новой эры из стекла получали лишь небольшие отливки, толстые и поэтому недостаточно прозрачные и, что немаловажно, дорогие. Оконные стекла как таковые известны со второй половины II в., а более широко — с III—IV вв. Это было не литое, а выдувное плоское стекло. Известны три способа получения плоских стекол путем выдувания (напомним, что выдувается всегда шар, и лишь путем дополнительных нередко очень сложных манипуляций такому шару придается иная конфигурация, в том числе и плоская форма). Один способ — это так называемый цилиндр-процесс, который на русских заводах именовался халявным. Он предполагал выдувание большой, диаметром более 30 см, бутылки, у которой затем отрезались горлышко и донце (тут без понтии не обойтись), а тулово, разре-

занное вдоль, развертывалось в плоский и прямоугольный лист, размер получавшегося листа около 0,3 м^2.

Два других способа предполагают изготовление круглых оконниц. Один из них называют лунным. Он представляет собой последовательное превращение в диск конического кубка — без понтии и в этом случае не обойтись. Другой способ предполагал получение сосуда с широким дном и низкими стенками. От такого «сосуда» стенки отрезались вообще и получался диск. Круглые стекла имели диаметры 20—22 см. Они крепились в деревянной раме — доске, взятой по размеру проема, в вырезы которой крепились диски. Такие рамы найдены в Софии Киевской, в Новгородской Нередице. Нужно иметь в виду, рассматривая сохранившиеся части живописи интерьеров Нередицы и Софии, что она воспринималась с легкой желтоватой подсветкой, поскольку оконные стекла были желтоватыми. Желтоватый тон делал более мажорным звучание цветной палитры прекрасных фресок и мозаик.

В средневековой Грузии оконное стекло было тоже круглым, но, в отличие от древнерусского, сложнорельефным и цветным.

Изготовление оконного стекла некоторое время было специализацией монастырей и церквей. Мастера переезжали со всем своим инструментарием, а иногда и сырьем из одного аббатства в другое. Представление о бродячих мастерах-стеклоделах проникло в научную литературу и породило в свою очередь другое, ошибочное и вредное: будто стеклоделием можно заниматься походя, между делом, так же, как мелкой торговлей или портняжничеством, и делать стеклянные вещи в любом месте. Отчасти это так, но, как показывают подробные карты, на которых отмечены все выявленные разведками, раскопками и работами в архивах мастерские, их расположение подчинено некоторому порядку, который, правда, еще не всегда понятен. Снова и снова мы возвращаемся к мысли, что современные установки не всегда подходящи для изучения древнего стеклоделия: его организация подчинялась, видимо, иным нормам, еще не раскрытым правилам и установкам.

Есть еще немало интересных сюжетов в истории стекла: когда, что и как умели делать финикийцы, о которых, выбирая самые красивые слова, так много говорят древние авторы; в каких формах пережило период

V—IX вв. стеклоделие Византии; не написана еще история стекла у франков и в средневековой Европе; византийское, венецианское и богемское стекло ждут своих исследователей. Эти сюжеты достойны специального рассмотрения: их место в истории стекла значительно. Есть и другие, менее важные, но не менее интересные темы — создание оптических инструментов и специальной лабораторной посуды; трудными и долгими были поиски рецептов для изготовления оптического стекла, прозрачного красного, розового, оранжевого и турмалинового. Сколько раз приходилось открывать заново то, что хорошо было известно в давно прошедшее время — древняя техника миниатюрной мозаики была реставрирована венецианцами, гравировка по золоту, известная римлянам и византийцам, вошла в историю как эгломизе, сохранив в названии имя придворного стеклодела Людовика XVIII Э. Гломи; высокая резьба, также известная римлянам и византийцам, вошла в историю как открытие братьев Винтер, работавших в Потсдаме у прусского императора; М. В. Ломоносов заново создавал рецептуру для своих мозаик. Многие открытия нового времени есть буквально повторение уже сделанных однажды, сотни, а нередко и тысячи лет назад. Менялись условия задач и средства их решения, но не самые задачи, они остаются вечными — поиски новых для стекла функций и форм, создание гармонических сочетаний, в которых звучала бы, не умолкая, «Ода стеклу», его красоте и силе. Современные художники могут найти для себя немало интересных идей и решений в старом источнике, путь к которому расчищают историки древнего стекла.

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Р. Кызласов.	ОБРЕТЕНИЕ ПУТИ В НАУКУ	7
Л. Р. Кызласов.	В СИБИРИЮ НЕВЕДОМУЮ ЗА ПИСЬМЕНАМИ ТАИНСТВЕННЫМИ	16
Г. А. Федоров-Давыдов.	В ДРЕВНЕЙ ДЕЛЬТЕ ВОЛГИ	50
С. А. Изюмова.	ДРЕВНОСТИ ТУЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ	77
Д. А. Авдусин.	КЛЮЧ-ГОРОД	92
В. Л. Янин, Е. А. Рыбина.	ОТКРЫТИЕ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА	123
И. В. Яценко.	КРЕПОСТЬ И СЕЛЬСКИЕ УСАДЬБЫ ХЕРСОНЕСЦЕВ НА ОКРАИНЕ СОВРЕМЕННОЙ ЕВПАТОРИИ	184
Н. В. Рындина.	ЧЕЛОВЕК У ИСТОКОВ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ	205
Ю. Л. Щапова.	НЕМНОГО О ДРЕВНЕМ СТЕКЛЕ	247

ПУТЕШЕСТВИЯ В ДРЕВНОСТЬ

Заведующая редакцией
Н. М. Сидорова
Редактор
О. Н. Трифонова
Художник
И. С. Клейнард
Технический редактор
Г. Д. Колоскова
Художественный редактор
Л. В. Мухина
Корректор
И. А. Мушникова

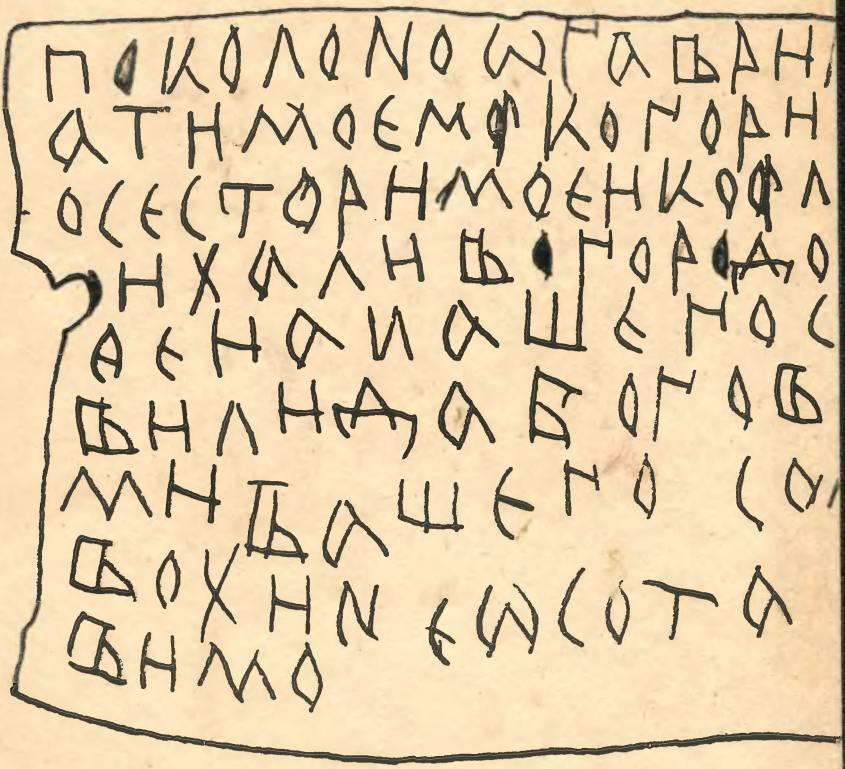
Тематический план 1983 г. № 35
ИБ № 1532

Сдано в набор 24.02.83.
Подписано к печати 20.05.83.
Л-95324 Формат $84\times108^{1}/_{32}$.
Бумага тип. № 1.
Гарнитура литературная.
Высокая печать.
Физ. печ. л. 8,5 Усл. печ. л. 14,28
Уч.-изд. л. 14,39 Изд. № 2956
Зак. 52. Тираж 40 000 экз.
Цена 1 руб.

Ордена «Знак Почета» издательство
Московского университета
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.
Типография ордена «Знак Почета» изд-ва МГУ.
Москва, Ленинские горы

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
166	конец 25—начало 26 сверху	бумала	бумага
259	11 сверху	изделия, украшенные эмалями (непрозрачным стеклом)	изделий из него — один из верных признаков, что

Зак. 52

Цена 1 руб.